

Жорж Онэ

Кутящий Париж

Жорж Онэ

Кутящий Париж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6538701

Аннотация

«Сухой, оглушительный треск громового удара... Огненный зигзаг молнии прорезал тучу, отбрасывая мертвенный свет на воды Луары. Лошадь, запряженная в открытый экипаж, проезжавший по длинному мосту Блуа под ливнем дождя, в испуге взвилась на дыбы. Женский голос крикнул из экипажа:

– Боже мой, мы пропали!

– Да нет же, не бойтесь, – отвечал другой, твердый, голос. – Еще сто шагов, и мы будем у подъезда этого проклятого нотариуса!.. Кучер, поезжайте скорее, хлестните хорошенько вашу лошадь, если она артачится...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	59
Глава 4	86
Глава 5	114
Глава 6	139
Глава 7	171
Глава 8	202
Глава 9	237
Глава 10	277
Глава 11	316
Глава 12	346

Жорж Онэ

Кутящий Париж

Глава 1

Сухой, оглушительный треск громового удара... Огненный зигзаг молнии прорезал тучу, отбрасывая мертвенный свет на воды Луары. Лошадь, запряженная в открытый экипаж, проезжавший по длинному мосту Блуа под ливнем дождя, в испуге взвилась на дыбы. Женский голос крикнул из экипажа:

– Боже мой, мы пропали!

– Да нет же, не бойтесь, – отвечал другой, твердый, голос. – Еще сто шагов, и мы будем у подъезда этого проклятого нотариуса!.. Кучер, поезжайте скорее, хлестните хорошенько вашу лошадь, если она артачится.

Кучер, сидевший на козлах экипажа, ударил бичом по спине своей приземистой, плотной лошадки так сильно, точно хотел рассечь ее пополам. Она заржала от ярости и, рванувшись вперед при вспышках молнии, под струями воды помчалась по набережной, завернула на улицу и остановилась перед домом из тесаного камня, дверь которого была украшена двумя позолоченными гербами.

– Уф! Выходите!

Двое мужчин и дама, закутанные в плащи, прикрытые пледом, вышли совершенно мокрые из экипажа. Один из путешественников, высокий мужчина, нетерпеливо дернул звонок. Ему отворили не сейчас, и он принялся барабанить набалдашником своей трости в дубовую дверь. Тогда оттуда выглянул растерявшийся клерк и при виде трех приезжих, промокших до нитки, произнес тоном отчаяния:

– Ай-ай! Досталось же, должно быть, хозяйской лошади!

– Она не мокрее нас, юноша, – заметил мужчина с тростью, – а ее здоровье далеко не так драгоценно, как наше.

Однако юркий малый, по-видимому, не особенно смутился от этих слов. Он распахнул одну дверь с мягкой обивкой, а потом другую, которая вела в кабинет хозяина, и сказал:

– Прошу покорно войти, господа. Камин затоплен. Сейчас я дам знать господину Леблану... Он не ожидал вас так рано и пошел в суд...

– Хорошо, – отвечал путешественник, который как будто распорядился всем. – Самое важное для нас – обогреться... Садитесь, сударыня, и раскутывайтесь.

Из-под складок пушистой шотландской шали, среди капюшонов и воротников плаща с накидкой на плечах, выглянула белокурая хорошенькая женская головка, растрепанная, но уже с улыбающимся личиком. Снятый плащ обнаружил восхитительный стан, обтянутый суконным корсажем, а из-под платья, от которого пошел пар, грациозным движением протянулись к каминной решетке две миниатюрные нож-

ки.

– Ах, я действительно перепугалась на этом бесконечном мосту, когда так страшно грянул гром!.. Молния, должно быть, ударила недалеко от нас...

– Да прямо в реку, приблизительно в ста метрах слева, – подтвердил второй путешественник. – Я только не хотел вам говорить, вы и без того не помнили себя от страха.

– Прекрасная поездка в город, которую вы мне предложили! – заметила молодая женщина. – Другой раз я буду иметь к вам доверие.

– Ах, вы несправедливы ко мне, моя дорогая! Я вовсе не хотел брать вас с собой. С этим пристал к вам Томье...

– Леглиз говорит правду, сударыня, я один виноват и, что всего хуже, нисколько не раскаиваюсь.

– Bravo, теперь вы станете доказывать мне, что для меня большое счастье находиться с вами в Блуа под проливным дождем, вместо того, чтобы преспокойно сидеть у себя в Париже...

– Пожалуй, это не большое счастье для вас, но, без сомнения, чрезвычайно приятно для вашего мужа и для меня... А что значит неприятность от этой грозы, тем более что она уже прошла, в сравнении с удовольствием, испытанным нами от вашего общества во время сегодняшней экскурсии и предстоящим еще за обедом в отеле «Франция»? Вероятно, мы будем есть с большим аппетитом после катанья на чистом воздухе. Вдобавок, разве не забавно показаться в этой про-

винциальной таверне?..

– Но найдется ли там приличный обед?

– В Блуа? Да что вы толкуете! Вас угостят здесь на славу, точно какого-нибудь принца или епископа, а вина, у них, прямо превосходны.

– Однако в ожидании этого я нахожусь в прелестном состоянии, растрепанная, с мокрыми волосами и в шляпе, превращенной в губку. Я не могу оставить этой развалины, у себя на голове...

Говоря, таким образом, молодая женщина снимала с себя шляпу перед каминным зеркалом и показывала своим спутникам измокший и перемятый остов того, что не дальше как сегодня утром было чудом парижской грации и изящества.

– Милая моя, – сказал Леглиз, – вы можете купить здесь более или менее приличную шляпку. Ведь Блуа не какой-нибудь поселок дикарей, в этом городке должна же существовать модистка. Пока я буду беседовать с нотариусом, ступайте вдвоем с Томье на поиски модного магазина. Надо же вам в чем-нибудь явиться в Париж. Тогда будет темно и никто не разглядит, хорош или нет ваш головной убор.

– Пойдемте, он говорит дело.

В это время на пороге показался запыхавшийся, спешивший хозяин дома.

– Извините, ради Бога, сударыня и милостивые государи. Я никак не ожидал, что вы вернетесь тотчас по такой погоде... Если б вы подождали лишний час в Монтришаре, то

избегли бы грозы. Видите, она прошла и дождь перестал.

В окно, выходявшее на набережную, виднелось уже голубое небо, по которому бежали облака, следуя течению реки.

– Грозы у нас непродолжительны, – сказал нотариус. – Они разделяются на Луаре и идут – одна половина к Туру, другая – к Буржу. Мы пользуемся приятным преимуществом...

– Во всяком случае, когда у вас пойдет дождь, так не на шутку, – заметил Леглиз. – Ах, какой был ливень! Наши плащи едва защитили нас, а шляпа моей жены превратилась в кисель. Нет ли у вас тут поблизости магазина, где можно найти что-нибудь подходящее в этом роде?

– Если б я осмелился, то предложил бы вашей супруге шляпу моей жены, но, пожалуй, она будет немного проста...

– Вы очень любезны... А где покупает шляпы госпожа Леблан?

– На площади Ратуши у нас есть модный магазин, где дамы находят все по парижскому образцу...

– Вот и прекрасно. Удовольствуемся тогда парижским образцом, – весело подхватил Томье, улыбаясь молодой женщине. – Угодно вам, сударыня, отправиться на поиски магазина?..

– Девиц Сесиль и Розы, – прибавил нотариус. – О, не думайте, это отличные модистки, по словам наших дам, они работают превосходно.

– Вот посмотрим! Значит, Леглиз, ты остаешься с госпо-

дином нотариусом. Мы подождем тебя в отеле «Франция»...

– Само собой разумеется.

Хозяин бросился подавать своей гостье плащ, уже успевший просохнуть, и хотел проводить ее до порога прихожей, но та, высокомерно улыбаясь, попросила его не беспокоиться. И под руку со своим спутником, радуясь предстоящей экскурсии, она вышла из кабинета, оставив мужа наедине с нотариусом. Выйдя на улицу, Томье оглянулся по сторонам. Им предстояло перейти на противоположный тротуар. Мокрая мостовая, блестящая на солнце, заставила парижанку приподнять платье, и она грациозно перепрыгивала с камня на камень, ловко минуя лужи и не посадив ни единого пятнышка на свои изящные лакированные ботинки.

– Вы знаете, куда идти? – спросила она своего кавалера.

– Отлично знаю. Через пять минут мы будем в магазине.

Он шел возле нее, высокий и стройный. Его красивое лицо брюнета освещалось глазами уроженца Востока; грациозный рот смягчал общее выражение физиономии и оттенялся черными усами с молодецки закругленными кверху кончиками. Госпожа Леглиз, маленькая, тоненькая и воздушная блондинка с голубыми глазами и румяными губками, улыбалась, чуткая и внимательная, какую бывает всякая женщина в присутствии любимого человека.

– Как хотите, Жан, с вашей стороны было все-таки немного глупо, – сказала она фамильярным тоном, – уговорить моего мужа взять меня.

– Ведь хотел же он, чтоб я непременно участвовал в этой поездке?!

– Вы его друг...

– А вы, разве вы не моя...

Она сделала гримаску, помешавшую ему произнести слово, которое было у него на языке. Он продолжал:

– Ваш муж хотел, чтобы мы были с ним оба: это вполне естественно, И нам стыдно упрекать его в этом из-за ливня и испорченной шляпы. Завтра вы и не подумаете больше о мелких неприятностях сегодняшней прогулки, но еще долго будете вспоминать наши странствия по улицам Блуа в поисках модистки, у которой я куплю вам шляпу.

– Вы сумасшедший!

– Нисколько, разве из любви к вам! В последнем случае, действительно, я помешан. Вы выберете шляпу, а я за нее заплачу, это так же верно, как то, что мы стоим на площади Ратуши... Пойдите, вот магазин «Сесиль и Роза». Это тот самый... входите, сударыня, прошу покорно, для меня наступил момент самой разорительной щедрости!

Он отворил дверь очень скромного магазина, на окнах которого были выставлены разнообразнейшие головные уборы, начиная с бархатной шляпки с атласными завязками для женщины серьезной и кончая круглой касторовой шляпой с перьями для модницы. При звоне колокольчика, задрезавшего внутри помещения, худошавая женщина кроткого вида поднялась с места, кладя на стол тюлевую форму, кото-

рую она шила. Модистка тотчас подвинула стул вошедшей молодой даме. Томье облокотился на прилавок.

– Мне хотелось бы, мадемуазель, приобрести совершенно простенькую шляпу взамен вот этой, которая вконец испорчена дождем...

Говоря, таким образом, госпожа Леглиз сняла с себя свой тюлевый ток и передала его хозяйке магазина. Та заглянула мельком внутрь шляпы, увидала имя крупной парижской модистки, и у нее на губах тотчас появилась легкая улыбка одобрения.

– Я знаю этот торговый дом, я там работала... Красивый товар. Сделано из ничего и хрупко, как крылышко мотылька... А цена двести франков. Здесь у нас требуются вещи попрочнее и подешевле.

Заказчица сделала отрицательный жест. Модистка не дала ей выговорить:

– Не бойтесь, сударыня, я знаю, что вам нужно... Только у меня ничего нет готового...

– Бог мой, но ведь я уезжаю сегодня вечером!

– Успокойтесь. Чтобы сделать шляпу, понадобится всего час времени... Я сию минуту позову мою подругу. – Она отворила дверь в глубине магазина и сказала: – Мадемуазель Роза, не будете ли вы так добры выйти сюда?

В ту же минуту появилась молодая девушка среднего роста с благородным и умным лицом, одетая очень скромно, но с манерами, не соответствующими положению провинци-

альной портнихи. Она слегка поклонилась, улыбнулась, показывая зубы ослепительной белизны, и спросила мелодичным голосом:

– Что вам угодно?

Однако ни госпожа Леглиз, ни Томье не могли сразу ответить. Они рассматривали вошедшую, удивленные и очарованные внешностью этой девушки.

Мадемуазель Сесиль между тем объясняла своей компаньонке:

– Для этой дамы надо безотлагательно сделать шляпу. Это форма Жиро.

– Так что же, ничего нет легче, – ответила мадемуазель Роза своим пленительным голосом с чудной улыбкой, освещавшей ее лицо. – Самая легкая кружевная отделка с маленькой черной эгреткой, выходящей из шелкового шу, с блестками из вороненой стали... Это будет безделица, стоящая пустяки, но она пойдет этой даме и будет гармонировать с необыкновенно счастливым выражением ее лица.

Томье одобрительно кивнул головой и весело сказал в ответ на вопросительный взгляд госпожи Леглиз:

– Это будет превосходно, и если шляпа выйдет наполовину такой удачной, как ее описание, то получится шедевр... надо приехать в Блуа, чтобы сначала услышать такие вещи, а потом их увидеть.

– И она будет готова очень скоро? – спросила молодая женщина.

– Скорехонько... мы примемся за нее обе: я и мадемуазель Сесиль. В какой гостинице остановились вы, сударыня?

– В отеле «Франция», где я обедаю сегодня вечером перед отходом поезда.

– Очень хорошо. Шляпа будет вам принесена в шесть часов.

– А цена?

– Сорок франков, – сказала мадемуазель Сесиль, по-видимому уполномоченная ее компаньонкой торговаться с публикой.

– Чудесно! – подхватил Томье. – Я заплачу за нее вперед, если вы позволите.

Он вынул из своего кармана два луидора, положил их на дощечку прилавка и со свойственной ему важностью принца обратился к госпоже Леглиз:

– Теперь, моя дорогая, когда вы успокоились насчет участи вашей шляпы, нам остается только поблагодарить этих девушек и отправиться заказывать обед.

– Извините, сударь, – остановила его модистка, – вы забыли сказать свою фамилию: мы должны знать, на чье имя отправить шляпу.

– Совершенно верно. Так запишите: госпожа Леглиз.

При этом имени Роза с живостью подняла голову и обменялась быстрым взглядом со своей подругой. Но она не сказала ничего. Томье и молодая женщина раскланялись и, провожаемые Сесиль, вышли из магазина. Они отправились

дальше, не думая спешить. Главная цель их поисков была достигнута. Молодые люди медленно шли по улицам, которые были почти пусты, и окидывали взором веселые домики мирного городка.

– Ну что же, – заговорил Томье, нежно посматривая на госпожу Леглиз, – вы по-прежнему сожалеете о своей поездке? Вам, действительно, сделалось неуютно в экипаже под проливным дождем, но сознайтесь, что эти две модистки развеселили вас.

– Совершенно верно. Одна из двух модисток – мадемуазель Роза, потому что другая вполне заурядная работница. Но первая из них, что это за девушка, которой, по-видимому, совсем не место за прилавком, да еще в провинциальном магазинчике. Лицо ее мне кажется знакомым. Я готова поклясться, что встречала ее где-то, но где?

– У вашей модистки на улице Мира... Все эти девицы отличаются удивительным шиком, и, если бы их нарядить в шляпы, которые они продают, их было бы трудно отличить от светских дам.

– Да, но у этой не только шикарный вид, но и замечательная манера выражаться. Поверьте, мой друг, она здесь не на своем месте... Да, конечно, я уже встречала ее в свете, в театре... Одним словом, она не всегда была тем, чем сделалась теперь.

– Но что ж вам из этого? Вы волнуетесь... Однако вот мы и пришли в отель: зайдем небольшой зал и заставим хозяина

разговориться о ваших модистках; в маленьком городишке все известно. Если есть что рассказать о мадемуазель Розе, то вы услышите это сейчас же.

Они вошли. Пройдя в сопровождении лакея в общий зал, приезжие сказали, что желают обедать в отдельной комнате и хотели бы поговорить с хозяином. Маленький человек, совершенно круглый, в белом жилете, немедленно явился на их зов, принеся с собою запах кухни, напоминавший путешественникам, что они позавтракали очень рано.

– Прикажете накрыть на два прибора? – услужливо осведомился он.

– Мы ожидаем еще одного господина.

– Хорошо. Тогда я предложу вам маленький зал, выходящий на площадь... если вы потрудитесь туда пройти...

И толстяк провел их темным коридором в довольно обширную комнату, освещенную красноватыми лучами заходящего солнца. Хозяин собирался зажечь газ, но Томье остановил его и распахнул окно:

– Это успеется, – сказал он, – обсудим меню.

Содержатель гостиницы вынул из кармана листик бумаги и карандаш, однако Томье заметил ему:

– Постойте. Прежде всего: через час для этой дамы принесут шляпку от модистки мадемуазель Розы; пожалуйста, распорядитесь, чтобы нам доставили ее сюда немедленно.

– Будьте покойны, сударь. Мадемуазель Роза... моя жена также заказывает ей свои шляпы.

Томье и госпожа Леглиз весело переглянулись.

– Значит, она работает на весь город?

– Исключая дам известного сорта, которые покупают себе шляпы в Париже, само собой разумеется... Но все порядочные особы заказывают ей...

– В таком случае она зарабатывает большие деньги?

– О, этим девицам не на что пожаловаться, потому что у мадемуазель Розы ведь есть компаньонка...

– Мы знаем, мы видели ту и другую. Но Роза – ведь это просто имя? У вашей здешней «Виро» должна же быть какая-нибудь фамилия?

– Ну, конечно, как и у ее подружки. Фамилия мадемуазель Сесиль – Компаньон. Она дочь старика Компаньона, служившего кассиром на заводе Леглиза в Париже.

– Как вы сказали? – с живостью перебила госпожа Леглиз.

Удивленный хозяин посмотрел на молодую женщину и подтвердил с довольной улыбкой:

– Вы, конечно, знаете большой завод Леглиза, где очищается золото? Ну, так вот, Компаньон прослужил там целых тридцать лет. Два года назад он удалился в Блуа в сопровождении своей дочери, которая открыла модный магазин с одной из своих подружек, мадемуазель Розой.

– С мадемуазель Розой, но как же ее фамилия? – спросила молодая женщина. – Вот это-то нам и хотелось бы узнать.

– Ах, мы и сами не знаем... Эти девушки приехали вдвоем, они работают вместе. Премилые девицы и скромные. Да,

уж насчет нравственности – ни-ни... Никто о них не может сказать дурного слова, а ведь если б что-нибудь было, то в Блуа сейчас бы разнюхали – у нас народ любопытный.

– Оно и видно! – подхватил Томье. – Целых два года очаровательная девушка, приезжая из Парижа, которая называет себя просто мадемуазель Розой, могла прожить на глазах у всех в этом захолустье, и никому из обитателей Блуа не пришло в голову доискаться, кто она такая, чем была и чем может быть. Между тем подобная личность явно не рождена на то, чтоб шить шляпки для местной буржуазии. Она совсем не предназначалась судьбой сделаться модисткой и украшать головы дам Луары-и-Шеры, запомните это хорошенько, любезный; и я сильно сомневаюсь, чтобы жена вашего префекта, которая, вероятно, считает себя первой персоной департамента, была достойна застегнуть ботинки этой скромной труженицы!

Хозяин выпучил глаза, до такой степени слова гостя перевернули вверх дном все его понятие об иерархии. Выходка Томье рассмешила госпожу Леглиз, которая поднесла палец к губам, напоминая своему другу об осторожности. Тот сейчас же рассмеялся и сказал:

– Впрочем, милейший, это мне решительно все равно, и я сам не знаю, зачем говорю вам все эти вещи насчет молодой девушки, с которой встретился только на одну минуту, чтобы купить у нее шляпу в сорок франков. Скажите-ка лучше, что вы нам дадите к обеду? Это будет поважнее.

– Вам, сударь, вздумалось пошутить, – добродушно заметил содержатель гостиницы. – Мы в Блуа любим шутки и понимаем их не хуже парижан.

– Хорошее дело!

– Итак, я предложу вам форель с острым соусом, специальность нашего заведения. Смею сказать, что нигде в целой Франции не умеют сделать так соуса ромулад, как у меня.

– Будь по-вашему: ромулад так ромулад.

– А потом жареное турнедо с гарниром из гусиной печени, трюфелей и сморчков.

– Согласен.

– После того бекасы на канапэ; к этому смею рекомендовать Кло-де-Вужо 84 года, которое бесподобно. Я не всем предлагаю это вино, а берегу для знатоков. Надо быть достойным, чтобы испробовать его.

– Весьма благодарен за честь! Мы сумеем сделать ему оценку.

Хозяин поклонился с довольной миной, почесал ухо и продолжал:

– Далее, по-моему, раки на шампанском приличным образом увенчали бы этот обед, не особенно сложный, но деликатный... Наконец, котлетки из мозгов, ананасное мороженое и кирш... вот и все.

– Черт побери, какой вы ловкий народ в центре Франции! – сказал Томье. – Сейчас видно, что сидите у самого источника сладостей. Одной рукой вы шарите в Майнце, дру-

гой собираете в Перигоре. Бургундия у вас по левую сторону, Бордо справа, а между тем и другим вы лорнируете через плечо Шампань... Итак, любезный, воспользуемся этим, а вы уж постарайтесь отличиться в изготовлении четырех избранных нами блюд.

– Можете быть спокойны, сударь, приложу все старания, а ровнехонько в семь обед будет подан.

– Как, вы приметесь сами застряпню?

– Да, сударь, ястряпаю для епископа, генерала и префекта; ведь мы, слава Богу, понимаем людей и сейчас видим, с кем имеем дело. Затем прошу извинить, сударь и сударыня. Надо бежать на кухню!

Раскланявшись с восхищенным видом, он скрылся.

– Милый друг, если вы сколько-нибудь сомневаетесь в триумфальном исходе вашей экскурсии, то теперь, надеюсь, сердце у вас вполне спокойно. Комус, бог кухни, взял нас под свое покровительство. Это он сейчас и вышел отсюда под видом того кругленького человечка. Мы будем есть и пить превосходные вещи.

– Какой вы ребенок! Вас забавляет всякий пустяк, – произнесла молодая женщина, усаживаясь на стул у окна.

– Пустяк! Это правда, – с важностью согласился Томье, садясь в свою очередь, – правда, что этот пустяк есть ваше присутствие.

– Ах, Томье, Томье! – воскликнула госпожа Леглиз, грозя пальцем своему собеседнику. – Вы опять принимаетесь за то

же! Мы поссоримся.

– С какой стати! Из-за того, что я высказываю, насколько мне приятно находиться возле вас? Разве это преступление? Попробуйте-ка помешать мне совершить его.

– Значит, вы вечно будете оказывать мне непокорность?

– Насколько могу! Я вас люблю, говорю вам; в чем же вы можете меня упрекнуть, если я не требую у вас взаимности?

– Только этого еще недоставало!

– Но «это» придет, не беспокойтесь.

– Нахал!

Эпитет был резок, но не таков был тон. Откинувшись на спинку стула с полузакрытыми глазами, с порозовевшим лицом, на которое падал отблеск заката, молодая женщина ласково посматривала на своего красивого кавалера, а тот улыбался, говоря ей о любви. Она пробирала его, но только для виду. Ее мина опровергала суровость возражений. И Томье, вероятно привычный к подобным контрастам, не придавал никакого значения смыслу сказанных ею слов, обращая внимание лишь на тон речи. Поэтому он продолжал, нисколько не смущаясь:

– Советую вам пожаловаться на судьбу. Во мне вы имеете самого покорного, самого уступчивого друга. Я предан вам, как собака, и готов повиноваться каждому знаку вашей руки. Кто находится постоянно возле вас, всегда в вашем распоряжении и рад угодить вам во всем? Уж не ваш ли муж?

– Неужели вы собираетесь осуждать его предо мною?

– О, это совершенно лишнее! Он чересчур усердно спрашивается сам на осуждение. Иметь такую жену, как вы, и оставлять ее наедине с другим, под предлогом обсуждений каких-то дел с нотариусом из Блуа, ну не безумие ли это?

– Нет, это только равнодушие.

– А, вы сознаетесь в том?

– Напрасно было бы отрицать подобный факт. Положим, он не делает мне чести. Ведь если бы я обладала всеми достоинствами, которые вы мне приписываете, то, вероятно, они не остались бы незамеченными даже в глазах мужа. Поэтому надо думать, что вы мне льстите без меры.

– Я рисую вас такой, какая вы есть на самом деле.

– Предвзятые взгляды!

– Нет, взгляды проницательные. Полгода живу я возле вас, почти не разлучаясь с вами. Я знаю вас хорошо, и вы обладаете чудесной натурой. Как это я не догадался полюбить вас раньше? Ведь вот уже три года, как мы с вами встретились в первый раз. Это было в самый день вашей свадьбы, в ризнице церкви Святого Августина. Я присутствовал на церемонии, как сотня других клубных знакомых вашего мужа, пришедших поздравить его. И у меня врезались в память ваша кроткая улыбка и скромный вид, с которыми вы принимали оказываемые вам почести.

– Вспомните, что я только вышла из монастыря, совсем не знала жизни, и мой брак удивлял меня, точно какое-то невероятное приключение. Мой муж казался таким очаро-

вательным, таким любезным, он был так щедр, и его считали богачом. Старая тетушка, моя единственная родственница, рассказывала мне такие подробности про богатство Леглизов, про их деловые и светские связи, что я стала видеть в наследнике этого громадного состояния нечто вроде владетельного князя, который располагал существованием тысяч людей и царил в обществе, благоговевшем перед ним. Перспектива стать его женой походила на волшебный сон, и целый месяц я жила какой-то героиней апофеоза. То, что вам показалось моей скромностью в день нашей свадьбы, происходило немного от ошеломления, а улыбалась я, как танцовщица, на которую смотрит весь оперный театр и которая хочет понравиться.

– Вы клеветеете на себя. Впрочем, можете клеветать сколько вам угодно. Вы не измените моего образа мыслей, а мое восхищение вами достигло теперь такой слепоты, что если бы по какому-нибудь невероятному волшебству вы сделались противоположностью того, что вы есть, я продолжал бы упрямо находить вас совершенством.

– Это уже фетишизм, – сказала, смеясь, молодая женщина.

– Нет, обожание.

Она протянула ему руку с очаровательной непринужденностью.

– Хорошо, так обожайте меня, если не можете иначе, несмотря на мои запрещения. Конечно, приятно быть лю-

бимой, иметь возле себя кого-нибудь, кто думает о вас, радуется вашим счастьем, печалится вашим горем. Но будьте рассудительны, не злоупотребляйте моей снисходительностью... Слушайте меня постоянно... и не мучьте меня никогда.

Госпожа Леглиз отняла руку, которую Томье страстно прижал к губам. Чьи-то шаги и стук отворяемой двери заставили молодых людей опомниться.

– Как некстати! – проворчал влюбленный, но тотчас изменил выражение лица и позу.

В комнату вошел муж.

– Ну, чем же вы тут занимаетесь? – с игривой беззаботностью спросил Леглиз.

– Ожидаем тебя, как водится, – весело подхватил приятель. – Мы заказали обед.

– А шляпу?

– И шляпу также.

– Черт возьми! Кажется, я пришел в отель в одно время с какой-то личностью, которая принесла этот драгоценный предмет, потому что в бюро мне попалась навстречу молодая женщина с картонкой. Да вот и она...

Мадемуазель Сесиль вошла в сопровождении лакея. Она поклонилась и, положив в угол свой зонтик и плащ, направилась к своей хорошенькой заказчице.

– Надеюсь, сударыня, что мы не заставили вас слишком долго ждать... Мы очень спешили.

– Посмотрим-ка ваш шедевр, – произнес Томье.

Госпожа Леглиз надевала шляпу и смотрелась в зеркало кабинета. Наконец она, улыбаясь, обернулась к модистке.

– Ну что ж, это премило! Я готова быть вашей заказчицей. Почему не переедете вы в Париж?

– Потому что там не прожить так дешево, как в Блуа... Кроме того, у моей подруги есть причина оставаться в провинции.

– Она может работать здесь, не боясь пересудов, не так ли? Тут ее никто не знает, тогда как в Париже...

Мадемуазель Сесиль обнаружила некоторое удивление. Она покраснела и пробормотала:

– Но, сударыня...

– Не смущайтесь, – кротко продолжала госпожа Леглиз, – я не хочу быть нескромной. Я случайно узнала вашу фамилию: и некоторые интересные сведения о вашей подруге. Если я могу быть вам полезной в чем-нибудь...

Молодая женщина, не dokonчив фразы, обратилась к мужу.

– Мадемуазель Сесиль, дочь господина Компаньона, бывшего кассира вашего отца.

– Как, старика Компаньона? Что с ним случилось? Он был славный малый.

– Он жив, сударь, но совсем не может больше ходить и ведет наши счетные книги... Это его развлекает!

– Давно ли вы живете в Блуа?

– Два года.

– Но ведь Компаньон оставил службу в нашем заведении, по крайней мере, шесть лет тому назад; он был уж немного утомлен.

– В этот промежуток времени мой отец служил у господина Превенкьера, одного банкира, который обращался с ним скорее как с другом, чем как с наемным служащим.

– Ах, у Превенкьера! Теперь я вспомнила! – воскликнула госпожа Леглиз. – Я знаю, где встречалась с вашей подругой, мадемуазель Розой. Ее лицо поразило меня, и я искала в своих воспоминаниях... Ведь она-то и есть дочь банкира. Он, кажется, пострадал в неудачных операциях?

– Совершенно верно, три года тому назад, – подтвердил Леглиз. – Он страшно прогорел на золотых приисках. Смерть Бартано, крупного английского спекулятора, погубила его в несколько дней. Владелец многих миллионов накануне, он проснулся на другой день нищим... Так это его дочь делает шляпы в Блуа? Чего только не бывает в жизни! А куда же он девался, этот Превенкьер?

– Он отправился в Капскую колонию, сударь, – сказала мадемуазель Сесиль, – с намерением оставаться в Африке до полной поправки дел.

– Ах, и тут Трансвааль! Чудесная земля, где стоит лишь поклониться, чтобы собрать миллионы, Сколько людей отправилось на завоевание золотого руна в эту страну, где они нашли только нищету, болезнь и смерть! Некоторые действи-

тельно разбогатели, что и погубило других. Люди видели только успех и закрывали глаза на опасность, труды и неудачи. Давно ли работает там господин Превенкьер?

– Два года.

– Он пишет сюда? – Раз в месяц.

– И доволен своими делами?

– Он надеется достичь своей цели.

– Имеет прииск?

– Нет, сударь, он открыл банк.

– Ах, хитрец! Он дает деньги за бумагу, а потом перепродает бумагу за золото. Вот Человек, который, по-моему, понял африканскую спекуляцию... Но, позвольте, разве у него остался капитал?

– Триста тысяч франков, говорила мне дочь. Он увез все, что приходилось на долю мадемуазель Розы из состояния матери. И вот, не имея ничего, кроме иголки, для своего пропитания, мадемуазель Превенкьер вступила в сотрудничество со мной, чтобы делать шляпы. Отец мой, сильно привязанный к хозяину, предложил взять его дочь в наш скромный дом. Не имея больше занятий в Париже, он находил лишним там оставаться и удалился в Блуа, свой родной город, где ему живется очень хорошо. Мой отец ухаживает за розовыми кустами в нашем садике и ведет нашу корреспонденцию. Все это очень просто, сударь, как вы сами видите.

– Ну нет, я не согласна с вами, совсем не согласна, – возразила госпожа Леглиз. – Похоронить себя в провинции, пе-

рейти в один день с блестящей, роскошной жизни к скромному существованию труженицы – это кажется очень удивительным и очень интересным в светской молодой девушке, способной на такое мужественное самоотречение. Ведь она, кажется, довольна своей судьбой?

– Мадемуазель Роза, по крайней мере, уверяет в этом.

– И она не жалеет о прошлом?

– Нисколько. По ее словам, она никогда не была так счастлива, и если бы не разлука с отцом, ей ничего не оставалось бы желать.

– И с такой наружностью, как у мадемуазель Превенкьер, она остается незамеченной у вас в Блуа? Здешние молодые люди не бродят мимо вашего модного магазина? У нее нет ни женихов, ни поклонников?

– Нет, сударыня, ни поклонников, ни женихов. Возле нас нет ни единого мужчины, кроме моего отца и брата. Да и брат приезжает к нам редко, потому что он работает на фабрике химических продуктов в Шиноне и мало пользуется отпуском.

– Ах, так у вас есть брат? – продолжала госпожа Леглиз, которой как будто хотелось основательно вникнуть в проблему этого существования, доблестная простота которого имела в ее глазах романический интерес. – Он старше вас?

– Да, сударыня; брат мой инженер, выпущенный из Центральной школы, замечательный химик.

– Он вместе с вами покинул Париж?

– Нет, раньше нас.

– Вот как.

Леглиз постоял минуту в задумчивости и наконец, спросил:

– Если ваш брат химик и его фамилия Компаньон, так, значит, это он изобрел новый способ отделения золота с помощью чрезвычайно сильных и дешевых реактивов?

– Да, сударь, это он. Я, слава Богу, довольно наслушалась о его изобретении, пока он производил опыты в Шиноне... Мой брат ожидал от них самых блестящих результатов, но на деле оказалось иное.

– Да, верно! Процесс еще не совсем выработан... Мне говорили о произведенных опытах. Но, во всяком случае, это не безделица. Ваш брат получает хорошее содержание?

– Он достаточно зарабатывает для самого себя.

– Ну да, я понимаю. Он получает двести пятьдесят франков в месяц, но заслуживает больше, чем ему дают. Когда вы его увидите, скажите, чтоб он завернул в Париж потолковать со мной. Господин Компаньон не пожалеет об этой поездке.

– Я исполню ваше поручение, сударь, Но отец мой будет в большом горе, что не знал о вашем приезде в город, так как ему хотелось бы засвидетельствовать вам свое почтение.

– Хорошо, хорошо, – равнодушным тоном произнес Леглиз, – Передайте ему от меня поклон. Ведь вашему отцу, по крайней мере, семьдесят лет?..

– Семьдесят два, а голова у него еще совсем свежа...

– Вот хороший пример!

Разговор был прерван приходом метрдотеля. Мадемуазель Сесиль закрыла свою картонку и собиралась уходить, когда госпожа Леглиз сказала ей, снимая шляпу:

– А я прошу вас передать мою благодарность мадемуазель Розе и повторяю опять, что доставила бы ей массу заказчиц, если б она вздумала вернуться в Париж.

– Благодарю вас, сударыня, но мне известны ее планы. Она уедет из Блуа только в том случае, если ее отец разбогатеет снова, а тогда мадемуазель Роза не станет больше работать.

Вошел лакей, нагруженный посудой, в сопровождении хозяина, несшего бутылки. Модистка поклонилась и вышла, пользуясь тем, что дверь была отворена.

– Сядем за стол, – сказал Леглиз. – Провинциальный воздух подействовал на меня так сильно, что я умираю с голоду. Посмотрим, постоит ли за себя ваш обед.

– Надеюсь, что вы останетесь довольны, – с улыбкой произнес хозяин. – Экспресс, идущий в Париж, проходит через Блуа только в девять часов вечера. Вы вполне успеете попробовать блюда, которые я буду иметь честь вам подать.

Компания уселась за стол и приступила к обеду.

Глава 2

В тот же час в скромной столовой жилища Сесили и Розы к семейному обеду сошлись старик Компаньон и обе молодые девушки. Они только что сели за стол и Сесиль едва успела снять крышку с дымящейся миски, как у дверей магазина задребезжал звонок и служанка воскликнула:

– Ах, это господин Проспер!

Девушки с криком радости вскочили с места, готовые бежать навстречу гостю. Но дверь столовой уже отворялась, и на пороге показался высокий, бородатый, смеющийся брюнет.

– Как я кстати! Накормите ли вы меня обедом?..

– Я сейчас поставлю вам прибор, – сказала Роза, пока брат и сестра обнимались.

– Что привело тебя сюда, мой мальчик? – спрашивал добряк отец, поглядывая с довольным видом на своих детей.

– Я приехал по заводским делам, и так как покончил их раньше, чем рассчитывал, то вздумал провести с вами вечерок.

– Прекрасная идея! Садись между твоею сестрою и мною, против мадемуазель Розы, и расскажи нам о твоих работах.

– Ах, мои работы!.. Я почти отчаиваюсь привести их к благополучному концу.

– Как, ты падаешь духом?

– Подумайте, отец, вот уже целый год, как я на вершок от успеха, а между тем не могу достичь положительного результата. Я все перепробовал. На мои опыты уходит большая часть моего заработка. Я живу, как нищий, лишаю себя всего, чтобы иметь средства для этих разорительных попыток, и не прихожу ни к чему. Не ошибся ли я? Не за химерой ли гоняюсь?

– Что сказали тебе твои хозяева?

На лбу молодого человека образовались глубокие морщины, и страдальческая улыбка искривила его губы.

– Мои хозяева? Да я скрывался от них. Они украли бы у меня мою идею. Ах, это ужасно печально! Но свет уж так устроен. Я питал к ним доверие, был готов выдать им секрет моих операций, как вдруг заметил, что они подсматривают за мною. Да, по ночам они приходили в мою лабораторию и рылись в моих бумагах, стараясь узнать, что я делаю! Спрятавшись на антресолях, где у меня лежит всякий хлам, я застал у себя этих людей, когда они старались разобрать мои вычисления. Меня одолевало искушение накрыть их и сконфузить, до того велико было мое негодование, но я сообразил, что после этого придется бросить завод, и тогда я окажусь без места и без средств. Таким образом, я ограничился тем, что принял свои предосторожности, чтобы не быть одураченным, чтобы продолжать трудиться, к сожалению, без всякого толку.

– Не падай духом, мой добрый Проспер, – сказала Сесиль

с нежной уверенностью, – добьешься своего. А если у тебя не хватит денег, то мы с отцом поможем тебе. Благодаря Богу, торговля наша идет хорошо, и если ты тратишь все свои заработки, то мы здесь откладываем на черный день. Самое важное, чтоб ты нашел, чего ищешь. О твоих работах уже идет молва; не дальше как сегодня один крупный парижский промышленник отзывался мне о них с похвалою.

– Кто же это? – спросил Проспер, радостно оживляясь.

– Господин Леглиз...

– Ах, Леглиз, тот, который занимается очисткою золота? Да, это, конечно, его интересует. Ведь если б я достиг своей цели, он нагнал бы большую экономию на задельной плате, применив в производстве мое изобретение.

– Он, по-видимому, догадывается о том, потому что сказал мне: «Уговорите вашего брата повидаться со мною по приезду в Париж: он не пожалеет об этом визите».

Молодой человек задумался. Предложение промышленника представляло большую важность, и если тот действительно желал Просперу добра, то мог дать ему средства достичь окончательного успеха. Слова сестры подстрекнули любопытство инженера.

– Где же ты имела случай беседовать с господином Леглизом?

– Ах, это вышло совсем неожиданно! Госпожа Леглиз зашла к нам купить шляпу взамен той, которая была у нее испорчена сегодня проливным дождем. Около шести часов я

относила готовую шляпу в отель «Франция» и тут встретила господина Леглиза.

– Значит, это не он сопровождал молодую женщину, когда она приходила сюда? – с живостью осведомилась Роза.

– Нет, тот красивый брюнет только их знакомый.

– Вот как, – произнесла молодая девушка, слегка краснея. – По фамильярному тону я была готова принять его за мужа.

– Этьен Леглиз – блондин среднего роста, немного полный и с бородой, – сказал Проспер. – Если же она приходила без него, тут нечему удивляться. Это одно из тех супружеств, которые не блещут добрым согласием, и, когда госпожа Леглиз прогуливается с чужим кавалером, надо поставить это в вину не ей, а ее мужу, который подает дурной пример. Леглиз, наследник большого состояния, нажитого промышленностью, не заменил своего отца во главе предприятия; он только сделался его преемником, но каким!.. Всем и каждому известно, что в десять лет он пошатнул будущность дела своей неспособностью к управлению и безумной расточительностью в частной жизни.

– Сколько же ему лет?

– Должно быть, тридцать пять. Но он начал безобразничать смолоду... да и теперь еще...

– Как, будучи женат на этой молодой и красивой женщине?

– Но ведь это его собственная жена!.. Будь эта дама женой

другого, она нравилась бы ему больше.

Тут Проспер обратился к Розе и сказал:

– Простите меня, сударыня, мне не следовало бы говорить так свободно в вашем присутствии.

Молодая девушка слегка улыбнулась:

– Вы забываете, что я совершеннолетняя и рискую скоро попасть в разряд старых дев. Я наслышалась и навиделась много дурного, живя с отцом в Париже. Вы можете говорить при мне, не стесняясь; поверьте, я не услышу от вас ничего нового насчет человеческих гадостей.

– Хорошо! Госпожа Леглиз-мать, оставшись вдовой с взрослым сыном Этьеном, была принуждена поставить его во главе дела, в которое он не очень-то вникал при жизни отца. В надежде, что брак заставит остепениться этого кутилу, она вздумала женить его на прелестной молодой женщине, которую вы видели сегодня. Этьен в то время постоянно вращался в сфере полусвета и проматывал массу денег. Однако после женитьбы роковая судьба устроила так, что его любовные похождения стали обходиться ему еще дороже прежнего. Он встретил самый разорительный тип женщины, какой только существует: светскую особу с неограниченными потребностями и без всяких ресурсов. Для него было бы лучше по-старому покупать отели для тех молодых особ, специальность которых состоит в том, чтобы продавать счастье, чем запутаться в сетях красавицы госпожи де Ретиф, которая полюбила его как будто бескорыстно.

Старик Компаньон, слушавший с возрастающим интересом рассказ сына, прервал его на этом слове:

– Откуда знаешь ты столько подробностей, которые не были известны даже мне, хотя я служил так долго в этом доме? Я знал, что господин Этьен делает глупости, Его отец не раз бесился в моем присутствии, когда приходилось уплачивать по слишком большому счету или погашать долги по векселям, на которые не рассчитывали в конце месяца... Однако старик сваливал все это на горячность молодости и надеялся, что сын остепенится с годами. Бывало, только вздохнет да и скажет мне: «Возьмите, Компаньон, заплатите и внесите эту сумму в книги на мой собственный счет». Бедняга! Если б посторонний человек, не зная, из чего составляется этот счет, заглянул в мою бухгалтерию, то подумал бы про себя: «Однако этот Леглиз порядочный мот... Он так и кидает деньги, ему поневоле нужно зарабатывать много, чтоб покрывать такие траты!» А виной всему был господин Этьен... Но этого не знали, это оставалось между мной и хозяином и не выходило за пределы конторы. Теперь же я вижу по твоим словам, что дело разгласилось и кредит дома должен сильно пошатнуться.

– Он пошатнулся настолько два года назад, что пришлось взять компаньона. Тут-то и стряслась настоящая беда. Вы меня спрашивали сейчас, откуда я знаю все эти вещи, – я вам скажу. У моих хозяев с некоторых пор завязались деловые отношения с домом Леглизов. Еще недавно один из них

был вызван в Париж для очень важной поставки химических продуктов; этот подряд отдавался с торгов заводом Леглиза. Вопрос сводился к тому, чтобы получить заказ и не слишком сбить цену. Не знаю, через кого именно мой патрон попал в дом госпожи де Ретиф, имеющей неограниченное влияние на Этьена Леглиза; верно только то, что подряд остался за ним до торгов и по очень выгодной цене. Когда хозяин разговаривал с братом об этой удачной сделке в моем присутствии, то, между прочим, сказал ему: «Да, подряд остался за мною, но я должен тебе сказать, что мне пришлось подарить этой даме шпильки, осыпанные бриллиантами».

Тут без всяких обиняков он назвал имя госпожи де Ретиф, очевидно нисколько не стесняясь говорить о связи, которая, должно быть, известна всему Парижу.

– Как, губить все из-за женщины! – подхватил старик Компаньон, качая седею головой. – Вредить делу двух трудолюбивых поколений жалкими безумствами!

– Но, – мягко возразила Роза, – если господин Леглиз ведет себя дурно, разве это дает право его жене поступать точно так же? Признаюсь, такая обоюдность вины всегда казалась мне чем-то решительно непонятным. В доме сейчас утрачивается равновесие, все идет прахом, едва один из супругов потерял голову; а тут, чтобы довершить беспорядок, внести в семью разорение и сделать неизбежным скандал, другой принимается следовать дурному примеру и забывает всякое благоразумие. Какое удовлетворение может найти

женщина в измене супружескому долгу, когда она сама пострадала от неверности мужа? Разве все ее радости не отравлены заранее сознанием их предосудительности? Не то ли же это самое, как, если бы, увидав какого-нибудь несчастного алкоголика в пьяном виде, вместо того чтобы почувствовать решительное отвращение к пьянству, мы сказали бы себе: «Ах, ты отвратителен в этом состоянии, ну, так и я стану пить, чтобы сделаться подобным тебе! Таким образом, между нами установится равенство порочности». Нет, я представляю себе совершенно иною роль женщины при подобных обстоятельствах. Чем честнее она, тем более гордой и чистой желала бы я ее видеть. По крайней мере, в бедствии своей жизни она сохранила бы собственное уважение и уважение других. Кто знает, пожалуй, ее нравственное достоинство поразило бы наконец увлекшегося мужа, а почтение к ее добродетели заставило бы его вернуться к супружескому долгу. Вот это был бы великолепный реванш.

Проспер молча смотрел на мадемуазель Превенкьер, пока она говорила, а потом заметил взволнованным тоном:

– Вы говорите, как действуете, сударыня, и нам известно, сколько в вас мужества и благородной гордости. Однако не все женщины способны пожертвовать в один день своими вкусами, удовольствиями, привычками, как сделали вы. Чтобы обречь себя на труд после жизни в роскоши, требуется столько же энергии, как и для того, чтобы остаться честной, когда вас покинет тот, кого вы любите. Нет сомнения,

что на месте госпожи Леглиз вы действовали бы со всей решимостью и достоинством, которые сейчас возвели в принцип. Позвольте, однако, уверить вас, что вы представляете исключение и что на свете гораздо больше господ Леглиз, чем девиц Превенкьер.

Роза ничего не отвечала. Она задумалась. Служанка принесла жаркое, которое Сесиль принялась ловко разрезать. Старик Компаньон и его сын ели не спеша, стараясь не стучать ножом и вилкой. Так прошла минута. Наконец Роза тряхнула головой и сказала:

– Я думала о моей прежней жизни, которую вы мне напомнили, и сравнивала ее с теперешней. По-моему, я гораздо счастливее в настоящее время. Вся эта светская суতোлка, в которой я жила, была утомительнее моей теперешней полезной деятельности и представляла гораздо меньше интереса. В общем, это был своего рода угар, который не давал времени опомниться. Только в уединении и тишине маленького городка пришла я в себя, сделалась способной к здравому суждению и оценке своих свойств. Самоотвержение, которое господин Проспер почтил такой громкой похвалой, было с моей стороны инстинктивным. Мой отец разорился и был принужден уехать; я не хотела оставаться без него в Париже, и моя решимость была подсказана мне преимущественно страхом. Тут представился счастливый случай поселиться в вашем доме; ваш батюшка предложил мне переехать к нему и разделить скромную участь Сесили. Что было бы со

мною без него? Отец не взял бы меня с собою в неизвестную страну; значит, мне оставалось только пойти в компаньонки или вступить на дурной путь. К счастью, я одарена простым умом, и ничто не казалось мне соблазнительнее спокойной, честной жизни, которую я могла вести здесь, И я ни разу не пожалела о принятом решении. Мне кажется, что это служит к нашей общей похвале, так как доказывает, что все мы порядочные люди.

Бывший кассир вытер глаза, на которых выступили слезы.

– Я сделал очень мало для моего патрона и для вас, мадемуазель Роза, – сказал он, растроганный. – Но я вознагражден за это сторицею тем, что вы скрасили жизнь такому старику, как я. Жить между вами и моей дочерью, смотреть, как вы работаете, ухаживать за моими цветами, каждый вечер разделять с вами ужин, который вы обращаете в настоящий пир, – да могу ли я желать чего-нибудь очаровательнее этого? Никогда не был я так счастлив; бывают часы, когда я ловлю себя на невольном сожалении о том, что ваш батюшка в одно прекрасное утро явится с большим капиталом и увезет вас далеко от нас, Я не эгоист, Я желаю, чтобы так случилось, но не слишком скоро, потому что ваша радость будет нашим горем, и в тот день, когда вы нас покинете, дом ужасно опустеет.

Тут наступила очередь Проспера затуманиться. Он отвернулся в сторону, и его лицо покрылось бледностью. Но он молчал, перебирая в уме свои скрытые ощущения. Они бы-

ли горьки. С того дня, как мадемуазель Превенкьер поселилась у его отца, он зачастил в Блуа. До этого времени молодой инженер уезжал с завода только по делам службы. Теперь же он почти регулярно садился на поезд железной дороги и ехал домой на целое воскресенье. Что ж тут было предосудительного? Как добрый сын и любящий брат, молодой инженер чувствовал себя счастливым возле старика отца и Сесили. Одни злонамеренные люди могли бы утверждать, что эту родственную любовь, пожалуй, подогревало присутствие мадемуазель Превенкьер.

Между тем Сесиль догадывалась о том и несколько недель спустя объяснилась с Проспером. Регулярные посещения брата, удовольствие, которое, по-видимому, доставляли ему прогулки с ней и ее подругой, его заботливость о своем туалете, предупредительность, которую он выказывал, открыли сестре глаза. Она стала присматриваться к Розе и легко убедилась, что та не придает никакого значения уходу за собой Проспера, что ее любезность к нему основана на простых и чистых товарищеских отношениях и что, если один из них волнуется, то другой обнаруживает полнейшую беззаботность.

Такой оборот дела сначала тревожил ее из боязни, чтобы ухаживание брата не было истолковано в дурную сторону, а потом она стала беспокоиться, опасаясь, чтобы Проспер не влюбился в Розу без всякой надежды встретить взаимность. Если Превенкьер вернется из-за моря, разбогатев в Трансва-

але, положение его дочери тотчас радикально изменится, а Проспер, сын бывшего кассира в его банке, не может показаться богачу желанным зятем.

Единственным шансом жениться на Розе была бы для этого доброго малого любовь мадемуазель Превенкьер. Между тем спокойная благосклонность, откровенная симпатия, с которыми она относилась к сыну старика Компаньона, явно доказывали, что девушка не питает к нему никаких нежных чувств. Поэтому для Проспера становилось опасным заходить слишком далеко по пути увлечения. И Сесиль решила высказать брату свои тревоги на его счет, открыть ему глаза на опасности, угрожающие его спокойствию.

В одно воскресенье она пошла встречать Проспера на станцию и, вместо того чтобы отправиться оттуда вместе с ним домой, спустилась по набережной Луары к красивому местечку, усаженному деревьями, на берегу реки, которая катила свои волны, весело блестя на солнце.

– Я привела тебя сюда не для того, чтобы любоваться видами, – сказала сестра, скрывая свое волнение под маской шутливости, – мне надо поговорить с тобой серьезно.

– Боже мой, в чем дело? – спросил он, начиная тревожиться.

– Дело это касается Розы, – отвечала Сесиль, – нашего отца, тебя и даже меня.

– Стольких лиц!

– Да, все тут замешаны прямо или косвенно. И вот почему

я не могла дольше молчать.

Проспер поднял глаза; на его лице выразался такой испуг, что молодая девушка почувствовала жалость и положила руку ему на плечо:

– Мне не хотелось бы огорчать тебя, мой добрый Проспер, – сказала она, – но между тем я не должна допускать, чтоб ты рисковал смутить спокойствие Розы. Ты меня понял, не так ли?

Он потупил голову, ничего не отвечая, а его лицо приняло мрачное, утомленное выражение, как после жестокой усталости. Сестра продолжала:

– Ты знаешь, при каких обстоятельствах мадемуазель Роза поселилась у нас и какие обязательства приняли мы на себя перед господином Превенкьером? В нашем доме она находится под защитой порядочности твоего отца. Поэтому не следует не только словом, но даже мыслью, которую она может угадать, тревожить ее совесть, будить в ней подозрения, что ты имел в виду воспользоваться ее одиночеством посреди нас, чтоб заставить полюбить себя из благодарности или злоупотребить ее расположением.

– Как можно, Сесиль! Никогда!.. – воскликнул он с жестом отрицания. – Никогда подобная мысль не приходила мне в голову. Я стыдился бы ее, если б так было; но этого не было, ведь ты знаешь...

– Знаю, – перебила сестра. – Ты честный и славный малый, но ты любишь Розу, а влюбленное сердце не отличается

твердостью. Слову легко сорваться с языка, еще легче будет оно подхвачено, и зло свершится.

– Какое зло? Любить ее так, чтобы она и не подозревала этого? Подобное зло коснется только меня, потому что я один от него буду страдать. Но даю тебе слово: ничто ни в моем обращении, ни в моих речах никогда не выдаст мадемуазель Розе моих чувств. Неужели ты обречешь меня на изгнание из родительского дома, потому что она живет там? И неужели буду я должен подвергнуться этому двойному горю – разлуке с вами, чтобы она только не находилась в моем присутствии?

– Так следовало бы поступить из благоразумия, – сказала молодая девушка с тяжелым вздохом, – и ты не один бы страдал от этой отчужденности: она сильно огорчила бы и нашего отца, и меня. Но, пожалуй, это значило бы требовать слишком многого от всех нас. Я не так сурова. Я думаю, что если бы ты стал пореже бывать в Блуа, и того было бы достаточно, чтобы уладить дело.

Страх быть совсем удаленным от дома так сильно подействовал на молодого человека, что полумера, предложенная сестрой, чрезвычайно обрадовала его, и он опять просиял. Проспер нашел справедливым пожертвовать собою, чтобы не смущать спокойствие Розы. Он настойчиво уверял Сесиль в своей скромности и сдержанности и в то же время открыл ей все нежное чувство, которое внушала ему мадемуазель Превенкьер. Перестав таиться, Проспер показал глуби-

ну своей души, и Сесиль убедилась, что ее брат влюблен гораздо больше, чем она думала. Бедняжка с грустью поняла, что эта любовь будет для доброго малого источником разочарований и огорчений. Она не решилась прямо высказать ему своей догадки, но по ее озабоченному виду он понял, что происходит у нее в уме. И юноша заговорил с искренностью, которая сильно подействовала на молодую девушку.

– Поверь, я не ошибаюсь насчет того, что меня ожидает, – сказал он. – Я отлично знаю, что не должен ни на что надеяться, разве кроме непредвиденного случая. Между мною и мадемуазель Превенкьер стоят почти неодолимые преграды. Я честный малый, не особенно дурен собой, но довольно вульгарен, смахиваю на мастерового, пожалуй, на рабочего. У меня нет никакого состояния, кроме надежд на будущее, да и то довольно шатких. Наконец, отец наш был приказчиком Превенкьера, что ставит нас в подчиненное социальное положение перед его дочерью. По своей внешности, по воспитанию, манерам и привычкам она стоит гораздо выше нас. Хотя она живет у моего отца и работает вместе с тобою, но, тем не менее она нам неровня, я это хорошо сознаю, и различие между нею и нами ежеминутно выступает в мелочах, которые как будто ничего не значат, а на самом деле значат все. Ты видишь, я не обольщаю себя иллюзиями и моя любовь не лишила меня проницательности. Однако, вопреки всему, без всякого шанса получить руку любимой девушки, я так счастлив любовью к ней, что ни за что на свете не согласился

бы снова чувствовать себя спокойным и невозмутимым в ее присутствии. Предоставь же меня моей страсти, которая составляет мою отраду, служит единственным интересом моей жизни, заставляет меня работать с жаром, чтобы отличиться перед мадемуазель Розой. Обещаю тебе, что она никогда не узнает моих мыслей, что я никогда не причиню ей ни досады, ни вреда.

Что можно было возразить на такие безумные доводы? Сесиль расцеловала брата, вернулась с ним домой и, полагаясь на его обещание, продолжала спокойно работать, не тревожась о будущем.

В тот вечер в маленькой столовой после обеда, пока Сесиль с служанкой убрали со стола, Проспер и старик Компаньон слушали игру мадемуазель Превенкьер; сидя за роялем, этим единственным остатком былой роскоши, она играла вальс Шопена. Вдруг у входных дверей зазвонил колокольчик. Через минуту прислуга вернулась из магазина с письмом в руке и сказала:

– Это был почтальон.

Она подала письмо Розе, которая, взглянув на адрес, весело воскликнула:

– Ах, это от моего отца!..

Все присутствующие с живостью обернулись к ней.

Для этих добрых людей всякая чужая радость была личным удовольствием. Роза, сияя счастьем, углубилась в чтение. Наконец она сказала:

– В первый раз отец заикнулся о своем возвращении!..

– Значит, ему посчастливилось! – воскликнул старик Компаньон. – Он заслужил это своим мужеством.

– Да, посчастливилось, – подтвердила Роза. – И если он сознается в этом, то, значит, дело верное. Ведь вы знаете, как мало он способен обманывать себя!.. Но, впрочем, вот самое важное место в его письме. – И она прочла: «Я считаю возможным вернуться во Францию через несколько месяцев. Наконец-то мне удалось пожать плоды своих трудов, которым я посвящал все свои силы с самого приезда в Африку. Я перепродал золотые прииски, купленные мною по совету Ван-Гольца. Этот честный голландец руководил мною с редким умением из ненависти к англичанам, которые эксплуатируют край и стараются захватить здесь все финансовое влияние. Одна немецкая компания заплатила мне очень дорого за мои золотоносные земли. Половину полученных за них денег я внес в банк Ван-Гольца, где сделался компаньоном и агентуру которого взял на себя в Европе. Другая половина на всякий случай была помещена в акциях «Парижского и Нидерландского банка», что обеспечивает за нами ренту в двести тысяч франков. Это даст нам хлеб...»

Чтение письма было прервано радостными восклицаниями.

– Золотой хлеб! – подхватил старик Компаньон.

Роза продолжала:

– «Если операции Ван-Гольца примут размеры, какие я

предвидел и какие постараюсь им придать, мы будем богаче, чем прежде. Я радуюсь этому в особенности из-за тебя, дорогая малютка; ты так великодушно пожертвовала собою для твоего отца и без сожаления отдала ему все, что имела. В Трансваале я усвоил привычку к самой простой жизни и так отвык от излишеств, что буду с этих пор совершенно равнодушен к роскоши до конца своих дней, теперь это для меня вполне ясно. Здесь люди не думают ни о неге, ни об удовольствиях, а признают один ожесточенный, лихорадочный труд. Поэтому состояния растут у них, как грибы, а приехавший с маленьким капиталцем в кармане своего пальто через несколько лет увозит с собой целые фургоны, нагруженные золотом, которые приходится охранять вооруженным конвоем. Ведь в здешних краях легко напасть на караван и безопасность путешественников основана лишь на боязни револьверов и карабинов...»

– Только бы не случилось с ним какой-нибудь беды в этой дикой стране! – заметила Сесиль.

– Ах, сама судьба за него, и вдобавок этот человек предусматривает все. Он сумеет избежать опасности, – возразил старик Компаньон. – Я хорошо знаю господина Превенкье-ра; я видел его в ужасных тисках в момент ликвидации. Он не потерял головы ни на одну минуту, а боролся с невероятной энергией до конца; когда же увидел, что все непоправимо погибло, что спасение невозможно, то распорядился уцелевшими ценностями так тщательно, с такой твердостью, без

малейшей утайки, начистоту, что заслужил восторг и почтение от всех, с кем имел дело при таких ужасных обстоятельствах. Не выкажи он такой решительности и авторитета, то ему ни за что бы не справиться со всеми обязательствами, которые обрушились на него. Ведь можно сказать, что если он разорился, то для того, чтоб не разорять других. Он заплатил за светских людей, которые не подумали расплатиться с ним. И в день катастрофы хозяин сказал мне; «Компьяньон, есть господа, которые спокойно играют теперь в клубе в баккара, нисколько не волнуясь, а завтра они не захотят мне и поклониться. Между тем я не получил от них следуемой разницы. Но лучше пустить себе пулю в лоб, чем утаить сто су от своего кредитора». Благодаря вам, мадемуазель Роза, ваш батюшка мог устроить свои дела и уехал с деньгами в кармане. Славный человек господин Превенкьер, да и вы его достойная дочь!

Письмо осталось развернутым на коленях Розы. Она задумалась. Ей внезапно представился отец на вокзале, уезжавший в Бордо, откуда ему предстояло отплыть. В длинном сером плаще и маленькой шляпе, с дорожным одеялом на руке, он прохаживался рядом с ней по платформе, не говоря ни слова. Только лицо его подергивалось от волнения. Никогда не видела она его таким расстроенным, даже в день рокового краха, причинившего им разорение. Роза знала отца как человека чрезвычайно твердого, отчасти скептика, закаленного обычными низостями и гадостями парижской жиз-

ни. Для нее не были тайной интимные капризы его личного существования. Оставшись вдовцом в молодых годах, он имел любовниц, и, хотя скрывал свои связи, многие подробности не ускользнули от пронизательного взгляда дочери. Удалиться в изгнание было для него величайшей жертвой. Спортсмен и жуир, занимавший привилегированное положение в парижском обществе, он в одну минуту махнул рукой на все привычки и пускался в неведомый край, нырял в темную пучину в надежде найти на ее дне богатство. И тут, на этом вокзале, служившем последней остановкой его счастливой жизни, недавний миллионер прохаживался, перебирая в голове все, что он покидал, и, пожалуй, сомневаясь в том, что он надеялся найти. Роза так хорошо поняла смертельное томление этого последнего часа, что потихоньку продела свою руку под руку путешественника; когда же он резко повернулся к ней, слезы брызнули у него из глаз и он судорожно прижал ее к измученному сердцу, не будучи в силах произнести ни слова. Это она заговорила, чтоб ободрить его:

– Ты вернешься назад, я это чувствую, я уверена в том, и вернешься, достигнув успеха. Небо не захочет разлучить нас. Я буду молиться до тех пор, пока оно не помилует тебя и пока мы не свидимся в скором времени опять, чтоб соединиться навсегда и быть счастливыми.

И отец пробормотал:

– Да, моя дорогая малютка... Да, мы должны говорить это

друг другу, потому что было бы слишком жестоко расставаться без надежды. – Он выпрямился во весь свой высокий рост и прибавил с воскресшей энергией: – Я обязан достичь успеха ради тебя; мне должно посчастливиться. Я был бы чересчур жалок, если б не мог вознаградить свою дочь за ее преданность и великодушие. Успех для меня будет средством расквитаться с тобой, вот что придает мне энергию, необходимую, чтоб уехать, покинуть тебя, бросить все, что было в моем прошлом...

Роза поняла жгучее сожаление, которое сквозило в последних словах отца, Она обняла его за шею и сказала, нежно целуя:

– Мы оба станем исполнять свой долг; я также стану работать, поджидая тебя.

Тут у Превенкьера вырвался крик:

– Ах, моя дорогая, я не знал тебя хорошенько! Я недостаточно тебя любил!

Она зажала ему рот, в последний раз обняла его и помогла бедняге войти в вагон. Потом, когда поезд тронулся, дочь крикнула ему уверенным тоном:

– До свидания!..

И все исчезло во мраке ночи.

Прошли месяцы, протекли годы. Каждый из них держал свои обещания. Дочь спокойно работала ради насущного хлеба, отец лихорадочно боролся, чтобы разбогатеть. Цель была достигнута, разлуке приходил конец, и через извест-

ный промежуток времени, который уже можно было теперь определить, отцу и дочери предстояло соединиться вместе. Пока Роза обдумывала все это с улыбкой радости, Проспер печально говорил себе, что близок жестокий час, которого он так боялся, который так эгоистично желал отдалить, лелея в глубине души безумную надежду, что он никогда не наступит. Это было гибелью его счастья, такого неполного и вместе с тем такого сладостного, за которое он цеплялся, пожалуй, тем более жадно, чем недостойнее его считал себя и чем больше рисковал он лишиться своего блаженства.

Теперь уж было несомненно, что Роза в один прекрасный день покинет домик в Блуа и отправится в Париж, чтобы жить там со своим отцом, как было прежде, когда они пользовались богатством. А он, Проспер, останется в Шиноне, на закопченной, скучной фабрике, где ему надо работать под пытливым оком хозяев. Тогда придет конец всему. Такое громадное материальное состояние отделит его от той, которую он таинственно обожал, и никогда больше не установится между ними восхитительная простота их теперешних отношений! В одну минуту мадемуазель Превенкьер снова делается светской молодой девушкой, окруженной ухаживанием, поклонением, а он останется, как был, бедным подмастерьем с жесткими руками, загрубевшими от кислот. Какое знакомство может существовать после того между ними? Он будет тогда лишен счастья видеть ее даже издали, напоминать ей о себе поклоном, жестом почтительного обо-

жания. Их разделит слишком большое расстояние. Роза совершенно забудет его, и если имя Проспера случайно вспомнится ей, то с ним будет связано грустное воспоминание о самых несчастных днях ее жизни.

Глубокая грусть овладела им. Потупившись, чтобы скрыть свою бледность, так как он обещал Сесили не выдавать себя ничем, молодой инженер мрачно слушал, не понимая, толки своей сестры и отца о событии, грозившем перевернуть вверх дном всю его жизнь.

– Как нам будет скучно, когда вы уедете отсюда, мадемуазель Роза, – говорил старик Компаньон. – Я уж так привык видеть вас в магазине и, наверно, буду по-прежнему искать вас глазами на обычном месте у стола...

– Если так, то переезжайте вместе с Сесилью в Париж. Тогда я в свою очередь предложу вам приют у себя в доме.

Старик покачал головой.

– Нет, я не выдержу в Париже. Я не могу быть счастлив вне моего домика, вдали от моего сада... Что случилось бы тогда с моими розовыми кустами?

– А вдобавок, – вмешалась Сесиль, – вы не обязаны нам ничем, мадемуазель Роза. Вы работали заодно со мною и жили на свои трудовые деньги, как живу я... Если у вас есть долг по отношению к нам, то лишь долг привязанности, потому что мы искренно полюбили вас. Но и тут вы расквитались заранее вниманием и предупредительностью к нашему отцу, добротой ко мне.

– Нет, милая Сесиль, нельзя расквитаться так легко и скоро, как вы уверяете, за услуги, оказанные с такой сердечной готовностью. Вы можете думать, что сделали для меня мало. Но я знаю лучше, и мое дело судить о размере моего долга. Я уверена, что по своей деликатности вы никогда не потребуете ничего. Тем не менее, несомненно, что без вас я осталась бы одинокой и, пожалуй, не вынесла бы своего непосильного испытания в борьбе с этим горьким одиночеством и нуждой. Между тем ваш отец и вы сами отнеслись ко мне, как самые любящие родственники, и я нашла у вас настоящую семью. Этого мне никогда не забыть. Я и не думаю о том, чтобы расквитаться с вами впоследствии за вашу преданность чем бы то ни было. Пошлое сердце, пожалуй, сочло бы достаточным в настоящем случае какой-нибудь великолепный подарок, приобретенный на деньги, добытые моим отцом. Но я краснею при одной мысли нанести вам такое оскорбление. За привязанность платят только привязанностью, и я всю мою жизнь буду доказывать вам, что вы имели дело не с какой-нибудь неблагодарной.

Сесиль подавила вздох и молча взглянула на брата, который слушал эти горячие возражения, потупив голову, Как было бы легко для Розы уплатить свой долг благодарности, и даже с лихвой! В двух шагах от нее сидел бедный малый, которого грызло отчаяние, тогда как одно ее слово могло сделать его счастливейшим человеком, Но чтобы это осуществилось, нужно заговорить, выдать тайну Проспера, злоупотре-

требить настоящим положением мадемуазель Превенкьер. А это-то именно и было немислимо. Где-то по соседству часы пробили восемь, и Проспер поднялся, точно очнувшись от забытья.

– Тебе пора, мой мальчик, – сказал отец. – Ведь ты уезжаешь на поезде в половине девятого?

– Да, батюшка.

Молодой человек был немного бледен, но бодрился, и на его лице была приветливая улыбка. Сестра подала ему плащ и шляпу.

– Я провожу тебя на станцию, – сказала она.

– Не пойти ли и мне с вами? – спросила мадемуазель Превенкьер.

Несмотря на умоляющие взгляды Проспера, Сесиль отвечала, однако:

– Нет, посидите лучше с отцом, мадемуазель Роза. Ведь я сейчас буду дома.

Мадемуазель Превенкьер поняла, что молодая девушка хочет остаться с братом наедине. Ей представилось, что у них есть какой-нибудь невинный секрет, который надо обсудить вдвоем.

– В таком случае до свидания, господин Компаньон, – сказала она дрожащему Просперу, – и, конечно, до скорого...

– Да, сударыня, до скорого.

Он коснулся концами пальцев ее руки, которую молодая девушка протянула ему, улыбаясь, обнял отца и, провожае-

мый служанкой, вышел вместе с сестрою. На улице они с минутой шли молча. Ночь была светлая, и небо, омытое недавней грозой, сверкало мириадами звезд. Дул свежий ветер. Наконец Проспер схватил руку сестры и сказал глухим голосом:

– Ну вот, ты слышала: ее отец возвращается, и для меня все кончено!

– Да разве мы не предвидели этого? – серьезным тоном спросила Сесиль.

– Разумеется. Однако я надеялся, что мое счастье продлится еще немного.

– Твое счастье! Увы, довольно жалкое и непрочное.

– Но все-таки счастье. А вскоре не будет и того!

– Ведь я предупреждала тебя, не следовало тебе с ней видеться.

– Чтоб не иметь возможности навестить и тебя с отцом? Это было бы уж для меня последней степенью горя. Я лишился бы всего зараз. Нет, я не жалею о прошлом. Радости, которыми я наслаждался среди вас, есть мое сокровище. Я сохранию о них восхитительное воспоминание. Если б я избегал ее, у меня не было бы и этой отрады. Но теперь не время вздыхать. Два года разыгрывал я роль несчастного влюбленного. Настала пора вести себя настоящим мужчиной.

– На что же ты решился?

– Пока она читала это письмо, такое счастливое для нее, такое роковое для меня, и пока вы обсуждали предстоящие

события, я размышлял, совещаясь со своим мужеством и волей. В одну минуту передо мной промелькнули два последних года, и я пришел к тому заключению, что если я много выиграл в этот срок с нравственной стороны, зато понес материальный ущерб. Я потерял понапрасну время. Я мечтал вместо того, чтоб работать. Я не добился успеха в своих открытиях и плохо подготовил свое будущее. Мне надо изменить свой образ жизни. Я должен стать иным человеком. Я чувствую в себе недюжинные силы, которые, если их употребить с пользою, приведут меня к успеху. Я хочу добиться его, ты понимаешь, и предстать перед нею преобразившимся от моего триумфа. Не надеясь внушить ей любовь, я хочу, однако, чтоб она гордилась мною и признала меня своим другом. Вот в чем поклялся я себе сегодня во время моих гордых размышлений, и поверь, я сдержу свое слово.

– Что ты намерен делать?

– Поехать завтра в Париж, побывать у Леглиза, поступить к нему на завод, потому что он готов дать мне место, и тут, среди усовершенствованных орудий и новейших научных приспособлений, закончить мои работы. Если мне удастся завершить свое изобретение, то будут обеспечены и богатство, и имя. Тогда из последнего общественного разряда я перейду в первый. Я не буду больше бедным зрителем за рабочими, а стану изобретателем, признанным, оцененным и равным всем тем, которые станут привлекать к себе взоры мадемуазель Превенкьер. Да, я сделаюсь человеком с име-

нем, который заинтересует ее собою, подстрекнет ее самолюбие. И мое счастье опять вернется ко мне: я получу возможность видеть ее, говорить с нею. Чтобы достичь такого результата, я намерен удалиться. На этот раз моя жертва будет иметь серьезное основание. Я не схороню себя в провинциальной трущобе с отвратительной необходимостью повторять себе: я не должен с ней видаться, чтобы не утратить спокойствия своих мыслей; нет, я уезжаю, чтобы тем вернее приблизиться к ней, и это сознание ободряет меня, волнуется восторгом, придает мне способность к самому упорному труду и неистощимому терпению.

Проспер шел по темным улицам, оживленно жестикулируя, и его пылавшее лицо сияло энергией. Сесиль слушала, не говоря ни слова, поработанная этой смелой решимостью, увлекаемая бодрой уверенностью брата. Она думала про себя, что он должен достичь своей цели, подхваченный сверхъестественными силами.

– Ступай, куда ведет тебя твое сердце, – сказала она, – и дай Бог тебе не пожалеть со временем о своей тихой жизни в провинции! Но мы-то потеряем тебя: ты перестанешь навещать отца.

– Отчего? Из Парижа так же легко попасть в Блуа провести с вами денек, как и из Шинона. Будь покойна, пока она будет у вас, меня не перестанет тянуть сюда, как магнитом... Когда же она уедет, вы сами переселитесь ко мне в Париж. Батюшка найдет в предместье домик, который будет

напомянуть ему наше мирное жилище; там он сможет, как и здесь, разводить цветы. Я вознагражу вас за все, что вы сделали для меня, и мы проживем, счастливые нашим новым благополучием.

Сесиль улыбнулась.

– Ты мечтаешь, добрейший Проспер; твои планы слишком прекрасны, чтобы осуществиться так легко.

– Ничто не легко, – отвечал молодой инженер, – но все возможно при твердости и желании. Достичь успеха для меня вопрос жизни и смерти. Я добьюсь своего.

Они дошли до вокзала. Проспер обнял сестру и прибавил с уверенностью, которая почти убедила ее:

– Скоро вы получите от меня уведомление. Ступай домой, моя дорогая, и не сомневайся... Вот увидишь...

Он сделал прощальный жест и удалился твердой походкой, точно отправляясь на завоевание будущего.

Глава 3

В отеле Леглиза шел пир горой. Аллея Вилье у площади Александра Дюма была запружена экипажами, которые беспрерывно въезжали в высокие ворота и выезжали оттуда. С трех часов пополудни начался съезд, и число гостей все возрастало в великолепных комнатах нижнего этажа, выходящих в сад – зеленый уголок, напоенный благоуханием цветов. Знойное июньское солнце заливало яркими лучами толпу приглашенных, которые прогуливались по аллеям, поднимались и спускались по каменным ступеням террасы, входили и выходили из дома под музыку оркестра, исполнявшего томные вальсы.

На краю сада стоял киоск в виде сельского домика, где был устроен буфет и где сосредоточивалось главное оживление. Громкий разговор, звон посуды, шепот удовольствия сливались в несмолкаемый гул, доносившийся из душных зал под свежую сень сада и окружавший веселой гармонией блестящий праздник. Посреди лужайки, в бассейне с мраморными краями, горделивые и недовольные лебеди скользили по воде, оставляя за собой серебристые борозды.

Из киоска появился маленький толстяк, вооруженный фотографическим аппаратом, и, не щадя мягкой, как бархат, травы, пошел на поляну. Направив свой инструмент на пеструю толпу, он принялся делать моментальные снимки с бу-

фета и теснившейся возле него публики. Прогуливавшиеся в одной из аллей двое молодых людей – две парижских знаменитости, романист Буасси и Лермилье, любимый живописец американок, – остановились против фотографа.

– Взгляните, пожалуйста, Буасси, этот дуралей Тонелэ уж принялся за свое ремесло, – со смехом сказал Лермилье. – Чего доброго, он подцепит там все парижские флирты.

– Курьезно то, – подхватил писатель, – что здешний буфет служит как бы приютом адюльтера [*Адюльтер – супружеская неверность, измена*]: в нем только и видишь, что разрозненных жен и мужей!

– А вы заметили, как Томье увивается вокруг мадемуазель Превенкьер? Потеха!

– Что-то скажет патронесса?

– Пока она ничего не подозревает, еще куда ни шло; но вот если у ней явится подозрение, тогда берегись!

– Неужели вы думаете, милейший Лермилье, что Превенкьер окончательно вернулся в свет? Этот человек как в воду канул, а теперь опять появился на горизонте. Вы доверяете поправке его финансов?

– По крайней мере, он купил отель Рюффен в аллее Буа и заплатил за него девятьсот тысяч франков чистоганом. В доме Леглизов Превенкьера принимают, как весьма солидного господина.

– Но ведь дом Леглизов уже не тот, что был, Они ползут под гору, эти Леглизы!

– Чему трудно поверить, судя по их роскоши!

– Пускание пыли в глаза! Гольдшейдер, не стесняясь, говорит, что кредит завода весьма незначителен.

– Ну, так вот, если вы считаете Гольдшейдера авторитетом, то знайте, он говорит всем и каждому, что у Превенкьера ай-ай какой толстый карман.

– Теперь понятно ухаживание Томье за его дочерью.

– Значит, он котируется, Томье?

– А еще бы! Он живет на остатки бывшего шика.

– И метит на приданое девицы. Богатая женитьба – богадельня инвалидов для бывшего кутилы.

И они прошли дальше, направляясь в комнаты. Здесь гости толпились вокруг хозяйки дома. Остановившись у группы декоративных растений, маскировавших вход на ее половину, улыбающаяся госпожа Леглиз принимала новых посетителей. У нее на всех находилось приветливое слово, а ее черты выражали беспечную веселость. В своем белом платье она казалась совсем молоденькой. Золотистые волосы обрамляли ее несколько бледное лицо точно сиянием. Она нервно теребила в руках ветку жасмина. Между счастливым выражением взгляда и лихорадочной торопливостью жестов внимательный наблюдатель подметил бы странное несоответствие. Молодая женщина разговаривала игривым тоном с несколькими важными лицами солидных лет.

Буасси и Лермилье вошли в дом из сада через распахнутую настежь дверь и остановились на минуту на пороге,

чтобы полюбоваться общим видом приемных комнат. Здесь перед глазами зрителей переливались всевозможные цвета, мелькали изящные платья, скользили ножки в изысканной обуви и стояли смех и говор: дамы прогуливались под руку с кавалерами в безупречных рединготах [Редингот – *длинный сюртук, также особый покрой дамского пальто, напоминающий сюртук*], с видом победителей; молодые девушки проходили группами, предоставленные самим себе, под гарантией взаимного надзора; дельцы разговаривали с прожигателями жизни, а прожигатели жизни старались выпытать у дельцов полезные сведения. Двое друзей остановились у камина, украшенного камелиями, и, затерявшись в толпе, продолжали свой разговор.

– Взгляните на госпожу Леглиз: она дорого бы отдала, чтобы бросить здесь этого старого идиота Вальфрона, который так рассыпается перед ней, между тем как Маршруа посмеивается с загадочным видом. Вам нравится эта личность, Буасси?

– Вот уж нет, терпеть его не могу! Он смахивает на сущего негодяя.

– С тех пор как Леглиз сделался любовником его сестры, госпожи де Ретиф, он безвыходно торчит здесь в доме и так похож на кота, подстерегающего мышь!.. Кроме того, ему везет: уж слишком большое счастье в картах.

– А кто такая эта госпожа де Ретиф?

– Прехорошенькая женщина, не очень молодая, которая

проживает по двести тысяч франков в год, не имея, насколько известно, и двадцати пяти тысяч дохода. Довольно обыкновенный тип. Таких особ найдутся в Париже сотни.

– Значит, дама двусмысленного поведения?

– Ну, нет, поднимайте выше. Держит она себя превосходно, тон изысканный, привычки безупречны, респектабельность полная. Исключая то, что она имеет свидания с Леглизом в укромной квартирке на улице Прони, невозможно ничего сказать на ее счет. Горничная госпожи де Ретиф никогда не замечала за ней чего-либо предосудительного, никогда лакей не находил нужным кашлянуть, отворяя дверь гостиной, при своем входе. Одним словом, внешние приличия соблюдены до мелочей. У этой красавицы есть братец Маршруа, который сопровождает ее в свете. Как видите, все обставлено благопристойно.

– В таком случае, она честная женщина, как Маршруа – благородный человек, за что можно поручиться в известных пределах.

– Ну, я бы не стал ручаться. Но такие женщины, как госпожа де Ретиф, нужны. Без них мы пропали бы со скуки. Ведь если б мы не встречали хорошеньких, изящных, умных дамочек, которым можно все сказать и от которых можно на все надеяться, то нам оставалось бы только отплыть на Мадагаскар, чтобы собирать там самородки золота и распространять смешанную расу от негритянок.

– Несомненно, что дом, где мы находимся, чистая находка

для молодого человека. Здесь его встречают с распростертыми объятиями.

– И удерживают в них.

– Эти бедные женщины пропадают от скуки.

– Они умеют искусно скрывать свою игру.

– В таком случае, они скрывают только это.

– С утра до вечера здесь идет пир горой. Ешь, пей, играй, люби, сколько хочешь. Возле помещения привратника есть загородка для велосипедов, чтоб можно было остановиться мимоездом, рассказать сплетню, перекинуться в картишки или повидать нужного вам человека. Это казино с бесплатным входом, клуб, где не рискуешь быть забаллотированным. Кто молод, красив собою, богат, имеет знакомства и связи, тот будет здесь всегда желанным гостем, и у него не спросят, откуда он или что ему надо.

– Черт возьми, и без того известно, что каждый ищет здесь развлечения! Развлечение – самое важное дело для этих господ, которых точит безысходная скука. Они жертвы праздности. В голове у них ни одной идеи. Следовательно, им надо заменить полезные занятия суетой. Их язва – ничегонеделание. Если б, на несчастье, они имели способность поразмыслить хоть на одну секунду над своим образом жизни, то отшатнулись бы в ужасе. Отсюда их потребность развлечений, их безумная жажда наслаждаться, их бешеная страсть к веселью. Они желают приятно проводить время до самой смерти.

– Хорошо, – сказал Лермилье, – но ведь перед смертью-то их подстерегают еще болезнь, расслабленность, старость.

– Ах, милейший, вот о чем они никогда не думают! Этого, по их мнению, с ними никогда не случится. Состариться, быть больным – какой вздор! Этому подвержены люди трудящиеся. Удовольствие сохраняет человеческие силы. Да здравствует кутеж!

– Друг мой, вы смотрели на этот мир в качестве живописца и видели только одну внешность. Но если б вы взглянули на него с точки зрения писателя, то есть несравненно глубже, то увидали бы нечто более важное, более страшное и опасное. Этот кутеж, в котором принимают участие все собравшиеся здесь, не что иное, как фарс, исполняемый напоказ статистами на сцене балагана. Настоящая пьеса разыгрывается за кулисами. Среди этой светской ярмарки снуют люди рассудительные, холодные; в то время, когда другие пляшут и напиваются, они обдeldывают свои делишки, удовлетворяют свое честолюбие, сколачивают деньгу и вносят правильно организованную деятельность практической жизни в ту среду, где безумие и прихоти комедиантов забавляют толпу. Один подстерегает легковверную жертву, которую легко провести на бирже, и находит ее. Другой ищет повышения в армии или в судебном ведомстве и, действительно, подвигается вперед. Этот покровительствует какому-нибудь промышленному заведению, навязывая покупателям за дорогую плату его произведения. Тот имеет в виду богатую женитьбу. По-

ка женщины смеются, поют, болтают, франтят, все мужчины преследуют какую-нибудь полезную цель. Кутеж – не более как блестящая вывеска, прикрывающая товар. Удовольствия – не что иное, как лоск денежных афер.

– Вот вам благодатный психологический материал; здесь вы можете черпать готовые сюжеты для романов. Остается только их записывать. Я также не могу пожаловаться, потому что нашел здесь целый ряд портретов и... – Буасси расхохотался.

– Черт возьми! Для нас удовольствие также не более как лоск наших афер. Когда я пускаюсь морализировать, мне, в интересах справедливости, следует применять и к себе эту критику нравов.

Пока друзья разговаривали таким образом, к ним присоединился Томье, дружески кивая головою. Здесь, казалось, он был как дома.

– Надеюсь, что вы не уходите? – спросил молодой человек. – Теперь-то и начнется настоящее веселье. Стеснительные личности исчезают, и мы сейчас очутимся в своей компании.

Отделившись от кружка серьезных господ, госпожа Леглиз медленно направилась к ним. Она была гибка, грациозна и точно скользила по паркету, Две дамы остановили ее на минуту, восхищаясь сегодняшним праздником; она выслушала похвалы с безмятежной улыбкой и пожалала им руки, звеня браслетами. Наконец молодая женщина подошла к

Томье, ожидавшему ее. Живописец и писатель искусно ступали, чтобы не мешать им, и здесь, в цветущем уголку, изолированные среди многолюдного общества, влюбленные нашли возможность обменяться наконец несколькими словами, первый раз за целый день.

– Кончена скучнейшая процедура, или около того! – заметил Томье.

– Да, время продвигается. Не знаете ли, где мой муж?

– С Превенкьером в саду.

– А мадемуазель Превенкьер?

– Под крылышком госпожи де Ретиф, которая для этого случая преобразилась в няньку.

– Не говорите глупостей! А как вы находите ее, эту малютку Превенкьер?

– Довольно милой.

– Вы с нею разговаривали?

– Ровно пять минут.

– Она умна?

– Может быть.

– Я видела ее только мельком. Она не изменилась с тех пор, как жила в Блуа. Как вы думаете, она нас узнала?

– На это я могу ответить вам в положительном смысле.

– Почему?

– Потому что, как только отец представил меня ей, она тотчас намекнула на нашу первую встречу. Эта девушка, по-видимому, нисколько не стыдится своей тогдашней про-

фессии, По крайней мере, она говорила о ней весело и с чувством. Отсюда я заключил, что мадемуазель Превенкьер неглупая особа.

После минутного молчания госпожа Леглиз сказала с оттенком грусти:

– Сколько событий с тех пор! А между тем прошло всего два года.

– Вы сожалеете о них?

Она подняла глаза, посмотрела на Томье с выражением влюбленного раздумья и спросила, не отвечая на вопрос:

– Любите ли вы меня так же, как тогда?

– Гораздо больше!

Он взял ее под руку, она прижалась к нему, слегка дрожа, и промолвила:

– Тогда я не жалею ни о чем.

Как в зрительном зале после спектакля, толпа гостей стала быстро расходиться; в каких-нибудь несколько минут большая часть публики исчезла, и в гостиной, в саду, в буфетном киоске, вокруг оркестра остались только ближайšie знакомые Леглизов. Человек пятьдесят мужчин и дам разбрелись, кто куда хотел; одни сидели вокруг лужайки у цветочных клумб, другие перед бассейном, где лебеди обрели свою прежнюю безмятежность. Госпожа Леглиз и Томье любовались с террасы этим окончанием блестящей garden-partu; они освободились теперь от всех забот и могли насладиться прелестью весеннего дня.

Заходящее солнце румянило деревья с их нежной молодой зеленью и обращало воду бассейна в золотое зеркало. Буасси и Лермилье стояли тут же, невдалеке от хозяйки. По аллее шли, разговаривая между собою, госпожа де Ретиф и мадемуазель Роза с Маршруа и Превенкьером. Леглиз замешкался в группе дам, которые назывались в интимном кружке «домашними увеселительницами»; среди них первое место занимали; госпожи Варгас, де Рово и Тонелэ. Муж последней, с фотографическим аппаратом на шее, суетливый, взволнованный, делал моментальные снимки с последних гостей. Вдруг, после короткого препирательства с Леглизом, госпожа Тонелэ влезла на каменную скамью и кокетливым жестом приподняла юбку, обнаруживая пару изящных ножек, обтянутых чулками светло-коричневого цвета и обутых в черные лакированные туфельки. Потом она спрыгнула на песок и вернулась почти бегом к своим приятельницам на террасе, хохоча, как сумасшедшая.

– В чем дело? – полюбопытствовал Томье.

– О, пустяки! Этьен держал со мной пари на десять луидоров, что я не влезу на скамью и не покажу своих икр... я не задумалась! Он раскрыл свое портмонэ, а я подняла платье... вот деньги!

– Пускай они идут на бедных! – подхватила госпожа Варгас. – Для тех, которые лишены икр!

– Все это чепуха! – продолжала госпожа Тонелэ. – Не все ли равно выставить напоказ свои ноги в саду в городском

туалете или в Булонском лесу на велосипеде? Ведь они одни и те же, не правда ли?

– Допустим, так! – воскликнул Томье. – Но что сказал на это Тонелэ?

– Мой муж? Он сделал с меня моментальный снимок!

– Вот что значит завятый фотограф-любитель!

Все три женщины принялись хохотать. Возле них сгруппировались мужчины, о которых теперь шла молва, что они пользуются благосклонностью, этих дам. То были: советник Равиньян, который пытался вышколить госпожу Варгас и заставить ее держать себя, как прилично подруге члена апелляционного суда, но, увы, безуспешно; маленький Бернштейн, богатый наследник банкирского дома «Бернштейн и Шлаф», двадцатидвухлетний юнец, беленький и румяный, который держал скаковых лошадей, срывал в клубе банк на пять тысяч луидоров и содержал госпожу де Рово, что было известно всему Парижу, и, наконец, полковник Тузар, высокий драгун, сухощавый брюнет сурового вида, который пользовался расположением госпожи Тонелэ, за компанию со стариком Кретьеном, бывшим подрядчиком на Панамском канале; про полковника ходили слухи, что он поколачивал резвую дамочку, когда она заходила несколько дальше, чем следует, как это произошло сейчас. В данную минуту Тузар смотрел свирепо, и на его лице выступил багровой полосой глубокий шрам от молодецкого сабельного удара, полученного им под Гравелотой, когда он был уланским корнетом.

– Невероятный глупец этот Тонелэ! – проворчал полковник на ухо Буасси. – По крайней мере, Варгас и Рово не видят, как их супруги выкидывают колена. Они занимаются делами и проводят время с пользой, тогда как этот дуралей только и знает, что возится со своими объективами.

– Э, полковник, если б он не смотрел все время в аппарат, то увидел бы много кой-чего!

– Так ему и надо.

По аллее, окаймленной нежно-зеленой травой, медленными шагами возвращались к дому госпожа де Ретиф и Леглиз, сопровождавшие Розу Превенкьер. Женщина, которая, по слухам, стоила так дорого Леглизу, была великолепная блондинка тридцати лет, с ослепительным цветом лица и голубыми глазами, с надменной и умной физиономией. Ее сгофрированные волосы разделялись пробором на темени, образуя два бандо на висках, и скручивались на затылке в высокий шиньон, прикрытый маленькой шляпой зеленого бархата, которая была подколота двумя бриллиантовыми шпильками. Тонкая талия, широкие плечи и упругий бюст госпожи де Ретиф были обтянуты атласным корсажем цвета нильской воды. Из-под ее юбки, грациозно колебавшейся при каждом шаге, выставлялся кончик миниатюрной лакированной ботинки, а под складками платья слегка обрисовывались роскошные формы ног. Она говорила о чем-то самым приветливым тоном; молодая девушка слушала ее со сдержанным видом, тогда как Этьен Леглиз смеялся беззаботным, ветре-

НЫМ СМЕХОМ.

– Вы так прямо и вернулись к своей прежней жизни? – продолжала госпожа де Ретиф. – Те, которые забыли вас легче всего, оказали вам наиболее нежный прием, И вам простили вашу бедность, увидав, что вы снова разбогатели.

– Свет так низок, – сказал Леглиз.

– По-моему, нет, – возразила мадемуазель Превенкьер, – он только равнодушен. Неужели ему горевать при каждой катастрофе? Да ведь это случается сплошь и рядом! Ему поневоле приходится смотреть хладнокровно на людские несчастья. Но память у него тверже, чем думают. Он вас узнает, когда увидит опять...

– В цветущем состоянии.

– Ну, разумеется! Разве на бедняков обращают внимание? Их надо жалеть, ободрять, оказывать помощь. А это так скучно! Годы моего пребывания в Блуа я точно провела в путешествии. Меня увидели вновь такую же, как я была прежде: в тех же модных платьях и в собственном экипаже. Ничто не изменилось в моем образе жизни, и чувства моих знакомых остались прежними. Все это, пожалуй, далеко от рыцарского благородства, но зато необыкновенно практично.

– Во всяком случае, вам надо отдать справедливость: вы отлично делали шляпы, – подхватил, смеясь, Этьен. – И у моей жены был прекрасный образец вашего вкуса, который был удивительно ей к лицу...

– Вот как, – вымолвила госпожа де Ретиф, бросая на него вопросительный взгляд; она не знала, как молодая девушка примет это напоминание о ее недавнем прошлом.

– О, для госпожи Леглиз было нетрудно сделать шляпу к лицу! – спокойно возразила мадемуазель Превенкьер. – Однако вы еще помните этот маленький эпизод? Какая же у вас память!

Они вошли в гостиную, и Томье тотчас увидал их. Он в ту же минуту весь преобразился. Во время разговора с госпожой Леглиз у него был усталый и рассеянный вид. Но молодой человек сделался моментально приветлив и внимателен, как только заметил Розу. Эта внезапная перемена так бросилась в глаза, что хозяйка дома нахмурила брови и тревожно оглянулась в сторону мадемуазель Превенкьер. Но та, по видимому, совсем не интересовалась Томье, тем более что в эту минуту хозяин дома представлял ей Буасси и Лермилье. Таким образом, госпожа де Ретиф и госпожа Леглиз очутились вдвоем; эти дамы не стеснялись и называли одна другую по имени, как самые близкие приятельницы. Маршруа и Превенкьер приблизились к ним в свою очередь. Госпожа де Ретиф обернулась с любезной миной к отцу Розы и приветствовала его очаровательной улыбкой.

Сухощавый, загорелый под африканским солнцем, со светлыми глазами под дугою черных бровей, с выбритым лицом, Превенкьер с первого взгляда производил впечатление ясности и решительности. Приятный, гибкий голос смягчал

несколько резкий характер физиономии, при всем том его наружность ясно говорила, что этого человека не следует затрагивать. Однако госпожа де Ретиф как будто решила испытать на нем силу своих чар и старалась привлечь его внимание и взглядом, и улыбкой. Казалось, то был напрасный труд. Превенкьер чрезвычайно внимательно слушал Маршруа, который разговаривал с ним, понизив голос, и предмет их беседы, вероятно, был интересен, так как по тонким губам золотопромышленника блуждала улыбка.

– Все, что вы видите вокруг нас, – нашептывал ему брат госпожи де Ретиф, – не что иное, как декорация. За ней уже нет больше ничего, Леглизы, в продолжение пятидесяти лет стоявшие во главе торговли золотом в Европе, в последние годы пошли под гору. Леглиз старший, отец Этьена, умер, оставив завод своему сыну...

– С вами в качестве компаньона, – потихоньку перебил Превенкьер.

– Нет, только участника, – возразил Маршруа, – я не состою товарищем фирмы... Леглизы слишком горды, чтобы изменить свои порядки, но я распоряжаюсь управлением.

– Почему же тогда их дела идут плохо? – спокойно спросил Превенкьер. – Разве вы ведете их неудачно?

– Нет! Беда в том, что Этьен Леглиз хотя и отличный малый, но любит пожить на широкую ногу; его увлечения молодости обошлись очень дорого покойному отцу, и в настоящее время мы принуждены сократить производство за

неимением капиталов. Вот почему я предложил вам сделать-ся участником этого предприятия.

– А разве вы не можете оставить его за собою?

– Я и не думаю о том.

– Значит, оно непрочно?

– Если б это было так, я не предлагал бы вам вступить компаньоном.

– Так как вы уверены, что меня не проведешь.

– Во-первых, да. Кроме того, я желаю иметь в вас своего союзника.

– В каком смысле?

– Вы обеспечили бы за мной безраздельное управление заводом.

– А как же тогда Этьен Леглиз?

– Его надо вон.

– Из собственного-то завода?

– Если мы не порешим этого малого, то другой подставит ему ножку.

– По крайней мере, это будете не вы.

– Какая чувствительность!

– Извините, пожалуйста: ведь я сейчас от дикарей.

Они замолчали и осмотрелись вокруг. Беззаботный Этьен болтал с мадемуазель Превенкьер и госпожой де Ретиф, которых забавляли остроумные, блестящие ответы Лермилье и Буасси. Томье и госпожа Леглиз примкнули к этой группе, которая сплетничала и хохотала под тихую музыку оркестра,

исполнявшего последний вальс. И в собственном доме Этьена Леглиза, в трех шагах от него, в присутствии его жены, среди веселого праздника, обсуждалась гибель этого жалкого человека между двумя неумолимыми дельцами, которые с нескольких слов поняли и взвесили свою разрушительную силу. Превенкьер первый начал прерванный разговор:

– Значит, бедняга Леглиз обречен в жертву?

– Самим собою, – холодно отвечал другой. – Он умел только швырять деньги, накопленные отцом. В те времена, когда жизненная конкуренция доведена до крайнего пароксизма [Пароксизм – *припадок, признак болезни; обострение болезненного процесса, проявляющееся внезапно*], этот юный шалопаи, вместо того чтоб управлять перворазрядным заведением, бил баклуши с такими же кутилами, как он сам, которые его объедали, да с любезными девицами, которые обратили его в скота. А пока он занимался приятным прожиганием жизни, пятьсот рабочих, кующих золото с утра до вечера, не могли выделывать столько этого металла, сколько проматывал их патрон. Как вы хотите, чтобы предприятие шло успешно при таких условиях? Каждое дело требует распорядителя, а когда распорядителя не оказывается на переключке, тогда ищут другого.

– Хорошо! Ну, а госпожа Леглиз, какую роль играет она во всем этом? Чем занимается?

– Взгляните!

Маршруа иронически подмигнул Превенкьеру на группу,

в центре которой Томье служил в настоящую минуту предметом внимания дам. Даже Роза смотрела на него благосклонно, потешаясь его игривым, насмешливым остроумием. Он спорил с двумя артистами с большим увлечением, но без малейшего педантизма, не давая прекратиться разговору, который так сильно заинтересовал всех этих светских людей, что они продолжали стоять перед гостиной, живописно убранной зеленью, позабыв всякую усталость. Видя такой успех любимого человека, госпожа Леглиз сияла непритворным счастьем. Превенкьеру все стало ясно с первого взгляда.

– А, так значит Томье? – лаконично спросил он.

– Да, Томье.

– Ну, плохо дело! Вы интересуетесь заводом Леглиза, а Томье его женой. Это слишком много для одного человека.

– Он так же пренебрегал женой, как и заводом. Но что нам за дело! Обратим внимание только на завод. Леглиз на днях попросит у вас шестьсот тысяч франков. Ссудите ему эту сумму с оговоркой, что, если по истечении срока векселя долг не будет уплачен, вы можете сделать вторичный взнос в шестьсот тысяч франков, который даст вам право поставить во главе заведения единственного директора по вашему выбору.

– Вас?

– Естественно.

– Вот как! Хорошо, приведите мне Леглиза хоть завтра утром; мы потолкуем.

Маршруа поклонился с улыбкой.

– Я не удивляюсь, что вы вернули свое состояние в четыре года. Вы человек весьма положительный.

Как раз в эту минуту в гостиной блеснул яркий свет, раздался глухой треск, как при воспламенении взрывчатого вещества, и из облака удушливого белого дыма послышался веселый голос Тонелэ:

– Не шевелитесь! Я сделаю с вас еще один снимок.

Наведя на присутствующих свой аппарат, поставленный на легкий треножник, он опять произвел взрыв своей лампочкой с магнием, после чего, хохоча во все горло, фотограф-любитель выступил вперед и раскланялся.

– Милостивые государыни и милостивые государи, имею честь вас поблагодарить!

Госпожи де Рево и Тонелэ возвращались в гостиную; начался обмен рукопожатий, звонких поцелуев и шумных приветствий на прощанье, после чего под хлопанье отворяемых и затворяемых дверей с праздника разошлись последние гости. Леглиз очутился один со своей женой и Томье. Усевшись в кресло и окидывая усталым взглядом затихший сад, Жаклина довольно долгое время оставалась в задумчивости, потупив голову. Молодая женщина, по-видимому, не обращала внимание на то, что говорилось возле нее, пока не поймала следующих слов:

– Эту девушку нельзя назвать красивой, но у нее умное лицо, и, вдобавок, она получит от отца великолепное прида-

ное. Отличная партия для покутившего вдоволь холостяка. Послушай, Томье, вот бы тебе...

Здесь краска бросилась в лицо госпожи Леглиз, и она подхватила с внезапной живостью:

– Вы, кажется, беретесь за роль свата? Только того не доставало! Неужели эта старая дева заинтересовала вас до такой степени?

– Уж и старая дева! Сколько лет ты дашь ей, Томье?

– Лет двадцать семь, двадцать восемь...

– Ты, кажется, хочешь угодить моей жене!

– Во-первых, так, – сказал Жан, – а затем воздать должное истине. Впрочем, что мне за дело до мадемуазель Превенкьер?

– А кто не переставал увиваться за ней сегодня целый день, оказывать ей любезности?

– Это ради отца, – холодно отвечал Томье, – и в твоих интересах.

– Вот как! Это было бы любопытно послушать.

– Ничего нет проще. Госпожа де Ретиф, которая со своей стороны не переставала заискивать в Превенкьере, дала мне понять, что для тебя очень важно устроить любезный прием этому капиталисту в твоём доме; я старался подействовать на его самолюбие, тогда как госпожа де Ретиф пустила в ход кокетство. Обязаны же мы сделать для тебя что-нибудь, как она, так и я!

Этот ответ оттенялся такой дерзкой и грациозной ирони-

ей, что Леглиз не нашелся возразить ни слова. Он посмотрел, смеясь, на жену и воскликнул:

– Порадуемся, моя милая, что у нас с тобою такие преданные друзья! У меня – госпожа де Ретиф, у тебя – Томье. Как нам не успевать во всем с подобными доброжелателями! – Этьен сделал несколько шагов по комнате и прибавил, возвращаясь назад: – А что мы будем делать сегодня вечером? Теперь семь часов, В доме все вверх дном, Мы поедем куда-нибудь обедать?

– Ну, конечно! У нас условлено с супругами Рово и Тонелэ сойтись с ними в Посольском ресторане. Госпожа де Ретиф также примкнет к нашей компании...

– Значит, всей ватагой?

– А потом отправимся в какой-нибудь театрик провести эстетический и пищеварительный вечер.

– Тогда я пойду, надену фрак. До скорого свидания!

Кивнув головой жене и приятелю, он вышел. После его ухода Жаклина встала с кресла. Она подошла к Жану и, положив свои красивые руки ему на плечи, устремила на него пристальный взгляд.

– Не лукавите ли вы?

Он привлек ее к себе и, касаясь слегка своими надушенными усами милого личика, произнес ласкающим голосом, между тем как его губы скользили от виска молодой женщины к ее губам.

– Зачем мне обманывать? Разве это было бы достойно и

вас, и меня? Уж лучше я причинил бы вам горе, расставшись с вами прямо, вместо того чтобы позволить себе низкую измену. Мы не какие-нибудь пошлые существа, Жаклина, и узы нашей любви тем крепче, что они не имеют законной силы. Будь я вашим мужем, я мог бы променять вас на женщину вроде госпожи де Ретиф. Но я ваш любовник и обязан сохранить вам верность.

– Обязан, – с печальной улыбкой прошептала Жаклина. – Не люблю я этого слова! Когда мы обязаны, Жан, у нас может явиться желание уклониться от обязательства.

– Нет, когда мы исполняем его добровольно. А вдобавок, где я найду другую Жаклину?

– Мужчины часто оправдывают свою измену стремлением к разнообразию.

– Неужели в вас так мало гордости и вы допускаете мысль, что вами можно пожертвовать ради другой?

– О, прежде я была горда, а теперь мне кажется, что все мое достоинство заключается в одной любви.

– Я не понимаю ваших опасений. Чем они вызваны? Неужели появлением мадемуазель Превенкьер в вашем кружке или нелепыми словами вашего мужа? Ведь он хотел нарочно вас уколоть...

– Он? Да он на это совсем не способен! Что ему? По малодушию, по необходимости он, пожалуй, способен на многое и даже на очень дурное, я еще допускаю это, но без причины, честное слово, нет! Если он говорил, как сейчас...

– Но что же вы, Жаклина, договаривайте...

– Нет, я боюсь, что вы рассердитесь. Объясните мне лучше обратную сторону этих людей. Отец – авантюрист, а дочь?

– Дочь? Да вы ведь сами знаете, модистка из Блуа, – со смехом отвечал Томье.

– Однако при свидании со мною она не намекнула ни полусловом на нашу тогдашнюю встречу. Почему это?

– Вероятно, потому, что ей нелестно вспоминать теперь о том, как вы случайно открыли тогда ее скромное положение, и она надеется, что вы или не узнали ее, или позабыли о ней...

– Вот уж неправда! Она сразу дала мне понять противное. В ее пристальном взгляде я тотчас прочитала такую мысль: «Ты пришла ко мне в магазин с кавалером, который не был твоим мужем, но обращался с тобой фамильярно, точно ты зависела от него; значит, этот человек был твой любовник. Вот он в трех шагах от тебя, по-прежнему обворожительный и милый. И я разговариваю с ним, и он мне нравится...»

– Ну, полноте, – возразил Томье, – это уж вы придумали сами, мой прелестный друг! Во всяком случае, могу засвидетельствовать, что ее взгляд, настолько выразительный для вас, не был таким же для меня, а когда я предложил мадемуазель Превенкьер порцию мороженого в буфете, она поблагодарила меня тем же самым тоном, как благодарили другие дамы за услуги в этом роде.

– Но кто же, наконец, ввел этих людей ко мне?

– Маршрута.

– С какой целью?

– Вот уж не знаю! Под этим кроются махинации госпожи де Ретиф. Хотите, я вам скажу, что приходит мне в голову? Должно быть, дело идет о займе. Этьен сильно стеснен в данную минуту.

– Этот несчастный нас разорит, если не перестанет действовать так опрометчиво.

– Фирма прочна. При некоторой рассудительности все пошло бы опять по-старому и денежные затруднения уладились бы сами собой.

– А как по-вашему, Превенкьер очень богат?

– Н-да!.. Он купил отель в аллее Буа и обзаводится всем необходимым, как человек, который намерен прожить ежегодно от пятисот до шестисот тысяч франков... Если он нашел тепленькое местечко в Трансваале и орудует там промышленными предприятиями... ведь вы знаете, как скоро обогащаются в этой стране!

– А вас не встревожило бы то обстоятельство, что Этьен сделался должником Превенкьера?

– Ведь вы прекрасно знаете: он не станет со мной советоваться.

– В этом-то и беда! Он все делает втихомолку. В один прекрасный день и наш завод, и все наше имущество растают, как воск... Когда я думаю о том, мне становится грустно. Какая будущность ожидает нас? Неужели вы считаете Этьена

способным, по примеру Превенкьера, покинуть родину, покинуть Европу и отправиться в страну с убийственным климатом поправлять свое разоренное состояние? Нет, Жан, поверьте, он сумел разориться, но не сумеет разбогатеть. Это один из тех людей, которые одарены необъятной способностью ко всему дурному, но не пригодны ни к чему путному.

– Строго же судите вы его, однако!

Молодая женщина гордо подняла голову.

– Если б он не заслуживал такого приговора, разве я охладела бы к нему? Если я полюбила вас, то потому, что он не был достоин моей любви и не сумел ее отстоять. Вы знаете, Жан, что я не была создана для порока, и если не добродетель, то гордость предохранила бы меня от дурного шага, но мой муж неожиданно возвратил мне свободу, приводя ко мне своих любовниц. Я отдала вам свое сердце, но вместе с ним и свою жизнь. А нарушив верность Этьену, который не дорожил ею, я хочу остаться верной вам. Сознаться, что я не резонерка, что я далека от требовательности и формализма. Насколько помнится, с тех пор как мы любим друг друга, я в первый раз касаюсь с вами этого предмета, и мы не будем к нему возвращаться более до того дня, когда вам вздумается меня покинуть.

Томье сделал жест, протестуя против этих слов, и нежно придвинулся к Жаклине. Она ласково зажала ему рот своей ладонью.

– Да, я верю, что ты меня любишь; я надеюсь, что ты не хо-

чешь нашего разрыва... Я счастлива тем, что обладаю тобой, потому что ты прелестный и добрый человек. Поэтому запомни хорошенько то, что я говорю в настоящую минуту: не играй неосторожно моим сердцем, которое неспособно утешиться в твоей потере, и если ты заставишь его закрыться для счастья твоей любви, то знай, что оно не откроется больше ни для чего, кроме смерти!

– Сумасшедшая! Не угодно ли вам перестать говорить такие гадкие вещи? Это значит оскорблять жизнь, которая дает нам столько прекрасного.

– Ты меня любишь?

– Без сомнения, однако...

– Скажи только одно: ты меня любишь?

– Да.

Губы Жаклины прильнули к губам, которые произнесли слово, подтвердившее ее счастье.

– А не пора ли вам одеваться? – с улыбкой сказала она, отодвигаясь от молодого человека. – Иначе вы опоздаете!

– Это правда!

Он поклонился ей и, подходя к дверям, куда его сопровождал влюбленный взгляд, заметил на прощанье:

– Мы скоро увидимся!

Глава 4

Госпоже де Ретиф не всегда жилось приятно. Выйдя замуж в двадцать лет за дворянина из, Пуату, все имущество которого заключалось в полуразрушенном замке и незапятнанном имени, она изнывала в провинциальной глуши, не пользуясь никакими развлечениями, кроме охотничьих обедов. Последние устраивались, по бретонскому обычаю, от четырех до пяти раз в год и собирали шумную компанию охотников околотка. Ретиф, бравый мужчина с окладистой бородой, с широкими плечами, питавший большое пристрастие к вину и табаку, дорожил больше хорошей лошадью на своей конюшне, чем красивой женщиной у себя в доме. Скакать верхом сломя голову с охотничьим рогом на перевязке по следам «отседавшего» матерого волка было величайшим наслаждением для этого удальца. Провести двадцать часов в седле ему не значило решительно ничего, и зачастую случалось попадать в соседний департамент, увлекшись охотой, только бы под ним был мало-мальски сносный конь. После обеда или ужина, смотря по тому, в какую пору он возвращался домой, его единственным желанием было завалиться спать, и тут самой хорошенькой женщине в мире не удалось бы расшевелить этого немврода.

Валентина де Ретиф научилась презирать своего супруга, пренебрегавшего ею, и любовная хроника Пуату гласит, буд-

то бы она, недолго думая, принялась развлекаться с одним милейшим малым из Фонтенэ-ле-Конт, очень хорошим музыкантом, по фамилии де Сент-Серг, а потом с драгунским офицером де Вальрэ. Тем временем, точно судьба благоприятствовала ей, дикий и грубый Ретиф переселился в лучший мир; смерть его была насильственная, причем даже не удалось хорошенько разъяснить, каким образом приключилось с ним несчастье. Одни полагали, что он хотел перепрыгнуть верхом через канаву в ночной темноте и убился до смерти. По мнению других, его пикер, которого он отдул хлыстом по голове за то, что тот не сумел найти следов зверя, подстроил ему это роковое падение с лошади. Так или иначе, неоспоримо было то, что Ретиф уже не дышал, когда его нашли в глубокой рытвине, и что помянули его при этом случае довольно кратким надгробным словом: «Славный был наездник, но какая скотина!»

Его вдова недолго оплакивала свою потерю в наследственном пепелище. Она села на поезд железной дороги и поехала к брату Маршруа, который одновременно вел рассеянную жизнь и обдeldывал делишки. Валентина была восхитительной блондинкой двадцати двух лет, и ей необыкновенно шел ее вдовий траур. Еще не выезжая в свет по случаю своего недавнего вдовства, она встретила Этьена Леглиза, тот влюбился в молодую вдову и не успокоился, пока не представил ее своей жене. Со времени его женитьбы прошло уже четыре года, и, конечно, он не оставался верен Жаклине и шести ме-

сяцев. У него была мания приводить к себе своих любовниц. Для его полного благополучия ему требовалось встречаться с ними постоянно и без всякого стеснения. Поэтому первой заботой Леглиза было знакомить их с Жаклиной. Будь он женат на женщине строптивной и капризной, которая не согласилась бы потворствовать его фантазиям, Этьен был бы несчастнейшим человеком в мире.

В начале их супружества молодая женщина не догадывалась, в какое положение ставил ее муж. Она не понимала его уловок.

Ухаживание Этьена за личностью, принятой у них в доме, несколько не шокировало ее. Но услужливая подруга открыла ей глаза. Это произошло в тот период, когда Томье начал скромно предлагать Жаклине свое расположение, зная, что он выбрал удобное время. Он искусно воспользовался гневом и негодованием госпожи Леглиз, когда она убедилась, что ее оскорбляют в собственном доме. С большим знанием отрицательных сторон жизни Жан показал обманутой жене всю бесполезность попыток вернуть себе мужа. Он ласково убеждал и уговаривал ее, советуя покориться судьбе. Томье предвидел, что для этой двадцатидвухлетней женщины скоро настанет час отплаты, и решил не покидать своего поста, чтобы воспользоваться благоприятным моментом. Его суждения были веселы, а утешения деликатны. Он перечислял неудавшиеся супружества, не расторгнутые в глазах света, перед которым домашний разрыв прикрывался на-

ружным согласием между супругами. Интересы у них оставались общими, а чувства становились независимыми; каждый пользовался свободой и щадил другого.

При таких условиях создавалась довольно сносная жизнь. Поутру муж с женой сходились за завтраком: «Здравствуй-те!» Вечером за обедом: «Добрый вечер!» Пожатие руки, улыбка, банальный вопрос о здоровье, вот и все. А сердечные привязанности врозь: у супруга любовница, у супруги друг. И каждый из них относится снисходительно к выбору другого, с тактом и уступчивостью. Не лучше ли это, чем браниться, устраивать домашний ад, беспокоить поверенных, адвокатов, чего доброго, полицейских комиссаров, прибегая к бурным сценам или скандальным протоколам? Жизнь принимала опять мирное течение, благодаря взаимной терпимости; а неудавшееся счастье вознаграждалось повоей любовью.

Мало-помалу испорченная примерами, которые были у нее перед глазами, убежденная красноречием Томье, Жаклина покатила по наклонной плоскости податливого и уступчивого порока. Муж почти содействовал этому падению, видя в ее связи с приятелем гарантию собственной безопасности. И она полюбила Томье, но полюбила искренне, сильно, с твердым намерением принадлежать ему одному и не допускать, чтобы другая женщина отняла у нее любовника, как отняли у нее мужа. Она примирилась с присутствием у себя госпожи де Ретиф и терпела ее, как терпела предшественниц Валентины. Мало того, эта блондинка с прекрас-

ными глазами и роскошным телом внушала Жаклине восхищение. Госпожа Леглиз находила только, что Этьен слишком много тратит на эту женщину, и боялась, чтобы та не завлекла его чересчур далеко.

Госпожа де Ретиф со своей стороны выказывала величайшую предупредительность к Жаклине, ухаживала за ней, как за подругой, и никогда не позволила бы сказать о жене Этьена что-нибудь дурное в своем присутствии. Одно время Томье вскружил ей голову, но это скоро прошло. Теперь их обращение отличалось милой короткостью, которая еще более усиливала приятность супружества вчетвером. Этот союз, такой симпатичный и безукоризненный, возбуждал всеобщий восторг. Веселую распущенность молодых людей, их безмятежный разврат чуть не возводили в образец светской мудрости. Но их доброе согласие существовало теперь только наружно, и такой опытный глаз, как у Томье, начинал различать трещины в этом храме счастья. Аппетиты госпожи де Ретиф не знали границ. Делая вид, что она не тратит ничего, роскошная блондинка прямо пожирала деньги. Опытный в денежных делах, Маршруа имел неосторожность заметить в присутствии Томье: «Ежегодное содержание дома обходится моей сестре в двести тысяч франков». Эти слова ужаснули Жана, который также знал толк в деньгах. Он испугался за Жаклину, так как Этьен при его образе жизни, вероятно, тратил не меньше и на свой дом. Кроме того, связь с госпожой де Ретиф принуждала его к лишним расходам, следо-

вательно, ему приходилось тратить вдвое. Беспечный и легкомысленный Леглиз шел таким образом к верному разорению, которое должно было неминуемо отразиться и на его жене.

Томье не мог отнестись к этому равнодушно и осторожно предупредил Жаклину. Однако молодая женщина приняла неутешительные вести довольно хладнокровно. Конечно, они огорчили ее, но что же делать? Могла ли она упрекнуть Этьена? Он непременно сказал бы ей: «Разве я отказывался когда-нибудь исполнять ваши желания? Разве у вас нет денег на покупку нарядов? Разве вы лишены роскоши и комфорта? Нет. Ну, в таком случае не спешите пугаться. Предоставьте мне вести денежные счета и не пророчьте беды, которую я считаю невероятной».

Тем не менее, госпожа Леглиз стала смотреть в оба и в особенности наблюдать за Томье. Ей показалось, что его предостережения совпали с некоторым охлаждением. Поэтому ухаживание Жана за мадемуазель Превенкьер было тотчас подмечено Жаклиной.

В тот вечер в кабинете ресторана с окном, выходящим на Елисейские поля, освещенные разноцветными фонариками кафе-концертов, супруги Леглиз обедали со своей компанией. Здесь непрерывный праздник этих кутил распускался в красоте и изяществе женщин и в несколько вялом веселье мужчин. То было расслабляющее и сознательное напряжение удовольствия, которое обратилось в такую же необходи-

мость, как укол морфиномана, как привычный яд для алко-голика. Они веселились, смеялись, старались забыться, что-бы находить жизнь прекрасной, а свою участь завидной, что-бы не поддаться гложущей тоске, витавшей над ними. Еще одно усилие, и улыбка превратилась бы в гримасу, радость – в мучительную судорогу, а пресыщение подошло бы к гор-лу, вызывая чувство жестокой тошноты. Но до времени они веселились.

Комната сияла огнями, отражавшимися в обнаженных женских плечах, Из концертного зала доносились звуки мед-ных инструментов и удары турецкого барабана, аккомпани-ровавшие голосам певиц. Превенкьер первый раз присоеди-нился к знаменитой «ватаге». Он был новым гостем и самым важным. Банкир угощал своих новых знакомых и, судя по цветочному убранству столов, как и по изысканному меню, обнаруживал царскую щедрость.

Он сидел между Жаклиной и госпожою де Рово, а про-тив него поместились госпожа де Ретиф и госпожа Варгас. Этьен любезничал с госпожою Тонелэ, тогда как полковник и Томье разговаривали между собою вполголоса, по-види-мому, не слушая остроумия коварного Машруа, который избрал своей мишенью фотографа-любителя. Что же касается Вар-гаса, то он, по привычке, обедал врозь со своей женой. Они решительно не ладили ни в чем, но тщательно соблюдали об-щие интересы. Супруги мирились с браком, не уважая ни единого из его обязательств, и терпели супружеский союз,

лишь бы от них не требовали совместной жизни.

Варгас отлично знал, что его супруга благоволит к Равиньяну. Однако он щадил советника, потому что в финансовых делах нельзя отрекаться от столкновения с правосудием, а в такой передрыге короткость с членом суда дело нелишнее. Заручившись подобной протекцией, можно не бояться исправительной полиции. Что касается до молодого Бернштейна, то он расцветал под взглядом госпожи де Рово, которая сидела, как-то подозрительно скривившись; очевидно, ее ножка под столом подавала сигналы любовнику.

Госпожа де Ретиф была молчалива, но ее глаза говорили, и с самого начала обеда она кидала на Превенкьера многочисленные взгляды. Однако он, по-видимому, нисколько не был ими взволнован. Его речь лилась плавно, отличалась необыкновенной ясностью. Этот человек усвоил английские привычки, и четыре года, проведенные им в Африке, как будто совершенно преобразили его нравственный облик, не исключая даже и темперамента. Люди, близко знавшие Превенкьера до отъезда, как Кретъен и Тузар, не узнавали его, точно бывшего приятеля им подменили.

– Удивительно, – говорил полковник, – чтоб человек мог так всецело примениться к новой среде, как сделал это наш друг. В былое время я знавал добродушного Превенкьера, который жил весело и не утратил еще всех жизненных иллюзий. Теперь же я нахожу перед собой Превенкьера практика, утилитариста, пресыщенного любовью и прямо-таки резко-

го, как шеффильдский нож. Неужели он тот же самый?

– Да, полковник, тот же самый, но с прибавкой четырех лет разочарования, борьбы и размышлений в виде своего актива. Превенкьер, которого вы знавали, был наивный субъект, веривший в добро, великодушие и добродетель, а теперешний не верит ни во что, кроме своей пользы, вот и все.

– О, о! – закричали вокруг стола.

Африканец обвел сидевших своими холодными глазами, как будто заглядывая в совесть и изменчивая честность пирующих с ним людей. Потом он принялся хохотать.

– Я спрашиваю себя, почему вы протестуете, господа? Ведь вы думаете совершенно, как я, но только не сознаетесь в этом ради приличия. Все вы, собравшиеся тут, – свободные умы, твердо решились брать от жизни только одно хорошее и отбрасывать все, что она доставляет дурного. И так вы намерены поступать до тех пор, пока для вас это будет возможно, то есть до тех пор, пока вы останетесь молодыми, красивыми, богатыми. Не могу сказать вам, чтобы вы были неправы. Ведь что такое наша жизнь, как не придуманная нами иллюзия счастья? Однако, взглядевшись поближе, человек теряет и эту иллюзию, а суетится лишь ради того, чтобы избежать скуки, этой язвы пустых душ и бича незанятых умов. Нашу суету принято называть удовольствием. Пока вам удастся убедить самих себя, что это удовольствие лучше спокойствия и размышления, все пойдет прекрасно, и вы будете последовательны относительно самих себя. Кроме

того, поневоле надо думать, что вы правы, потому что каждый завидует вам и при виде вас заурядные мужчины и масса женщин восклицают: «Вот счастливцы!» Все на этом свете относительно, и, если вас считают счастливыми, значит, вы счастливы.

– Если б я был уверен, что господин Превенкьер не смеется над нами, – возразил Томье, – его рассуждение удовлетворило бы меня в достаточной степени. Если не требовать невозможного, то нашу участь действительно нельзя назвать плохой. Мы не скучаем, а это представляет громадную важность. С другой стороны, несомненно, что с гуманитарной точки зрения нам недостает немного полезности, но доказано ли, что мы существуем на этой земле для чего-нибудь иного, кроме того, чтоб быть полезным самим себе?

– Вот маленькая, далеко не банальная, теория эгоизма! – заявил, смеясь, советник Равиньян.

– Как, – подхватил молодой Бернштейн, причем румяные щеки этого хорошенького семита надулись с досады, – по вашим словам, мы не годны ни к чему в человеческом обществе? Но кто же его поддерживает и дает средства к жизни, расточая деньги, как не мы? Неужели бросать по сто, по двести тысяч франков ежегодно в кассу торговцев предметами роскоши значит быть бесполезным. А каждая вот из этих дам, надевая нарядное платье, украшая себя драгоценностями, разве не даст куска хлеба всем работникам, которые доставляют шелк, кружева и золотые украшения? Ведь

это чистая выдумка воображать, будто бы люди, живущие лишь для того, чтобы тратить деньги, как мы, полезны только самим себе. Упраздните-ка их, тогда вы увидите, во что обратится общество! В действительности-то они только и полезны, и вот, когда, например, я отваливаю четыре тысячи франков каретнику за новое купе или шесть тысяч торговцу лошадьми за роскошную упряжку, то, по-моему, оказываю услугу обществу нисколько не меньше, чем если б я судил людей, как делает Равиньян, строил мосты, по примеру Крестьяна, или ковал золото, подобно Леглизу. Это я даю жить обществу, понимаете ли вы? Я, Бернштейн, которого называют грязным жидом. И если б мы не кидали так много денег в обращение, я и мне подобные, все остановилось бы, и тогда прощай изящная промышленность, симпатичные цехи и веселая коммерция.

– Bravo, bravo! Он говорит правду, я должна его поцеловать! – закричала госпожа Варгас. Среди восклицаний и хохота она тут же расцеловала в обе щеки юного Бернштейна.

– Превосходно, Берн, ай да триумф! – подхватил Томье. – И ты можешь сказать, что это досталось тебе за твои деньги.

Между тем госпожа де Ретиф не теряла времени. Уже целый час ее позы, взгляды, улыбки предназначались одному Превенкьеру. Когда он говорил, она точно упивалась его словами, а когда умолкал, переставала интересоваться разговором, как будто всего сказанного остальными не стоило и слушать. В этот вечер Валентина была чудно хороша. Корсаж с

низким четырехугольным вырезом обрамлял ее белую упругую грудь. Изящная белокурая голова поддерживалась полной шейкой, посадка которой обличала силу. Зеленовато-голубые глаза красавицы задорно блестели под темною дугою бровей. И она ела грациозно и ловко, щеголяя руками императрицы, которые были унизаны драгоценными кольцами.

Ее любезность не пропала даром, и Превенкьер наслаждался ею вполне, но со свойственной ему сдержанностью, доказывавшей совершенное самообладание. Он едва бросал в ее сторону мимолетный взгляд, который как будто скользил по лицу и фигуре этой обольстительной женщины. Леглиз, давно привыкший к кокетству своей любовницы, для которой оно было одним из средств господствовать над мужчинами, не мог ни в чем упрекнуть Превенкьера. Если госпожа де Ретиф старалась ему нравиться, что бывало с каждым новым гостем, примкнувшим к «ватаге», то банкир, по видимому, не думал извлекать ни малейшей пользы из этих заигрываний. Между тем взгляд Превенкьера дважды встретился со взглядом госпожи де Ретиф и, скользя по ее розовому лицу, смеющимся глазам, пунцовым губкам и белоснежному бюсту, красноречиво говорил: «Я нахожу вас прекрасной и желаю вами обладать».

Обед подходил к концу. Госпожа Тонелэ, которая исправно кушала и так же исправно пила в доказательство своего превосходного пищеварения, вынула из серебряного портсигара, положенного Бернштейном на стол, тонкую папироску

и закурила ее.

– Как скверно воспитана эта Клеманс! – воскликнула госпожа де Рово. – Не могу равнодушно смотреть, как она курит в присутствии ресторанных лакеев. За кого они ее принимают?

– За порядочную женщину! – воскликнула госпожа Тонелэ. – Теперь только одни порядочные женщины ведут себя непристойно в публике. Кокотки, напротив, выдаются приличием в общественных местах, что заставляет обманываться относительно их профессии.

– Черт возьми! Чтобы не бросаться в глаза, – сказал Тонелэ, – мы скоро будем принуждены показываться в люди с особами легкого поведения.

– Тогда мы совершенно преобразимся, – с невозмутимой серьезностью прибавил Рово.

Всем стало неловко. Действительно, эти мужья, при всем их несчастьи, казались немного циничными. Обыкновенно они старательнее соблюдали приличия. Молодой Бернштейн, приняв необыкновенно чопорный вид, сказал, покосившись на Рово:

– А до тех пор вам не мешало бы помнить, в каком обществе вы находитесь.

Де Рово, вероятно, был не в духе, потому что отвечал довольно резким тоном:

– Если вы, милейший, говорите про себя, то я нахожу, что вы слишком заноситесь!

Бернштейн, покраснев, как рак, собирался отвечать, но взгляд госпожи де Рово принудил его к молчанию.

Для этой дамы было важнее всего заставить любовника уважать мужа. Между тем в том-то и заключалась трудность ее положения. Рово и Бернштейн никак не могли между собою поладить и были готовы сцепиться из-за всяких пустяков. Только за карточным столом между ними водворялась гармония, так как Бернштейн позволял систематически обыгрывать себя Рово, что обходилось ему средним числом в сто луидоров ежемесячно. То были карманные деньги корректного супруга. Но вне игры их никак не удавалось усмирить, и они не пропускали ни малейшего повода доказать себе и другим, как далеко заходит их взаимная антипатия.

Для остальных членов «ватаги» это служило неистощимым источником потехи. Томье нравилось натравлять Рово на Бернштейна, что вызывало неопишуемые конфликты между этими двумя субъектами, влачившими одну и ту же цепь. Но в тот вечер в кружке присутствовал чужой человек, и госпожа де Рово не давала Бернштейну разойтись. Он глухо ворчал про себя, однако воздерживался от громких возражений. Леглиз поднялся с места, а Превенкьер отвел в сторону метрдотеля, чтобы расплатиться по счету. Сгруппировавшись у окна, дамы смотрели на купы деревьев, выступавших темными силуэтами на ярком фоне газовых гирлянд в Елисейских полях. Вдали, заглушая медные трубы оркестра, раздавалась в ночной тишине фанфара охотничьего рога; потом опять

брали верх звуки голоса какого-то куплетиста попеременно с ударами турецкого барабана и цимбал.

– Сударыни, все готово, – сказал Томье.

Молодые женщины надели шляпы, накидки и спустились по лестнице ресторана в аллею Габриэль. Здесь дожидались их экипажи. Компания прошла немного пешком по свежему воздуху. Потом Леглиз вытащил свои карманные часы.

– Всего десять часов. Куда мы теперь?..

– В «Олимпии» великолепная борьба атлетов, – заметил Бернштейн.

– О, мужчины, с которых льет градом пот! – воскликнул Тонелэ. – Это неаппетитно. Не лучше ли катнуть в Матюрен?

– Что вам угодно, только бы не скучать.

– Поедемте в Фоли-Бержер. У Лоррена сногшибательный балет! Там также есть атлеты...

– Идет!

Госпожа Леглиз с мужем сели в свое купе; госпожа де Ретиф сказала Превенкьеру:

– Не угодно ли вам поехать с моим братом и со мною? У нас есть свободное местечко в экипаже.

– О, с большим удовольствием! Если полковник и еще кто-нибудь из кавалеров пожелают воспользоваться моей каретой, она к их услугам.

– Превосходно. Мы все съедемся там.

Они тронулись. Превенкьер испытывал восхитительное наслаждение, усевшись рядом с прелестной молодой женщи-

ной, когда они мчались в ночной прохладе, особенно приятной после несколько душной атмосферы ресторана. Однако он молчал, по обыкновению, ничем не выдавая своих чувств. Маршруа, никогда не терявший из виду деловых интересов, сказал минуту спустя:

– Я сообщил Леглизу о вашем согласии. Завтра он явится с вами потолковать. Должен предупредить вас заранее, что, желая выставить свое предприятие в более выгодном свете, он будет ссылаться на воображаемые открытия заводского инженера, занимающегося химической утилизацией остатков, которым мы до сих пор не могли найти применения.

– А кто такой этот инженер? – спросил Превенкьер своим холодным голосом.

– Это один молодой человек, взятый на завод несколько месяцев тому назад... подобие утописта, по имени Проспер Компаньон.

– Вот как, – заметил Превенкьер. – И он воображает, что нашел средство утилизировать отбросы?

– Он сбил с толку Леглиза, и этот безумец уже начал мечтать о перевороте в эксплуатации крупной системы в Клондайке и Трансваале на приисках, как будто опыт, удавшийся в лаборатории, служит порукой успеха в пустынях или между скал!.. Так вы, смотрите, не поддавайтесь на эту удочку, оставаясь на почвековки золота. Здесь нечего опасаться ни ошибки, ни неудачи.

– Боюсь, что наш разговор неинтересен для вашей сест-

ры, – сказал Превенкьер, точно не желая распространяться об этом предмете.

– О, моя сестра женщина очень серьезная.

– Кроме того, все, касающееся фирмы Леглиза, не должно быть безразличным для госпожи де Ретиф.

Это замечание, сделанное с наивным видом, заставило улыбнуться Маршруа.

– Леглизы и мы составляем одно, – сказал он.

Его сестра ни разу не вмешалась в беседу мужчин, точно пренебрегая ролью соучастницы в махинациях своего брата. Она держала себя в стороне от этих интриг, бесстрастная и невозмутимая, уверенная заранее, что все выгоды сделки, на чью бы сторону они ни клонились, не уйдут из ее рук.

Экипажи остановились. Театральный подъезд был ярко освещен. Леглизы дожидались уже в вестибюле. Капельдинер [Капельдинер – *служащий театра, проверяющий у посетителей билеты, наблюдающий за порядком*] повел посетителей к ложе. Подвижная, любопытная толпа сновала по коридору. Нарядные и нарумяненные кокетки с ненавистью смотрели вслед молодым женщинам, как будто угадывая сравнение не в свою пользу и негласную конкуренцию. Из зрительного зала неслись гортанные крики клоуна-акробата под музыку оркестра и хохот публики. Приехавшие разместились в обширной темной ложе авансцены, еще не показываясь и рассматривая зал из-за поднятых экранов. В синеватом облаке табачного дыма, на темном фоне черных

фраков головы зрителей выступали сотнями светлых пятен, неподвижных и блестящих. Дирижируя своим грубым оркестром, маленький толстый капельмейстер кривлялся, точно манекен, размахивая руками и головой, а мрачные физиономии музыкантов представляли резкий контраст с бесшабашной веселостью исполняемых ими пьес. На сцене сначала появился урод с длинейшими руками и с ногами, мягкими, как щупальца спрута, с расплюснутыми ступнями невероятной длины. Он ломался, просовывая голову между ног, перебрасывал свои нижние конечности за плечи и свертывался в клубок, переплетая ноги руками, точно ком червей. Доведя до тошноты публику своими упражнениями, которые походили на выставку отталкивающих увечий, гимнаст уступил место велосипедисту в голубом трико, который катался на одном колесе, стоя на его ступицах и производя свои эволюции с непринужденной и очаровательной грацией. Затем выступили английские танцовщицы в корсажах с вырезом до пояса и в белокурых локонах; они без церемонии задирали ноги в черных чулках, подпевая что-то до крайности нелепое и пронзительно взвизгивая; их дикий танец исполнялся с правильностью и со стройностью механической игрушки; стремительно повернувшись, сильфиды [*Сильфиды – в кельтской мифологии, а также в средневековом фольклоре – духи воздуха*] убежали наконец за кулисы.

Тут на сцену выкатился колесом акробат, в сопровождении пяти сыновей. С легкостью птиц сыновья вскакивали на

плечи отцу, влезали ему на голову, кувыркались в воздухе и неслышно опускались на пол, гибкие и молчаливые, точно их ноги, обтянутые красным трико, были из каучука. Они носились с быстротой мячиков, прыгая, перевертываясь, сливаясь, разделяясь, и акробат, составлявший центр этой человеческой пирамиды, как будто жонглировал блестящими, как золото, клоунами или заставлял летать нарядных мотыльков. То была чудесная картина изящной силы и меткости. В публичке пробежал одобрителный ропот. Госпожа де Рово захлопала в ладоши, тогда как госпожа Тонелэ воскликнула:

– Вон там маленький блондин с гибкой, как сталь, спиной и лицом невинного мальчика, идущего первый раз к причастию. Кажется, так и поставила бы его на этажерку!

– Ну, недолго бы он там простоял, – буркнул себе под нос Бернштейн.

– Во всяком случае, нечего было бы опасаться, что он сломаётся, если упадет.

– Эти люди совсем не годятся для любви, – заметил Томье. – Малейшее уклонение от режима, малейшее нарушение целомудрия отняли бы у них уверенность в исполнении, которое представляет вопрос жизни и смерти для акробата.

– Действительно, нужна страшная испорченность, чтобы видеть в этих существах нечто иное, кроме утехы для глаз.

– Между тем они внушали невероятную страсть.

– Ах, если б вернуться к олимпийским играм!

– Это все равно, что увлечься посыльным с улицы!

– Сердце не рассуждает, – объявила с задумчивой миной госпожа Тонелэ.

– Вы называете это сердцем? – яростно воскликнул полковник.

Звон колокольчика прекратил любопытные комментарии. Госпожа Леглиз и госпожа де Ретиф нехотя подвернулись к сцене, и Превенкьер не вытерпел, чтобы не шепнуть на ухо красивой блондинке:

– Вам невесело?

– Да, не особенно, – тихо отвечала она.

– Зачем же вы не уедете?

– Привычка. Каждый вечер отправляешься в театр или в концерт, где на один раз веселья десять раз умираешь от скуки. Но, если не делать этого, что же остается? Это как заведенная машина. Когда принадлежишь к обществу друзей и вместе выезжаешь, надо уметь зачастую жертвовать своими личными вкусами общим прихотям. Эти господа очень любят зрелища, не требующие напряженного внимания; в таких театриках они могут курить и удаляться оттуда без сожаления в середине спектакля, потому что конец, вероятно, будет здесь так же глуп, как и начало.

– Ну, а вам, сударыня, что было бы по душе?

– Сидеть у себя дома в обществе одного или двух симпатичных друзей.

Банкир не отвечал. Валентина бросила ему через пле-

чо выразительный взгляд, после чего заговорила, переменяв тон:

– Это очень хорошенький и поэтический балет, совсем не похожий на обычные пошлости и нелепое шутовство здешней сцены.

Молодая женщина расхваливала исполнителей, а Превенкьер не уставал ее слушать. О, разумеется, идеи этой очаровательной женщины не могли найти отклика в ее кружке. Уж, конечно, она никогда не вела подобных разговоров с Леглизом, Бернштейном, Варгасом и бравым полковником Тузаром. Только один Томье мог поддерживать их с честью; но стоит ли заниматься Томье? Поэтому прекрасный ротик вознаграждал себя за обычное молчание, а зеленые глаза в полумраке ложи сияли, как звезды, для единственного собеседника, достойного восхищаться их блеском.

Превенкьер, несмотря на свою проницательность, чувствовал себя внутренне польщенным исключительным вниманием красавицы. Ведь до отъезда в Африку и он был веселым жуиром. Овдовев в молодые годы, банкир имел любовниц, но довольно вульгарных; большинство их подвизалось на театральных подмостках. Вращаясь в деловом мире между биржевиками, которым легко приобретаемые деньги позволяют не стесняться тратами, он знал только продажную любовь и не искал иной. Слишком поглощенный задачей упрочить свое положение, чтобы любезничать в гостиницах, он в то же время еще не вполне приобрел финансовую

известность, чтобы привлечь взоры какой-нибудь крупной авантюристки. Заниматься любовью ему было недосуг, и он довольствовался любовными похождениями.

Но из Африки Превенкьер вернулся в ином положении. Он был очень богат, сильно выдвинулся и успел обновить свое сердце. Этот смелый завоеватель золота, знавший все финансовые хитрости, все уловки спекуляции, настоящий коршун, дрессированный для охоты на безобидных голубей, в сфере чувства сам был голубем. Госпоже де Ретиф достаточно было взглянуть на него, чтобы составить о нем верное мнение, а заведя с ним, по-видимому, поверхностный разговор, она совершенно разгадала эту натуру. Молодая женщина действовала теперь наверняка. А Превенкьер хоть и скрывал свое волнение, но не мог отделаться от обаяния опасной красавицы; аромат ее тела бросался ему в голову, и он трепетал, как школьник, от прикосновения платья Валентины, под ласкою ее взгляда. Балет кончился под громкие финальные аккорды оркестра. Пока публика аплодировала артистам, маленькая компания пришла в движение.

– Разве мы остаемся? – с усталым видом спросила госпожа Леглиз.

– Какая убийственная скука! – подхватил полковник Турзар.

– Да, все эти танцы довольно снотворны, – согласился Бернштейн.

– И если б не ножки танцовщицы в мужском костюме...

– Оставалось бы только уехать.

– А не уехать ли, в самом деле?

– Едем!

– Куда?

– Ужинать.

Все встали. Таково было нормальное течение их жизни: праздник в саду днем, обед в ресторане, вечер в театре и как можно позднее ужин. Этим людей постоянно преследовала боязнь одиночества, если они слишком рано вернутся домой.

Однако, госпожа де Ретиф сказала:

– Ужинайте, если вам угодно. Оставляю вам своего брата, а сама ухожу: я падаю от усталости.

Это вызвало общие возражения. Устали! С чего же тут устать? Удивительное дело! Какой странный каприз!

– Конечно!

– Однако я тебя провожу, – засуетился Маршруа.

– Я доеду домой и одна.

– Боже мой, – вмешался тогда Превенкьер, – я очень соблазняюсь последовать вашему примеру, сударыня, и сочту величайшим для себя удовольствием проводить вас. Нам по пути... Так если вам только угодно?..

– С удовольствием.

Сбитый с толку Леглиз смотрел, как Превенкьер подал плащ госпоже де Ретиф, распрощался со всеми и вышел из ложи с его любовницей, прежде чем он успел выразить свое

удивление единым словом. Пока Маршруа расплачивался с капельдинершей, Бернштейн заметил:

– Право, этот Превенкьер, должно быть, только и думает, как бы ему юркнуть в постель. Прозовемте его «старым соней».

Пипок полковника ему в ногу охладил его шутливость.

– Что такое? – спросил он.

– Помогите дамам выйти, – отрывисто произнес лихой драгун.

Госпожа де Ретиф с Превенкьером пробиралась тем временем в толпе зрителей, запрудивших коридоры. Они совсем не беспокоились об оставленной ими «ватаге», Эта чета как будто порвала всякую связь с кутилами, до такой степени быстро они расстались. Когда Валентина проходила мимо, встречные мужчины оглядывались на нее с восхищением. При свете электрических ламп ее волосы, яркий цвет лица и глаза точно горели. А за ней по пятам следовал, словно корсар, догоняющий прекрасную добычу, Превенкьер, наслаждаясь эффектом, который производила его дама, как будто он уже был ее счастливым обладателем.

У подъезда ему удалось скоро найти свой экипаж и он спросил:

– Улица Бассано, не так ли?

– Да, номер десять.

Банкир повторил адрес кучеру, занял место возле Валентины и захлопнул дверцу. Он молчал, пока они ехали до

бульвара; ему хотелось сказать многое, но он не смел заговорить. Однако присутствие этой блондинки с золотистыми волосами, ее близость, нежное и ласкающее прикосновение ее плаща, смелая и сладострастная прелесть профиля, то темного, то освещенного, – все это волновало воображение Превенкьера и туманило его чувства. Он испытывал безумное желание схватить это соблазнительное существо в свои объятия, прижать к груди, упиться ароматом этой женщины, целовать ее волосы и крикнуть ей, что он ее обожает.

Как будто угадывая с женской проницательностью мысли этого наивного и вместе с тем хитрого человека, трепетавшего возле нее, Валентина кокетливо наклонялась и двигалась в своем углу, чтобы задевать шуршащей шелковой юбкой ноги своего кавалера. Наконец, сжалившись над его томлением, она заговорила с очаровательной приветливостью. И в одну минуту он почувствовал восхитительное облегчение, проникся бесконечной благодарностью к этой умной и милой особе, которая пришла ему на помощь в то время, когда он не знал, что делать, и бесился на свою неловкость.

Госпожа де Ретиф стала расспрашивать о дочери Превенкьера с самой подкупающей деликатностью. Отвечая ей, он совсем оправился и завел издали речь о самом себе. Надо думать, что его дочь не в далеком будущем выйдет замуж, после чего он останется одиноким в своем прекрасном отеле с бесполезной для него роскошью, потому что его привычки просты и он не знает никаких прихотей. Деньгами

он пользовался всегда только для спекуляций, дорожил ими, как коммерческой ценностью. Как средство достичь благосостояния, утонченных наслаждений, приобрести сокровища искусства, деньги для него были безразличны. Он мечтал иногда иметь умную, красивую жену, чтобы отдавать ей избыток своего богатства, которое послужило бы естественным и необходимым дополнением ее грации и очарования. Но он сам, какую пользу мог он извлечь из всего этого?

Она слушала его с благоговейным видом, не прерывая ни единым словом, делая вид, что не понимает намеков своего спутника, Между тем в глубине души эта женщина смеялась над своей чересчур быстрой победой. Выждав, пока Превенкьер кончит, она отвечала на его речь:

– Ваша дочь и ее будущая семья сделаются для вас центром привязанности. Одиночество не существует для тех, у кого есть дети. Но что сказать мне, одинокой женщине? Правда, у меня есть брат, но он не всегда свободен. У него свои занятия, свои удовольствия. Одинокая молодая вдова действительно жалка, а предстоящие годы ничего не могут принести ей, кроме разочарований и печали...

– Если она не рассчитывает на верную и надежную любовь, – с жаром подхватил банкир.

Валентина уклонилась от прямого ответа, чтобы не дать Превенкьеру увлечься до признания в любви, которое она считала преждевременным. Можно ли верить обещаниям? Она видела всю их тщету и жизнь дала ей много доказа-

тельств неумолимого эгоизма; мужчин, В эту минуту госпожа де Ретиф не была торжествующей и великолепной Валентиной, по несчастной жертвой мужской жестокости. Ее нечего бояться, но ей самой следует быть настороже. Перед банкиром была нежная мечтательница, любившая простую жизнь, Еще немного, и она стала бы вздыхать о сельской тишине. Во время всего переезда от Елисейских полей красавица лепетала эти сентиментальные речи. Остановка экипажа на улице Бассано прервала развитие ее психологических идей, к великой досаде Превенкьера, который упивался словами ловкой притворщицы. У него вырвался вздох сожаления, когда она сказала ему:

– Вот я и доехала. Вы, право, были очень любезны, и я провела с вами несколько приятных минут, которые вознаградили меня за целый вечер убийственной скуки. Не заглянете ли вы ко мне? Ваша беседа доставила бы мне величайшее удовольствие.

Она как будто хотела сказать ему: «Я живу, окруженная идиотами, общество которых иссушает мой мозг. Сжальтесь надо мною, приходите освежить меня и возродить мой ум». Лицо молодой женщины в то же время усиливало смысл ее слов, а глаза с зеленоватым огоньком, чудный ротик, золотистые кудри придавали авансам госпожи де Ретиф, при всем их платоническом характере, соблазнительность, которой Превенкьер не думал противиться.

– Ничто не может доставить мне большего восхищения, –

отвечал он ей на приглашение.

Но, как будто желая охладить пыл своего кавалера, Валентина тотчас прибавила:

– Привезите мне вашу дочь. Я хочу познакомиться с ней ближе и уверена, что она также чрезвычайно понравится мне.

Она вышла с помощью Превенкьера из экипажа, причем банкир сжал полную упругую руку. Он довел молодую женщину до лестницы и, когда его отпустили здесь с изъявлениями благодарности и улыбкой, сел в свое купе, еще наполненное благоуханием Валентины, и, сильно взволнованный, приехал к себе домой.

Глава 5

С тех пор как Роза Превенкьер вернулась в Париж и поселилась в прекрасном отеле на улице Буа, ее жизнь потекла по-прежнему и вошла в обычную колею. Если бы молодая девушка захотела, ей было бы нетрудно уверить себя, что четырехлетний период, когда ее отец наживал в Африке золото, а сама она шила шляпы в Блуа, существовал только в ее воображении. Между тем все это было на самом деле. В своих теперешних знакомых Роза узнавала своих прежних друзей, которые так быстро покинули ее, когда она лишилась средств к жизни.

Ах, как быстро совершилась эта перемена фронта! Не дальше как вчера они обменивались визитами, обедали друг у друга, пожимали руки при встрече и целовались, дочь банкира называли «моя милая Роза». И вдруг, в одну минуту, точно стая спугнутых птиц, добрые друзья рассеялись даже без дружеских объятий, без улыбки, без прощального привета разоренной молодой девушке, отец которой покидал родину, предварительно раздав кредиторам все, что имел. Но зато, сколько сплетен и пересудов!

– О, эта бедная маленькая Превенкьер! Знаете, та, которая так мила, так любит посмеяться, восхищается музыкой и у которой была еще такая славная ложа в опере, где мы бывали каждую неделю? Ведь отец ее разорился на золотых при-

исках, и разорился дотла! Вчера я видела, как она садилась в омнибус. На ней был непромокаемый плащ, а в руках дождевой зонтик. Разумеется, я сделала вид, будто бы не узнала ее, чтобы не сконфузить бедняжки. Всегда так щекотливо встречать старых знакомых в несчастном положении! Если обойдешься с ними церемонно, прослывешь бессердечной, а если дружески, то рискуешь, что они попросят у тебя займы. Лучше уклониться совсем. Это удобнее. Бедная девушка! Что-то с ней будет?.. А?.. Пойдет в гувернантки, если способна обречь себя на домоседство, или в кокотки, если не сумеет отказаться от светских развлечений. Вот как-ово иметь детей, выросших в шелку. Это ужасно! Но, к сожалению, мы не можем ничем помочь. Постараемся же не встречаться больше с этой несчастной да поищем новую ложу оперы, новый дом, где можно вкусно пообедать и поплясать. Ведь жизнь человеческая не особенно долга.

А теперь вторичная перемена декораций:

– Ах, дорогая моя! Как вы поживаете? Как мы счастливы, что видим вас! Вы совершили маленькое путешествие? Наконец-то вы возвратились.

Роза не могла утерпеть, чтобы не расхохотаться: четыре года в Блуа – хорошо маленькое путешествие! Но что значило время для этих праздношатающихся? Имело ли оно для них продолжительность и цену? Маленькое путешествие – это долгое отсутствие, когда молодая девушка была принуждена жить своими трудами, как быстро промелькнул этот

срок для них! Через неделю старые знакомые стали уже обедать у Превенкьеров и посещать их ложу в опере, уступленную им одним семейством по случаю траура. Дамы принялись надоедать Розе изъявлениями любви, в то время как их мужья шныряли вокруг папенькиной кассы.

Умудренная опытом, Роза видела их насквозь и часто вспоминала своих друзей в Блуа: старика Компаньона, Сесиль и Проспера.

Но хотя привязанность, которую питала к ним девушка, не остывала, в ее сердце зародилась, однако, новая симпатия к красивому брюнету, задумчивый взгляд которого так мало соответствовал его скептической речи и который носил имя Жана де Томье. Из всех мужчин, знакомых до настоящего времени Розе, он один сумел серьезно заинтересовать ее собою, За нею, как за всеми богатыми невестами, ухаживали когда-то молодые люди, торопившиеся обзавестись собственным домом с помощью женитьбы на симпатичной особе с внушительным приданым, Однако ни один не сумел ей понравиться. Она с отвращением убеждалась, что все их искательства основаны на денежных расчетах, и это оттолкнуло ее от замужества, представлявшегося в виде сделки.

Но Томье действовал совершенно иначе. Во-первых, он не сказал ни слова, в котором было бы можно заподозрить намек на сватовство. Он был любезен, как будто прямо из удовольствия нравиться. При том же, обладая юмористической жилкой, придававшей его обращению пикантную раз-

вязность, этот молодой человек не походил ни на одного из своих приятелей. Рядом с Бернштейном, Буасси и Рово он казался знатным аристократом, попавшим на час в неподходящее общество, а его насмешливый тон достаточно обнаруживал меру презрения, которое он питал к своим собутыльникам. На губах у него играла снисходительная улыбка, когда они говорили. Очевидно, Томье находил их глупыми и пошлыми, но терпел недостатки своих товарищей.

Между тем, разговаривая с Розой, он с самого начала стал придавать своим речам весьма заметный оттенок почтительности, точно желая дать понять молодой девушке, что ему известны пережитые ею испытания, которые заставляют его уважать ее еще больше. И девушка оценила эту тонкую деликатность, так резко отличавшуюся от неуклюжей и грубой откровенности окружавших ее людей. Мало того, Роза была тронута ею. Томье со своей стороны заметил, что нравится мадемуазель Превенкьер. Сначала он удивился, но потом, поразмыслив, нашел, что ему не следует пренебрегать ее симпатией. Богатство Превенкьера было несомненным фактом. В девственных странах, подобных Трансваалу, золото било ключом, как вода, да не одно золото, но также и бриллианты. Одаренный смелым чутьем и стойкой энергией, Превенкьер не терял напрасно времени, и ему повезло слепое счастье, как бывает с авантюристами высшей марки. Такое сказочное обогащение делало его дочь одной из самых завидных невест. Ходили слухи, что, предоставив отцу после

его краха все свое личное состояние на уплату его долгов, Роза считалась теперь настоящим компаньоном в отцовских делах и получала ровно половину его барышей.

Все эти данные заставили задуматься молодого человека. Дожив до тридцати лет без больших ресурсов, которых ему хватало лишь на то, чтобы прилично жить в обществе, красавец Жан, благодаря своему положению в доме Леглизов, не стоял на линии хорошего жениха. Его связь с Жаклиной считалась нерасторжимой. Это был один из тех любовников, которые, перевалив за сорок, при первой проглянувшейся седине незаметно превращаются в друзей и стареют в доме любовницы, жалуясь на свои недуги и заставляя утешать себя в своей немощи. Такие «почетные» любовники играют с мужем в карты, исполняют поручения жены, а за эти маленькие услуги им предоставляется прибор за столом и местечко у камина.

Томье часто философствовал над участью подобных развенчанных владык, имена которых слышал в детстве, точно имена великих завоевателей, и которых видел теперь, в несчастную пору упадка, нарумяненными, затянутыми в корсет, выпрямлявшими старые спины, с гримасой вместо бывших неотразимых улыбок на лице. Эти молодящиеся развалины служили предметом насмешек для молодежи и предметом жалости для сверстников, постаревших в достойном супружестве, жирных и довольных теми благами, которые могут доставить деньги. И вот теперь нежный друг Жакли-

ны взглянул на себя беспристрастно, вникнул в свое положение, подверг анализу свою личность, перебрал свои преимущества, высчитал шансы и сознался себе в том, что он будет еще «красавцем Томье» лет десять, но позже этого срока обратится в «бывшего молодого человека», годного на очень немного и без матримониальной [Матримониальный – *брачный, относящийся к браку*] ценности.

Благоразумие советовало ему не терять благоприятного случая, и Жан весьма хладнокровно решил, что ему необходимо жениться на Розе Превенкьер. А так как молодой кутила под оболочкой очаровательной беспечности скрывал сухую расчетливость, то и выработал план кампании со всею проницательностью несомненного стратега.

Прежде всего он нашел нужным не сближаться с Розой. Его сдержанность с нею приносила ему слишком много выгод, чтоб изменять однажды принятой тактике. Томье, напротив, счел за лучшее действовать на отца и с этой целью воспользоваться, между прочим, поддержкой госпожи де Ретиф, которая так скоро и явно променяла Леглиза на Превенкьера.

Сближению Жана Томье с Превенкьером много способствовало одно обстоятельство. Вернувшись в Париж и купив отель, банкир хлопотал о том, чтобы в короткое время обставить свое жилище с подобающей роскошью и вкусом. По этой части Томье был незаменим. Он знал все. В Париже не было ни одного торговца художественными предметами, ме-

бельными принадлежностями и самой мебелью, которого не знал бы этот изысканный любитель. Кроме того, он умел покупать. Он не сыпал деньгами по-пустому и не платил по сто тысяч франков за то, что стоило двадцать тысяч. Сами торговцы ценили в нем знатока и не пытались его обмануть. Он слыл за человека со вкусом и достаточно щедрого покупателя, но слишком хитрого, чтобы попасть в ловушку.

Томье водил Превенкьера и Розу по магазинам, где отец с дочерью приобретали, к своему удовольствию, прекрасные вещи по сходным ценам. При этом молодой человек весело торговался, помогая купцам сбыть товар и в то же время не давая обижать покупателя. Это невольно сблизило его с Превенкьерами, причем Томье с большим тактом выказывал свое расположение к отцу, не изменяя, однако, своей прежней сдержанности с Розой.

Тем не менее, он по-прежнему оставался постоянным гостем Леглизов. Верхом его дипломатии было навести Превенкьера на мысль, что для его дочери было не совсем прилично сблизиться на короткую ногу с кутящей ватагой. Этим одновременно Томье устранял встречи Жаклины с мадемуазель Превенкьер и давал возможность госпоже де Ретиф заниматься банкиром, не стесняясь присутствием Розы. Однажды он с самым невинным видом заметил красавице Валентине:

– Не знаю, имел ли в виду Превенкьер постоянно бывать с дочерью у Леглизов, но на всякий случай я ему открыл гла-

за на бесцеремонность Рово, Варгаса, Бернштейна и других, которые позволяют себе порой немножко забываться...

– Вы поступили очень хорошо. Эта молодая особа, хотя уже и давно совершеннолетняя, не подходит к компании Леглизов, которую я нахожу зачастую несколько рискованной даже для себя.

– Что вы понимаете под словом «давно совершеннолетняя»? – наивно любопытствовал Томье.

– Девический возраст за двадцать пять лет, не прогневайтесь за откровенность!

– Для меня тут нет ничего неприятного.

– А скорей приятное? Это я заметила.

– Не будем преувеличивать!

Они потихоньку рассмеялись, многозначительно поглядывая друг на друга.

– Мы всегда были добрыми друзьями, Томье...

– И даже несколько более, – вкрадчиво заметил он.

– Я не сожалела о том.

– А я сожалел иногда, потому что теперь этого нет.

– Не говорите глупостей. Потолкуем серьезно. Я желаю быть вам полезной.

– Как и я вам.

– Вы меня знаете, я не злая женщина. Я никогда никому не делала зла понапрасну и не способна никого обидеть даже словом, если меня не вызовут на это.

– Совершенная правда, и вас можно поздравить. Скоро

такие люди сделаются редкостью. Когда человек не зол, как черт, он рискует показаться глупцом. Но вам при вашем уме следует поставить в двойную заслугу, что вы добры. Для вас было бы так легко делать зло.

– Я хотела сказать, что, решаясь помочь вам в ваших планах, я могу причинить жестокое горе бедной Жаклине, и это меня огорчает. Как бы смягчить грозящий ей удар?

– Ах, уж не говорите! Я сам не могу подумать об этом равнодушно. Моя привязанность к этой дорогой подруге очень сильна, но она понемногу переходит в целомудренную нежность. Послезавтра, пожалуй, от нее останется одна неизменная симпатия. Но, говоря между нами, симпатия слишком холодное чувство, чтоб согреваться им в сорок лет. Не мешает иногда вспомнить о старости, чтобы остепениться. Боюсь, что Жаклина упускает это из виду. Она молода, очаровательна, у нее совсем не было семейных привязанностей, она бездетна, а Этьен через каких-нибудь полгода после свадьбы обратился для нее просто в добродушного, покладистого товарища. На ком же сосредоточить ей, бедняжке, свою любовь?

– А как вы думаете, она способна заменить вас другим?

– Подозреваю, что нет.

– Но в ее годы у нее еще многое впереди.

– Это я и сам себе повторяю для очистки совести. К сожалению, Жаклина сентиментальна, как немка, и помешана на постоянстве. Что тут делать? Как не стыдно мужьям не

запасть наследником в первое пылкое время супружества! Они не понимают, как может впоследствии пригодиться ребенок, чтобы занять женщину.

– Ведь вот и я также бездетна.

– О, вы другое дело! Для вас, напротив, это большое счастье; по крайней мере, вы ничем не связаны и тем свободнее располагаете собой. Представьте себе, если б у вас был маленький мужчина в коллеже [Коллеж – *среднее учебное заведение во Франции*] или маленькая девица в монастыре, какая обуза в вашем положении! Нет, вы поступили хитро, а вот Леглиз был скотиной.

– Уж каков есть!

– Вам ли его не знать!

– Не думайте, он свиреп, когда дело идет о его наслаждении.

– Значит, он свирепое животное? Ничего, вы его приручите.

– Конечно. Симпатичный Ретиф был не ему чета, да я и того прибрала к рукам. Он было сделался весьма приличным господином, но тут его постигла смерть. Есть люди, которым не везет.

– А ведь он, право, заслуживал того, чтобы жена водила его за нос.

– Вы страшно ошибаетесь, я никогда не обманывала мужа. Да это было бы, вдобавок, крайне опасно, он был способен меня убить, не моргнув глазом.

– И этот страх останавливал вас?

– Нет, в двадцать лет я была честна, я не знала жизни, да и не успела испортиться, овдовев через два года после свадьбы.

– С вашими-то глазами, зеленоватыми, как морская волна, с некрашенными белокурыми волосами и плечами, каких не отыщешь ни в Париже и нигде в другом месте! Какая были вы красавица!

– А разве я подурнела?

– Нисколько, но это уж не то. В настоящее время я нахожу вас более неотразимой, потому что с красотой вы соединяете искусство пользоваться ею.

– Томье, вы мне льстите. Значит, я вам нужна?

– Да, хотя бы для того, чтоб я мог рассказывать вам свои неприятности и получать от вас утешение.

После этих слов молодые люди заключили между собою дружеский союз.

Между тем Роза Превенкьер, не подозревая того, что она служит предметом ловких интриг, проводила самое мирное существование. Однажды у ней завтракали старик Компаньон и Сесиль, которые окончательно покидали Блуа и поселялись в Булони, в маленьком домике на берегу Сены. На следующий день Сесиль поступала к одной из известных модисток на улице Мира в качестве соучастницы торгового предприятия, в которое мадемуазель Превенкьер вкладывала сто тысяч франков на имя своей приятельницы. Отец мо-

лодой девушки мог на досуге разводить розы у себя в саду.

Проспер не давал о себе знать целых две недели. Он побывал у Превенкьера в первый же день приезда в Париж, приходил еще несколько раз и потом внезапно скрылся. Сестра напрасно звала его с собою к Розе, он холодно отказывался под разными предлогами. Его настроение также изменилось. Вначале молодой инженер был очень весел, а потом сделался мрачен. Сесиль приписывала эту мрачность неудаче его химических опытов. Между тем в доме Леглизов утверждали, что он нашел тот способ, который искал, и что его открытие невероятной простоты и обещало громадные результаты. Что же такое происходило в уме странного малого?

Сестра скоро проникла в его тайну и глубоко огорчилась. Все мечты, которые лелеял Проспер в Блуа, внезапно разбились. В былое время он говорил Сесили: «Я сделаюсь достойным Розы. Мои работы поставят меня, с ней на равную ногу, и тогда я буду иметь счастье видеть ее, обожать, а потом, кто знает, может быть, сама она со временем полюбит меня». Но ему было достаточно увидеть молодую девушку в новой обстановке, чтобы убедиться, какая бездна лежит между Проспером Компаньоном и мадемуазель Превенкьер.

Изысканная роскошь, художественный стиль отеля, светское общество, которое встречал там Проспер, роскошные туалеты Розы, известность, в короткое время приобретенная ее отцом, до такой степени увеличивали расстояние между богатой молодой девушкой и бедным служащим, что инже-

нер впал в отчаяние и решил удалиться. Он боялся, что в этой среде на него будут смотреть как на непрошеного гостя и поднимут на смех его врожденную неловкость. Он не подходил к этой компании ни по чувствам, ни по тону, ни по манерам, ни по платью. Как было далеко Просперу Компаньону в его сюртуке школьного учителя до жакетов безукоризненного покроя, которые носил Бернштейн.

Однажды он пришел к Превенкьерам вместе с Томье; изящная учтивость молодого человека с ловкими жестами и непринужденным обращением привела его одновременно в восторг и в отчаяние. Роза и Жан несколько минут обменивались, смеясь, ничего не значащими, но забавными фразами, причем Проспер должен был оставаться в стороне от их разговора, не понимая, о чем идет речь. Потом с утонченным тактом Томье, должно быть, заметил, что застенчивый гость обречен на молчание, и постарался завести разговор, доступный Просперу, который после того принял участие в общей беседе. С этого вечера он не появлялся более.

Своим внезапным и решительным удалением молодой Компаньон рассчитывал обмануть проницательность мадемуазель Превенкьер. Мысль о том, что любимая женщина догадается о его страсти, была ему невыносима. Он предпочел бы самую смерть ее насмешкам. А могла ли она не смеяться, видя его неповоротливым, застенчивым, не умеющим связать в обществе двух слов?

Но он плохо рассчитал: его безмолвная и скромная покор-

ность судьбе как раз открыла Розе глаза. Видя его у себя, принимая с тем же радушием, как в Блуа, она не подумала бы допытываться, что такое влечет его теперь сюда, что восхищает и удерживает этого ученого молодого человека среди легкомысленных светских людей. Но его удаление тотчас навело молодую девушку на мысль, что это неспроста, и она доискалась истины, которая удивила и растрогала ее.

С той минуты для Розы все стало ясно, и она вполне поняла поведение Проспера за последние четыре года. Его постоянная и безмолвная любовь тронула дочь банкира. Но окружающая атмосфера уже оказывала на нее свое влияние: Роза во многом переменилась. Инстинктивное презрение отдалило ее от Проспера. Она нашла, что брат Сесили поступает благоразумно и делает себе правильную оценку. Если он не показывается, то, значит, хочет заглушить свою любовь, понимая, что бедный инженер без имени не пара мадемуазель Превенкьер. Положим, Проспера нельзя было назвать некрасивым, но он принадлежал к слишком скромному кругу, тогда как Роза еще накануне обедала с цветом эlegantного Парижа. Ее благосклонности добивались даже принцы.

Маршрута не замедлил привезти Этьена к любезному кредитору, который обещал ссудить такой солидный куш расточительному фабриканту. Но если Превенкьер возвращался к детской наивности в делах сердца, то не изменял своей проницательности в финансовых вопросах. Леглиз встретил у него радушный прием, тем не менее с первых же слов хо-

зьяин встал на строго деловую почву. Поработав в Трансваале с напряжением всех сил, банкир лучше прежнего узнал цену деньгам и не мог легкомысленно расточать их. При такой осторожности заимодавца оказалось нужным пуститься в подробные объяснения, Леглизу это пришлось не по нутру. Разумеется, дела его фирмы процветали и ничто не заставляло его искать ресурсов у посторонних лиц. Но он ударился в спекуляции, которые не приносили ему ожидаемых выгод. Одним словом, ему нужны деньги... Сколько усилий, чтобы дойти до такого сознания! Тщеславный Этьен бледнел с досады. Превенькьер сделал вид, что не замечает этого.

– Я весьма сочувствую вам, – сказал он гостю, – и с удовольствием исполню ваше желание... Позвольте, однако, вам сказать, что вы были очень опрометчивы. У вас превосходный завод, который идет отлично, а вы позволяете сбивать себя с толку и принимаетесь искать барышей на стороне. Между тем барыши-то у вас дома, а не в другом месте, и всякая деятельность, которую вы отвлекаете от своего предприятия, всякие капиталы, вынимаемые вами из оборота, расшатывают ваше положение, ослабляют ваши ресурсы и уменьшают ваш кредит. Я говорю с вами, как друг. То, что вы делаете, меня не касается. Но, право, жаль наносить ущерб своим интересам, когда ничто не принуждает вас к тому. Сколько прибыли дала фабрика в прошлом году?

Леглиз и Маршруа переглянулись. Ни тот, ни другой из них не ответил на вопрос. Превенькьер удивился:

– Неужели вы скрываете от меня положение дел? Если вы не имеете доверия ко мне, как же я буду доверять вам?

– Это совершенно верно, – сказал Маршруа.

– У нас получилось шестьсот тридцать тысяч франков прибыли, – сказал наконец Этьен.

– А вам понадобилось еще шестьсот тысяч франков? – воскликнул Превенкьер. – Значит, у вас громадные убытки помимо вашего промышленного предприятия?

Леглиз слабо усмехнулся:

– Действительно, громадные.

– С которых пор?

– Вот уже четыре года.

– И вы не можете покрыть их прибылью с собственного завода?

– Я всегда тратил больше, чем выручал.

– Вот как! – процедил Превенкьер.

Он взглянул на Маршруа, который не моргнул глазом. Потом хозяин вынул папиросу из ониксовой [Оникс – *минерал, разновидность агата, с чередованием черных и белых слоев; полудрагоценный камень*] вазы, закурил ее, медленно прошелся от камина к окну, вернулся к своему письменному столу и произнес с озабоченным видом, глядя на Этьена:

– Во сколько цените вы свою фабрику?

– В шесть миллионов.

– Ну, так вот, если вы не измените настоящего порядка дел, то через пять лет будете принуждены ликвидировать

свои дела. Вас надо обуздать, любезнейший, для вашей собственной пользы, иначе вы пропали.

– Каким это образом меня обуздать? – спросил Леглиз, в глазах которого вспыхнул злой огонек.

– Очень просто: грозить вам опекой. Вы желаете получить шестьсот тысяч франков и получите их. Но так как с этой минуты для меня будет важно, чтоб ваши дела не пошатнулись, то я ставлю такое условие: если через год вы не уплатите мне половины долга, я выговариваю себе право, сделав новый взнос в шестьсот тысяч франков, стать компаньоном вашего предприятия и назначить директора фабрики по личному выбору.

– А кто же будет этим директором? – спросил Этьен, голос которого дрогнул.

– Да хоть вы сами, если окажетесь рассудительным, или кто-нибудь другой, если понадобится, чтобы не дать опуститься фирме. Во всяком случае, вы будете получать четыре пятых прибыли и, следовательно, не разоритесь.

Маршруа, к своему величайшему удовольствию, убеждался, что переговоры идут согласно его указаниям. Он подмечал колебания Этьена, который чуял, что рискует опуститься до звания простого компаньона фирмы, основанной его отцом и носившей его имя. Перспектива падения жестоко терзала Леглиза, в особенности больно было задето самолюбие фабриканта. Он мало думал о том, что произойдет через год, потому что привык жить спустя рукава, не заглядывая в бу-

дущее. «Только бы мне было хорошо, остальное все уладится». Такова была его всегдашняя логика. Он принадлежал к числу тех людей, которые воображают, что светопредставление наступит раньше срока платежей по их векселям, и поэтому находил излишним беспокоиться о них. При такой системе Этьен довел свое предприятие до настоящего положения, которое не казалось бы ему особенно критическим, если б не Превенкьер, потребовавший у него обстоятельного отчета.

Если б он мог по-прежнему убаюкивать себя утешительными доводами вроде следующих: «Нет такого затруднения, из которого нельзя выйти; люди помогут вам выкарабкаться для своей же пользы; никогда не следует отчаиваться, все поправимо», то Леглиз пренебрег бы угрожающей ему опасностью. С него было бы достаточно знать, что она не слишком громадна. В ту самую минуту, когда ему следовало пустить в ход – всю свою проницательность, чтобы действовать в свою пользу, он старался не думать о предстоящей беде и видел перед собой только одно: Превенкьер обязывается внести еще шестьсот тысяч франков.

Его не останавливала капитальная статья в обязательстве: право кредитора назначить директора помимо самого хозяина, Этьена Леглиза, на его собственной фабрике, хотя это условие и задевало его тщеславие. Не рассчитывая опасных последствий подобной сделки, Леглиз интересовался только деньгами. Шестьсот тысяч сейчас, шестьсот тысяч год спу-

стя. Эти деньги обещали ему наслаждение, роскошь, веселье, обеспеченные на два года. А там будь что будет! Куда кривая не вынесет! Только этому скоту Превенкьеру не мешало бы немного сдержаться и не огорошивать его предостережением, что, пожалуй, придется заместить хозяина кем-нибудь другим во главе предприятия.

Очнувшись от своей задумчивости, Леглиз произнес:

– Хорошо, я согласен.

Маршруа и Превенкьер переглянулись. Легкомыслие, беспечность Этьена поразили банкира. «Что, не прав ли я был? – как будто говорили глаза Маршруа. – Совсем беспутный малый. Выгнать его из собственной фабрики значит оказать ему услугу. Он погубил бы ее своей неспособностью и безумием».

– Вот банковый чек на шестьсот тысяч франков, – сказал Превенкьер. – Для порядка мы подпишем условие.

Этьен взял магический листок, суливший ему продолжение беспечальной жизни, и воскликнул с оживлением:

– Пришлите мне условие, я приложу свою руку. Ну, вот и кончено!

– Вот и кончено! – весело подхватил Маршруа.

У Леглиза гора спала с плеч. Он развеселился и спросил, не может ли засвидетельствовать свое почтение мадемуазель Превенкьер, после чего, пожав руку Маршруа, уходившему домой, прошел в гостиную, где к нему тотчас присоединилась Роза.

– Вы останетесь у нас завтракать с папа? – спросила она.

– Нет, сударыня, я спешу. Но мне не хотелось уйти, не по-видавшись с вами. Я на вас сердит... вы нас забыли... Моя жена ужасно сожалеет об этом, а наши знакомые в отчаянии...

– Я, право, боюсь вас стеснить. – Разве веселье пугает вас?

– Нет, но я все еще не могу расстаться с провинциальными привычками и ложусь рано. А ведь вы не спите по ночам.

– Правда, что все мы полуночники. Но ведь мы никого не стесняем. Никто не обязан сидеть до последнего поезда. Вот ваш батюшка недавно преспокойно покинул нас в театре и увез госпожу де Ретиф...

В этих словах Этьена не было ни малейшей иронии. Он был слишком уверен в Валентине, и ему не приходило в голову, чтобы Превенкьер мог иметь на нее виды. Тем не менее хозяина бросило в краску. Связь госпожи де Ретиф с Этьеном была известна всем и казалась прочнее всякого супружества, Поэтому банкир смотрел на Леглиза как на законного обладателя красавицы; вдобавок, Этьен отлично владел шпагой и пистолетом. Немудрено, что Превенкьера покорило при имени госпожи де Ретиф, и он поспешил сказать смущенным тоном:

– Да, я проводил ее, нам было по дороге.

– Признайтесь, что вы ее похитили, – смеясь, приставал Этьен; он заметил замешательство Превенкьера, но не понимал его причины.

– Это прямо очаровательная женщина и чрезвычайно добрая, – уклончиво прибавил хозяин.

– Совершенная правда! Я уверен, что при ближайшем знакомстве она понравится мадемуазель Розе. У ней столько вкуса и ума. Она всегда выручит вас полезным советом. Кроме того, на такую приятельницу можно положиться.

Похвалы Леглиза восхищали Превенкьера. Со вчерашнего дня он мечтал ввести госпожу де Ретиф в свой дом и не знал, как это устроить. Теперь же Этьен сам бессознательно помогал его планам. Несмотря на свое смущение, Превенкьер почувствовал жалость к бедному малому. Как он наивен и прост! Его надувают и в деньгах, и в любви! Такие люди как будто обречены на всякие неудачи.

– Я только что собирался предложить моей дочери поехать со мной к госпоже де Ретиф, – сказал банкир, – так будет гораздо приличнее.

– Вы доставите ей большое удовольствие. Она вас очень уважает и отзывалась о мадемуазель Превенкьер с величайшей симпатией.

В эту минуту Этьен мог добиться всего, что ему было угодно, от своего кредитора, и будь он подалее, то избежал бы многих бед. Превенкьер чувствовал себя молодым, счастливым, блестящим, и все окружающее представлялось ему в розовом свете. Этот бедный маленький Этьен внушал симпатию своему заимодавцу. Еще немного, и тот предостерег бы его против Маршруа, который предавал

несчастливого в его собственном доме. Но Этьен уже прощался, не подозревая поднятого им волнения.

Госпожа де Ретиф сумела незаметно сблизиться – с Розой. Для Превенкьера ничего не могло быть желаннее согласия, водворившегося между его дочерью и женщиной, к которой он был равнодушен. Показная порядочность госпожи де Ретиф, обходительность и ум делали ее отличной подругой для Розы. При своей тонкой проницательности Валентина поняла с первого раза, что ей нужно расположить к себе дочь, чтобы восторжествовать над отцом, и с этой целью она пустила в ход весь свой ум и все сердечные свойства. Эта молодая женщина, действительно, была добра и по справедливости хвалилась своей добротой. Услужливость и великодушие были ее неоспоримыми качествами. Когда она хотела понравиться, то становилась восхитительной. Будучи старше Розы, Валентина выказывала ей материнскую ласковость, скромно давала советы, выезжала с ней, отступая при этом на второй план и стараясь поставить девушку на первое место. Чтобы понравиться Розе, она развернула все свое кокетство, точно здесь дело шло о том, чтобы привязать к себе любимого человека, обладающего всеми редкими качествами, и ей удалось влезть в душу Розы с легкостью и быстротой, которые удивили ее саму. Но она делала вид, будто бы не замечает этого, и не думала злоупотреблять своим влиянием. Превенкьер очень скоро влюбился в Валентину до безумия, И неудивительно, эта сирена кружила головы несравненно

более опытным мужчинам. А тут была настоящая детская игра, которая потешала ее, не говоря уже о выгодах, связанных с ее успехом. Отец Розы стал бывать на улице Бассано каждый день около пяти часов. Часто он заставал там свою дочь и увозил ее домой. Но иногда они оставались вдвоем с прелестной хозяйкой, и тогда он переживал восхитительные минуты. Она искусно действовала на его ум. Как по волшебству, под влиянием любимой женщины в мозгу Превенкьера открывались новые области. Ему приходили совершенно небывалые идеи, и он должен был сознаться, что обаяние Валентины заставляло бить ключом его умственную жизнь.

Таким образом, постепенно, с деликатной настойчивостью, она переделывала воззрения банкира на свой лад. Госпожа де Ретиф умела управлять мужчинами и уже за один свой талант по этой части заслуживала триумфа. Ни одно ее слово не пропадало даром, ни одно действие не совершалось наобум, а было приноровлено к тому, чтобы утвердить свой авторитет в глазах человека, которого она желала поработить. С помощью самых простых средств, но придерживаясь поразительной логики и последовательности, она овладевала Превенкьером, стремясь отнять у него всякую волю, сделать свою добычу неспособной возмутиться против ее власти, И банкир полюбил госпожу де Ретиф так сильно, что, как говорится, жил и дышал только ею.

Она в особенности предостерегала его против каждого неосторожного слова или поступка, которые могли бы об-

наружить перед Розой его увлечение. Молодая женщина говорила, что это поставит ее перед мадемуазель Превенкьер в неловкое положение, которого она не вынесет. Влюбленный банкир принял предложенную ему программу, не думая уклоняться от нее ни на йоту. Он был буквально околдован и нигде не чувствовал себя таким счастливым, как в присутствии Валентины. Без нее его пожирала ревность. Она не скрывала от своего обожателя уз, которые привязывали ее к Этьену. Но это признание было сделано с большим искусством. Она была бесконечно обязана Леглизу, который выручал ее из самых трудных обстоятельств. В немногих словах она сумела дать понять, что не любит более Этьена, а только безгранично благодарна ему за его преданность. Таким образом, госпожа де Ретиф успокоила Превенкьера относительно своего сердца и дала ему высокое понятие о своем благородстве.

Тем не менее она не стала утверждать, что не принадлежит более своему любовнику, и мысль, что это восхитительное создание находится еще во власти соперника, доводила Превенкьера до бешенства. Хитрая женщина не думала разуверять его на этот счет, замечая, как точит жало ревности этого человека, жившего так мало сердцем. Валентина рассчитывала, что его страстные порывы и нравственные страдания приведут к самым важным последствиям. С видом девственницы она говорила Превенкьеру, когда тот задыхался в бессильном отчаянии:

– Ведь для меня Этьен все равно, что муж. Что подумали бы вы обо мне, если б я изменила ему после всех оказанных мне услуг и моей привязанности к нему? Подобная связь, как наша, прочнее законной.

В присутствии Валентины Превенкьер находил такую верность восхитительной, но, возвратившись к себе, он искал средства разлучить любовников.

Глава 6

Отправляясь к Томье, Жаклина не принимала почти никаких предосторожностей. Она входила к нему среди белого дня, спрашивала слугу, отворившего дверь, дома ли его господин, и, даже не дожидаясь ответа, шла через гостиную в кабинет Жана, великолепную, высокую комнату в виде мастерской, обставленную прекрасной и драгоценной старинной мебелью, убранную драпировками мягких и нежных оттенков, украшенную редкими безделушками и чудными картинами. Томье ожидал свою гостью за чтением новой книги у стола или лежа на диване с папироской и тотчас протягивал руку с приветливой улыбкой, как только госпожа Леглиз показывалась у порога.

И Жаклина любила сидеть в этом кабинете с полным спокойствием свободной женщины, точно у себя дома. Здесь проходили лучшие часы ее жизни. Она являлась сюда не иначе как со счастливыми глазами, веселой речью и зачастую с букетом цветов.

Однако сегодня госпожа Леглиз поднялась на лестницу поспешным и неровным шагом, а ее лицо, прикрытое вуалеткой, было немного бледно. Она вошла быстро, спросила ради порядка, у себя ли Томье, так как знала, что он ее ждет, и прошла в кабинет. Еще с порога она увидела Жана, стоявшего у громадного полукруглого окна, откуда падал смягчен-

ный свет на его фигуру. Он держал в руке эмалированную вещь, рассматривая ее со всех сторон. Томье был красив, молод, изящен; ни одной морщинки, ни одной складки не показывалось на его лице, ни единого седого волоса в густых черных волосах.

Услыхав стук затворяемой двери, он повернул голову и, улыбаясь, сказал:

– Ах, это вы, Жаклина?.. Вы вошли так тихо, что я не заметил.

– И были, вдобавок, так поглощены: рассматриванием этой безделушки...

– Дивная штучка! Взгляните!

– Да, очень красива.

– Это для Превенкьера.

Жаклина вспыхнула, и ее взгляд омрачился.

– Кажется, вы очень много занимаетесь Превенкьером?

– Я откапываю ему редкости. У этого человека ничего нет, да он и не знает толку в подобных вещах... Его непременно бы надули. Вот он и попросил меня похлопотать. А ведь вы знаете, как меня это интересует. Что может быть приятнее, как делать покупки для очень богатого человека? Тут крупная цена не останавливает вас, вы обращаете внимание только на красоту и редкость товара. Для меня это величайшее наслаждение.

– Похожее немного на удовольствие охотничьей собаки: вы отыскиваете...

– И приношу. Это правда!.. Но я стреляю, и вот что интересно. Видеть перед собой купца, которому хочется вас надуть, знать не хуже его стоимость товара и торговаться, спорить, наконец, торжествовать над ним... Ах, это восхитительно!

Жаклина медленно сняла перчатки, вуалетку, шляпу и сказала:

– Вы так занялись своей покупкой, что даже не поцеловали меня.

Жан поставил драгоценность на стол, обнял молодую женщину за талию, прижал к груди, не противореча, не извиняясь, и припал губами к ее шее таким долгим поцелуем, что она вздрогнула и стала еще чуточку бледнее. Потом, когда он посмотрел на нее, желая убедиться, довольна ли она, Жаклина продолжала спокойным голосом:

– Предупреждаю вас, вам приписывают намерение жениться на мадемуазель Превенкьер.

Томье не моргнул глазом. Он сделал гримасу, сморщив губы под черными усиками, и отвечал:

– На свете так много дураков, которые не знают, что выдумать.

– О, так говорят вовсе не дураки, а ловкие люди, которым хочется меня огорчить.

– Ну, скажем тогда: много злых людей. Неужели их сплетни вас тревожат? Мало ли про нас обоих судили и рядили раньше? Ведь вы не обращали на это внимания.

– Правда. Но прежде я питала непоколебимое доверие...

– А теперь оно у вас пропало? Вот это мило, никак не ожидал!

Молодая женщина не оправдывалась. Усевшись на широкий диван с шелковыми подушками, она облокотилась на колени, подперла белой рукой подбородок и грустно задумалась. Жан тихонько подошел к ней, встал на колени и повернул ее лицо к себе.

– Что это значит, Жаклина? Чем подал я вам повод подозревать меня? Можно ли ставить мне в вину испорченность окружающих вас личностей? Благоразумно ли слушать их наветы? Если вы огорчены, значит, что-нибудь да есть, какая-нибудь интрига, Расскажите мне все. Я хочу знать, в чем заключаются ваши подозрения, чтобы тем легче рассеять их.

По лицу госпожи Леглиз потекли слезы, ее губы дрожали от сдержанного волнения, Однако она молчала. Жану было действительно больно видеть ее плачущей и расстроенной. Он все еще слишком любил ее, чтобы оставаться равнодушным. Ему было искренне жаль эту добрую, хорошенькую и нежную подругу, которой он был обязан одними радостями и которая в первый раз из-за него страдала.

– Жаклина, – заговорил он с чувством, – мне, право, горько встречать ваше недоверие, вы серьезно беспокоите меня. Что вам такое рассказали? Я хочу знать: я имею на это право.

– Да ведь вы уже слышали.

– Как, эта глупейшая басня? Только-то?

– Разве этого мало?

– Но если я утверждаю, что этого нет!

Она покачала головой с унылым видом.

– Этого нет сегодня, охотно верю. Но это будет завтра. У меня явилось жестокое предчувствие в первый же раз, когда я увидала вас возле этой молодой девушки. Мы, женщины, руководствуемся безошибочным инстинктом. Вы шли по садовой аллее рядом, разговаривая между собой, а госпожа де Ретиф сопровождала вас. Я тотчас угадала, что с этих пор вы перестали, быть моим. С какой стати мелькнула у меня эта мысль? Как часто видала я вас возле молодых девушек, в гостях, на морских купаньях, на скачках, везде, и никогда не являлось у меня подозрения, что я могу быть покинута вами ради другой. Но тут горькая уверенность вонзилась мне в сердце. Я поняла, что вы отдаетесь мадемуазель Превенкьер под покровительством Валентины, а мне предстоит быть покинутой навек после того, как я отдала вам свою жизнь, которую вы презрительно возвращаете мне за ненужностью. Какую роль играет во всем этом госпожа де Ретиф? Я уверена, что она замешана в интригу. Голос у нее переменялся, и она с некоторых пор не смотрит на меня прямо. Отнимая у меня мужа, эта женщина нисколько не стыдилась; она болтала, смеялась, целовалась со мной. Ее обращение было свободно и естественно, она знала, что не делает мне никакого зла, не причиняет никакого горя. А теперь она хитрит, наблюдает за мной исподтишка, точно подготавливая какое-то

вероломство. Явно, что она будет содействовать той, которая отнимет у меня любимого человека.

– Милая Жаклина, вы сочинили целый роман.

– Нет, это истинная правда. Валентина любит только деньги, она никогда не искала и не будет искать ничего, кроме денег. Она неспособна на истинную страсть. Эта красивая и соблазнительная женщина внушает чувства, которых не может испытать сама. Появление Превенкьера в нашем кругу перевернуло все. Держу пари, что Валентина мечтает подобрать к рукам этого миллионера. Готовясь покинуть Этьена, она, может быть, задумала разбить и наши отношения, чтобы ее разрыв с моим мужем наделал меньше скандала.

Жан побледнел и с досадой махнул рукой, видя, что Жаклина с ясновидением любви угадала почти всю истину. Она подумала, что оскорбила его, и стала поспешно оправдываться.

– О, не заходите дальше моей мысли! Я хочу сказать, что она, пожалуй, распустила на ваш счет те слухи, которые меня так огорчили, именно с целью отвлечь от себя внимание... Я не подозреваю вашей деликатности, мой друг. Мне известно ваше великодушие. Кроме того, вы не искатель приключений и не спекулятор. Вы независимы и руководствуетесь только своим вкусом и симпатиями. Она же, эта дрянная женщина, не что иное, как соержанка, и самого худшего разбора, потому что обманывает свет, сохраняя внешнее достоинство и приличие. Она стоила Этьену безумных денег,

но я не жалуясь: деньги для меня ничто. Однако, если он так щедр, зачем она собирается променять его на другого? Ведь помните, тогда в театре Фоли-Бержер она буквально похитила Превенкьера у всех на виду, как могла бы сделать одна из кокоток, бродивших по театральному коридору. А что-то скажет Этьен? Что будет со мною, когда он лишится своей любовницы? Как же мне не убиваться, когда приходят в голову такие мысли? Для этого надо быть глупой, как госпожа Варгас, или беззастенчивой, как госпожа Тонелэ и госпожа де Рово, которые, потеряв одного любовника, заменяют его первым встречным. Нет, Жан, от меня нельзя ожидать ни покорности бессловесного животного, ни распущенного бесстыдства. Для этого я слишком уважаю и себя, и вас. После вас, знайте это, никто не будет обладать мною, Я имела слабость уступить вам, потому что полюбила и не захотела вас мучить, Та, которая вам принадлежит, не будет принадлежать никому больше, и ее любовь не угасит ни отчаяние, ни разлука, ни сама смерть.

Томье потерял свое самообладание и разгорячился.

– Вы сумасшедшая, Жаклина! Скажите на милость, что значат ваши угрозы? Теперь вы мне толкуете о самоубийстве, только этого недоставало. И при чем тут я? Из-за того, что госпожа де Ретиф замышляет что-то против Этьена, вы приписываете мне скверные планы относительно вас. Если вы долго не делали мне сцен, то теперь наверстываете потерянное с избытком! Берете если не количеством, то каче-

СТВОМ!

Он шагал по мастерской, взволнованный с виду, но спокойный внутренне, и спрашивал себя: не воспользоваться ли этим поводом для первых шагов к разрыву? Ведь если ловко повести дело, то можно вызвать госпожу Леглиз на ссору, которая послужила бы первым шагом к разладу и постепенно-му охлаждению. В эту критическую минуту, когда несчастная женщина дрожала за свое личное счастье, за нравственность, у Томье хватало чудовищного хладнокровия обдумывать свои дальнейшие планы, взвешивать результаты, сообщать, что для него выгоднее: отпереться от всего или допустить некоторые признания?

Впрочем, он испугался искренности Жаклины. Ему показалось, что она говорит правду и что он рискует убить ее, отняв у ней всякую надежду. И вот, думая о другой, он был принужден обманывать свою любовницу ложными обещаниями, успокаивать ее сладкими уверениями. Им овладело жестокое отвращение. Его натура возмущалась против лжи, и его губы кривились от притворных улыбок. Он уселся на маленький пуф против Жаклины, почти у ее ног, и пустился философствовать.

– Видите ли, дорогая моя, маленькие неприятности, которые вы испытываете, служат справедливой расплатой за долгое счастье. Без этих морщин на лепестке розы не обходится никакая радость. В здешнем мире все несовершенно, и мы должны мириться с тем, что самые нежные узы имеют

свои неудобства. Люди, избалованные полным спокойствием, становятся слишком требовательными. Они не допускают, чтобы на их горизонте могла появиться туча хотя бы на один час. Из того, что до сих пор все у них шло гладко, они выводят заключение, что и на будущее время судьба непременно обязана щадить их. Но и люди, и вещи, и время, и жизнь суть элементы, с которыми приходится считаться и которые могут изменять, по-видимому, самые прочные отношения. Старость, болезнь, смерть берут свое. Вы не замечаете, что я старею, В одно прекрасное утро я сделаюсь стариком, а вы будете еще очень молоденькой женщиной. Неужели же вы потребуете от меня, чтобы я вел себя, как юноша, и любезничал, обзаведясь брюшком и седыми волосами? Если вы останетесь такой же неуступчивой, как теперь, что будет со мной? В угоду вам, я буду принужден подвергаться насмешкам молодежи, которая не очень-то почтительна к старости, и любезничать с вами, когда следовало бы усвоить себе спокойное достоинство почтенных лет. Ничто не остается неподвижным, вы это знаете. И любовь меняет температуру, как природа, переходя от лета к осени и зиме. У меня уже осень, Жаклина, тогда как у вас только что кончилась весна. Мы не можем идти одним шагом по житейской дороге. Мы встретились в тот момент, когда наши годы удачно гармонировали между собою. Однако этот момент не может продолжаться в действительности, и чем дальше, тем резче будет выступать несоответствие наших сил, наших вкусов и при-

вычек, Вот о чем я думаю нередко с бесконечной грустью, мой дорогой друг, и что, по-видимому, никогда не приходит вам в голову. Между тем здесь-то и кроется тайна нашего будущего. Если мы сумеем перейти от страстной любви к более солидной привязанности, нам еще предстоят счастливые дни. Но если вы будете настаивать на своих требованиях, не желая считаться с действительностью, тогда вы встретите серьезные преграды и будете страдать, увы, причиняя жестокие страдания другим.

Госпожа Леглиз дала Томье договорить и выслушала его с большим вниманием, после чего сказала рассудительным тоном:

– Отбросив оговорки, к которым вы прибегли, чтобы смягчить свои слова, вашу мысль можно выразить вкратце таким образом: «Любовь имеет свой срок. Наступит неизбежный час, когда я буду принужден вас покинуть. Приготовьтесь к этой случайности, пожалуй очень близкой. Надоедите ли вы мне или я влюблюсь в другую, но мы обречены на разлуку. Я не связан с вами браком. Ничто не может заставить меня состариться возле вас. Я останусь вашим другом, если вы сделаетесь рассудительны; в противном случае произойдет разрыв, и вы пострадаете. Впрочем, если вы будете видеть во мне только друга, что же вам огорчаться, если я женюсь на другой? С вашей стороны выйдет в высшей степени благопристойным отнестись к этой перемене в моей жизни с сочувствием и доброжелательством». Все сказанное

вами весьма рассудительно, но в своих выгодах вы принимали во внимание только свое собственное душевное состояние, но никак не мое. А между ними большая разница: я вас люблю – и перестать вас любить не зависит от меня, как, пожалуй, и от вас. После этого какую цену могут иметь в моих глазах все ваши доказательства? Вы состаритесь, сделаетесь угрюмы, больны? Что ж за важность, если я вас люблю? Ваша мужественная красота, которой я так горжусь, исчезнет? Пускай, только бы я вас любила таким, как вы есть, и только бы для меня вы оставались вечно прелестным, как были раньше, благодаря обаянию моей любви! Время нас разлучит? Если вы не будете его сообщником и не подчинитесь его тирании, разве у вас не будет тихого приюта в моем доме, где я буду смягчать для вас моей заботливостью горечь старости? Что же вы думаете после этого о моей любви и какой пустой и чувственной любовью сами любите меня? Из-за того, что между нами прекратятся страстные ласки и наслаждение перестанет соединять нас в пылком объятии, я потеряю всякую цену в ваших глазах? Нет! Я вам не верю, вы на себя клеветаете. Вы связаны со мной более прочными узами, чем думаете, и наша любовь должна быть одной из тех, которые переживают время, разлуку и смерть. В противном случае я горько ошиблась бы на ваш счет и вы не заслуживали бы ни тени сожаления.

– Заметьте, – сказал Томье, не возражая на доводы Жаклины, – как спор развивает идеи! Мы начали с пустой сплет-

ни, о которой было достаточно сказать, что она пущена в ход одним из наших недалеких друзей, а теперь пришли к тому, что стали представлять себе, чем может кончиться связь, которую не желает сокращать ни тот, ни другой из нас. И все это оттого, что у вас, как у всех женщин, есть страсть терзать себя. Вы безумствуете, мой бедный друг, придумывая себе поводы к огорчению, когда жизнь сама готовит нам невзгоды, которых мы не можем избежать. Наслаждайтесь настоящим, не пускаясь в психологические тонкости. А потом будь, что будет. Всякое взятое у судьбы счастье есть уже несомненное приобретение, способное вознаградить нас за неизбежные неудачи. Кроме того, ваш идеал счастья кажется мне крайне буколическим. Это полнейшее воплощение Филемона и Бавкиды. Старичок и старушка, любящие друг друга под снегом старости. Бор мой, если это вас восхищает, то здесь нет ничего невозможного и вашу идиллию можно устроить, хотя она будет приличнее на провинциальной почве. Не прав ли я? Представьте себе маленький чистенький городок, где и пешеходы-то редки, а если появится экипаж, то все выбегают смотреть на крыльцо. Мы должны быть очень стары, очень утомлены, чтоб освоиться с этой тишиной. Но вот что мне пришло в голову: куда мы денем Этьена? Он ни за что не согласится сделаться таким же добродетельным, как мы, и, наверно, возьмет на содержание почтмейстершу. Ведь этот славный малый не обойдется без содержанки до последнего дня своей жизни. И когда мы уже давно обречем

себя на семейный бостон, бедняга все еще будет испытывать потребность платить деньги лицам другого пола, хотя бы с тем, чтобы его трепали по щекам.

Жаклине так хотелось помириться с Томье, что она постаралась разогнать свои тревоги и отвечала улыбкой на его шутки. Он был благодарен ей за это и сделался вкрадчиво нежен. Оттягивать время, устранять непосредственную опасность, предоставляя самой жизни устраивать обстоятельства, – такова была тактика Жана. А главное – избегать сцен. Если горизонт прояснился, и, слава Богу. Томье не имел никакой причины его омрачать и до самого ухода госпожи Леглиз оставался предупредительным и веселым.

Для него было важно известить свою союзницу о том, что произошло между ним и Жаклиной. Вдобавок его интриговал вопрос, откуда молодая женщина могла узнать об их планах, скрываемых так тщательно. Томье оделся и ровно в пять часов был у госпожи де Ретиф.

В очень простом платье из черного атласа Валентина сидела в своей маленькой гостиной, восхитительной комнате в стиле Людовика XV, стены которой были обиты материей с пастушками Ватто в резных рамках светлого дерева. Необыкновенно красивая старинная мебель была отделана медальонами, на креслах и диванах пестрели сцены из ба-сен Лафонтена по рисункам Одри. При виде Жана красавица-блондинка слегка приподнялась с маркизы, обитой мягкими подушками, и спросила, протягивая ему руку:

– Что случилось? Вы не балуете меня своими визитами. Должно быть, у вас есть какая-нибудь новость.

– Вы угадали. Сейчас у меня была Жаклина. Ей сообщили словесно или письменно, не знаю хорошенько, что я мечу в женихи мадемуазель Превенкьер.

– Ну, и как же это на нее подействовало?

– Ужасно! Она приняла это известие в трагическую сторону. «Если вы меня покинете, я умру!»

– Все женщины говорят так... исключая меня!

– Верно. Никогда не видал я дамы, которая расходилась бы с мужчиной так прилично, как вы. После разрыва остаешься вашим другом, что восхитительно. Бывают даже дни, когда готов ошибиться и хоть сейчас вернуться к старому.

Говоря таким образом, Томье обнаружил большую предприимчивость, и Валентина была должна остановить его.

– Сидите смирно, сделайте одолжение. Должно быть, в самом деле, у вас нет сердца, если в ту минуту, когда Жаклина убивается, вы можете думать о чем-нибудь другом, кроме того, чтоб рассеять ее подозрения.

– Вы источник мудрости. При взгляде на вас невольно чувствуешь жажду.

– Молчите, безумец! Вы никогда ничего не достигнете; вы недостаточно размышляете.

– Это так утомительно! Будьте умны за меня, а я буду глуп за вас.

– Я начинаю думать, что ошиблась на ваш счет. Вы не бо-

лее как красивый мужчина.

– Что ж, ведь и это встречается не часто, но вместе с тем я и серьезен. Говорите: конгресс открыт. Станем решать судьбы народов.

– Знаете ли, что меня беспокоит в данном случае? Весьма вероятно, что люди, предупредившие Жаклину насчет мадемуазель Превенкьер, предупредили или собираются предупредить и мадемуазель Превенкьер насчет Жаклины. Одной сказали: «Томье имеет в виду жениться на мадемуазель Розе», а другой скажут: «Томье – любовник госпожи Леглиз».

– Мужчина всегда чей-нибудь любовник. Дочь вашего друга едва ли считает меня только что подтвержденным [Конфирмация – *у католиков – т. наз. таинство миропомазания, совершающееся над детьми (7—12 лет)*] мальчиком. Она не так несведуща в жизни. Да наконец, бросить Жаклину, чтоб жениться на ней, чего-нибудь да стоит, и, по-моему, это должно скорее польстить мадемуазель Розе.

– Вопрос характера. Жаклина молода, красива, соблазнительна. Мадемуазель Роза может опасаться, чтобы привычка не привела вас обратно в одно прекрасное утро к госпоже Леглиз и чтоб покинутая женщина не сделала из своей соперницы жену только по имени. На этот счет можно сказать многое, и дело выходит гораздо сложнее, чем вы полагаете.

– Вот я и пришел, с вами посоветоваться. Придумайте что-нибудь.

– Зная хорошо Розу Превенкьер, я думаю, что с ней лучше

действовать начистоту. Эта девушка – сама искренность. Вы знаете, как она поступила со своим отцом. Такая же будет она и с мужем. Впрочем, вы к ней не подходите.

– Благодарю покорно.

– Говорю это мимоходом, чтобы меня не обвинили в недалёковидности. Мое решение тем не менее остается неизменным. Я заключила с вами союз и не отступлю ни перед чем ради успеха нашего предприятия. Однако, сделавшись вашей союзницей, я не была внезапно поражена тупостью. У меня ещё осталось здравое суждение. А эта маленькая мешаночка Роза со своими идеями пятидесятых годов совсем вам не пара. Она плывет еще под парусами, тогда как вы... о, вы пользуетесь паровой машиной высокого давления! Недолго вам проплыть благополучно вместе.

– Самое важное – отвалить от берега. Пустившись в море, я предприму кое-какие мелкие улучшения и преобразования, которые изменят ход моей спутнице, Вдобавок, смотря по надобности, можно и уменьшить свою скорость.

– Вы говорите серьезно? Это решено?

– Клянусь честью, жизнь, которую я веду, опротивела мне вконец! Беспрерывные увеселения с разными Рово, Варгасами, Тузарами! Любовные интрижки с женщинами, дающими вам понять, что они делают какое-то одолжение, уступая вашим ласкам, потому что это смертельно им надоело, но надо же чем-нибудь вознаградить ваши труды и заботы! Нечто вроде жетона за присутствие на заседании, право! А мужья

этих дамочек, которых нужно выносить, когда они не в духе, утешать, если они проигрались перед обедом в «бридж»), и развлекать, когда им нечего делать! Все это очень мило до тридцати лет, но по прошествии этой счастливой эпохи зрелости подобное препровождение времени становится отвратительным, мерзким, и, чем продолжать его, лучше пойти в клубные крупье или наложить на себя руки!

– Я начинаю думать, что вы не шутя созрели для того, чтобы сделаться хорошим мужем. Я и не подозревала в вас такого нравственного сознания. Вы сильно стареете!

– Ведь, кроме вас, я не заикнулся бы о таких вещах ни единой женщине! Но мне хорошо известно, что вы меня поймете, так как наша участь одинакова, и вы также жаждете спокойствия на лоне общественного уважения, отдыха в регулярной жизни. С вас довольно зависимости от мужчины, способного увлечься модисточкой с улицы Мира, или прогореть на глупейших спекуляциях, или скончаться некстати – вообще по той или иной причине оставить вас ни с чем, Вам надоели гостиницы, хотя бы и в модных местах, не так ли? Хоть скромный дом, если уж нельзя иначе, да свой. Долой временное, подавайте нам постоянное! Одним словом, приличный брак с идеальным пятидесятилетним господином, который наделен толстым карманом, иллюзиями, жаждет любви и позволит водить себя за нос: с Превенкьером, чтобы не называть его по имени!

Валентина не отвечала. Она задумалась. В нескольких

словах Томье резюмировал с беспощадной точностью ту жизнь, которую она вела в продолжение десяти лет. И горечь, отвращение подступали ей к горлу. Он говорил правду. Ее истомило блестящее, но непрочное существование и тоска по мирному счастью. То, в чем так смело сознавался ее союзник, она скрывала, но чувствовала так же, как и он. Оба они подошли к решительному часу. Надо было свернуть с дороги, чтобы не пришлось тащиться до могилы по утомительному пути.

– Вам что, вы богаты, Жан! – сказала, наконец, госпожа де Ретиф. – Вы можете оставаться независимым, если пожелаете.

– Я живу остатками отцовского наследства. У меня прекрасная обстановка и тридцать тысяч годового дохода. Если ограничиться клубной кухней, игрой по маленькой, посредственными сигарами, наемным экипажем, можно как-нибудь пробиться, но достаточно ли этого? Прибавьте сюда одиночество, отсутствие семьи, экономка для ухода за мной и комнатный лакей, который будет беситься, если не станешь отпускать его по вечерам, и исполнять свое дело спустя рукава. Дорогая моя, молодость красит все. Когда же начнешь спускаться под гору, надо к чему-нибудь пристроиться, а с этой целью пока еще ничего не придумано лучше брака. Жаклина говорит мне: «Мы состаримся вместе; вы всегда найдете у меня уютный уголок». Черт возьми! Разумеется! Но ведь мне придется туда ходить. В этом все! Приятно иметь этот

уютный уголок у себя в доме, а не у чужих.

Молодая вдова улыбнулась.

– Вы мне напомнили Наполеона в 1815 году. Вы подступаете к границе, чтобы поставить на карту все, что у вас есть. Вам нужно выиграть сражение под Ватерлоо. Это означает, или трон Франции, или остров Святой Елены. Составим же наш план кампании и выполним его без колебаний. Великого человека, с которым я вас сравнила, погубило то, что он перестал верить в свою счастливую звезду. А у вас, несомненно, есть частичка такой счастливой звезды.

– Частичка? Да у меня их много целых, только все они или певицы, или танцовщицы!

– Не дурачьтесь. Верите ли вы во что-нибудь?

– Я? Да у меня гибель предрассудков! Но я особенно верю в женское влияние.

– Тогда мы постараемся, чтобы вы не разочаровались. Поговорим, как практичные люди. Несомненно, что Жаклину предупредила одна из этих вредных тварей в нашем кружке, госпожа Варгас или госпожа Тонелэ...

– Это очень гадко с их стороны. Я никогда им ни в чем не отказывал...

Она погрозила ему своей прекрасной белой рукой.

– Томье, Томье! Мне передавали, что вы были страшным злодеем!..

– А вы не хотели верить? Напрасно! Могу поручиться, что это правда.

– Бес!

– Потому-то я и мечтаю сделаться отшельником.

– Хорошо; на вашем месте я повела бы открытую игру с Превенкьером. Вы не воображаете, конечно, что ему неизвестно ваше положение в доме Леглиза. Он не настолько наивен, чтобы прийти в ужас от этого, Однако он может опасаться, что расторгнуть эту связь будет труднее, чем простую близость молодого человека с замужней женщиной. Ищите случая открыть банкиру ваше сердце и тогда опишите ему все без утайки: ваше охлаждение к Жаклине, мечты о новом счастье, склонность к регулярной жизни и многое другое, что может внушить вам ваше блестящее воображение относительно предмета, который вам так близок. Допустим классическую гипотезу: Роза была предупреждена относительно ваших планов одновременно с Жаклиной. Надо же устроить так, чтобы Превенкьер при первых опасениях, высказанных его дочерью, был в состоянии отвечать ей вашей исповедью. В конце концов молодая девушка, неглупая от природы, поймет, что под этими разоблачениями кроются происки зависти и ревности. Мадемуазель Розу не особенно огорчат попытки остановить ее триумфальную колесницу. «Если у меня оспаривают Томье, значит, он стоит этого. Если на него клеветают, значит, он лучше многих». Вот рассуждение, доступное и пятилетнему ребенку. Несомненно, что оно придет ей на ум, а с того момента будет задето и ее самолюбие, так что если вы сумеете взяться за дело, то все шансы будут

на вашей стороне. Нечего и говорить, что я, пользуясь своим выгодным положением в доме, окажу вам немедленную поддержку. Услуга за услугу. Ведь я не скрываю, что если сравнительно легко привести вас с мадемуазель Превенкьер к алтарю, то гораздо хлопотливее будет привлечь туда ее отца под руку со мною. Но вы поможете мне в знак благодарности. Этого потребуют от вас ваша собственная польза и ваша дружба. Впрочем, будьте покойны, я не сделаюсь скучной тещей.

– Скорее надо опасаться, чтобы вы не сделались слишком веселой!

– Даю вам слово, что я буду строга и останусь бездетной.

– Благодарю за это милое обещание и обязуюсь со своей стороны похлопотать о вашем обеспечении.

Этот легкомысленный с виду разговор, но важный по своим последствиям, был прерван появлением Розы, которая захотела за госпожою де Ретиф, чтобы отправиться вместе с ней в Булонский лес. Молодая девушка высказала Жану свою обычную приветливость, из чего оба союзника заключили, что к ней еще не имели доступа наветы их врагов. Томье со своим величественным видом проводил обеих дам до экипажа.

Запряженная двумя чудными лошадьми коляска покати-лась по аллее Елисейских полей, миновала площадь Звезды и выехала на Лесную аллею. Под жарким солнцем, освежаемые прохладой политых газонов, среди экипажей, стремив-

шихся взад и вперед по этому триумфальному пути роскоши и богатства, Валентина с Розой отдавались мерной качке эластичных рессор, Не доезжая ворот, на шоссе они встретили гулявшего пешком Превенкьера, с тросточкой в руке и беззаботным видом настоящего фланера [Фланер – человек, разгуливающий без всякой цели, праздничношагающийся].

– Ваш батюшка! – воскликнула госпожа де Ретиф.

Роза велела кучеру остановиться.

Коляска подъехала к тротуару. Улыбающийся Превенкьер подошел к ней.

– Что ты тут делаешь один? – спросила дочь.

– Хочу подышать чистым воздухом. Я проработал взаперти до пяти часов; голова у меня отяжелела; тогда я оставил свои письма и пошел гулять. Ну, а вы куда собрались вдвоем?

– Не желаешь ли продолжать прогулку вместе с нами?

– Пешком?

– Нет. Садись к нам в экипаж.

Превенкьер открыл дверцу и, видя, что дочь хочет уступить ему свое место, остановил ее с улыбкой.

– Не пересаживайся, дитя мое, не обращай со мной, как с дедушкой... Кроме того, сидя напротив, я буду лучше видеть вас обеих.

– Куда ты хочешь поехать?

Банкир бросил вопросительный взгляд на госпожу де Ретиф.

– О, не надо в аллею Акаций, – сказала она, – поищем

тихих уголков.

– Хорошо, поезжайте тогда к полю Отейльских скачек.

Они покатались по тенистым, прохладным аллеям леса, вдоль Катланского луга, по берегу восхитительной речки, шумной и бурливой, стремнины в миниатюре, между искусственных скал. Тишина едва нарушалась отдаленным громыханьем экипажей и через правильные промежутки треском ружейных выстрелов в голубином тире. Чувство неизъяснимого довольства убаюкивало Превенкьера; откинувшись на подушки экипажа, он смотрел с неведомым восхищением на два прелестных существа, которые уже соединял в одно в своей почти одинаковой любви. На перекрестке аллеи. Маргариты раздался звон бубенчиков и показалась целая ватага быстро несущихся велосипедистов. Раздались возгласы:

– О, да это Валентина!

Последовала общая остановка. На край тротуара соскочили со своих стальных копей женщины в шароварах, черных чулках и желтых башмаках, в разноцветных блузочках и матросских шляпах с белым вуалем. Разрумяненные ездой, госпожи де Рово, Тонелэ и Варгас подошли к экипажу. Толстый Бернштейн с Тонелэ сторожили велосипеды.

– Куда это вы едете, изменники? – напали на сидевших в коляске молодые женщины. – Вот уж целая неделя, как мы вас не видели, и вдобавок вы отнимаете у нас Валентину! Леглиз из себя выходит! А эта прелестная малютка разве не ездит на велосипеде?

Роза взяла на себя отвечать, заметив по смущенному лицу Превенкьера и по недовольному виду госпожи де Ретиф, что эта неожиданная встреча прилась им не по нутру.

– Нет, mesdames! Я не умею ездить на велосипеде и, говоря откровенно, не имею желания выучиться. Ваш костюм очень мил, но кажется мне довольно скудным. Кроме того, я подвержена головокружению, и у меня тонкие ноги.

– Ну да, толкуйте! – подхватила госпожа де Рово. – А Валентина, которая может похвастаться своими икрами... и вдруг в коляске! Вы потолстеете, моя милочка, и утратите свою живость.

– А куда вы девали Леглизов? – продолжала Роза, желая выручить свою приятельницу. – Разве они также подвергают себя риску утратить свою живость?

– Нет, они пробуют сногшибательный автомобиль и захватили с собой Тузара и Кретьена. Мы должны съехаться у циклодрома. Поедемте с нами! Вот они удивятся!

– Вы очень любезны, – сказал Превенкьер, – но мы едем к Булони.

– В таком случае до свидания. Нам пора.

Молодые женщины оседлали свои велосипеды, кавалеры покатали вперед. Бернштейн тряс бубенчиком, звонким, точно коровье ботало, и веселый эскадрон помчался к каскаду, летя сломя голову под горку.

– Ого, ого! – крикнул в последний раз Тонелэ, поворачиваясь в седле. Молодые женщины махали носовыми платка-

ми, точно маленькими цветными значками, до тех пор, пока вся ватага не скрылась за поворотом аллеи.

– Шальные! – проговорил Превенкьер.

– Они веселятся или думают, что веселятся, что одно и то же, – вкрадчиво заметила Валентина. – К счастью, я поняла различие между их пустыми удовольствиями и истинным благополучием.

Она обняла одним взглядом, кротким и почти растроганным, отца и дочь. В прохладной тишине леса между зеленеющих беседок экипаж продолжал катиться плавно и спокойно. И Валентина невольно сравнила шумный, быстрый бег своих недавних друзей с этим правильным и неторопливым движением теперешних знакомых. То было символическим намеком на жизнь, от которой она хотела бежать, и на то существование, к которому стремилась теперь, напрягая все усилия. Улыбнувшись Превенкьеру и Розе, госпожа де Ретиф сказала:

– Как мало общего между их удовольствием и моим! Но стоило ли показывать им это? Ведь они все равно не поняли бы меня.

Превенкьер также не совсем хорошо понял настоящий смысл ее слов. Он недостаточно знал тайны прошлого Валентины, чтобы угадать, как сладко было для нее подниматься в сферу бесспорной порядочности. Однако он почувствовал, что Валентина счастлива через него и возле него; этого было достаточно, чтобы сердце банкира забилося от радости.

Обернувшись к дочери, он сказал ей со смехом:

– Так как мы едем к Булони, и нам нет охоты попадаться опять навстречу ватаге Леглизов, то не проведать ли старика Компаньона? Мы заглянем к нему на одну минуту. Это мой бывший кассир, – объяснил он Валентине, – славный человек, приютивший мою дочь, когда я ездил в Африку. Вам не покажется слишком скучным побывать у него?

– Никоим образом! А если ваш старый слуга оказал вам такую услугу, то я слишком люблю вашу дочь, чтобы не чувствовать к нему расположения.

– Ну, вот и прекрасно! Мы вернемся по берегу реки, не рискуя столкнуться опять с этими сумасбродами.

В начале Большой улицы они подъехали к маленькому домику с деревянным палисадником, обсаженным глицинией. Когда калитку отворили, задребезжал звонок; из окна кухни выглянуло любопытное лицо служанки. Ей не пришлось докладывать о посетителях. Старик Компаньон уже спешил к ним с непокрытой головой, торопливо обтирая руки, запачканные землей. Его глаза блестели от радости, и он рассыпался в извинениях.

– Ах, мадемуазель Роза!.. Мой дорогой хозяин... Что же вы не предупредили заранее? Вот я и встречаю вас грязный, как бродяга. Прошу прощения, сударыня!..

Он ввел их в маленькую гостиную, прохладную и полутемную, где быстро распахнул ставни. Тут перед посетителями открылся сад с его теснотой и роскошью. То был продолгова-

тый четырехугольник, окруженный оградами других садов; тщательно возделанные клумбы ярко пестрели в нем цветами. Подбор сортов, распределение оттенков, группировка разновидностей обращали этот маленький уголок в очаровательное местечко, точно здесь хозяйничал гениальный садовод из Голландии. Обе молодые женщины не могли удержаться от возгласа восхищения. При свете ясного вечера свежие, только что политые цветы сверкали, как драгоценные камни. Воздух был напоен восхитительными ароматами, которые услаждали обоняние, как чудные краски цветов ласкали взгляд.

– Вот как, Компаньон, вы занимаетесь садоводством! – сказал Превенкьер. – Вы должны быть счастливы здесь.

– Как никогда еще не был раньше, хозяин. Когда я бросил свой маленький домик в Блуа, то ужасно горевал, не зная, что меня ждет. Но здешняя местность – рай для цветов. Я познакомился с садовником Гольшейдеров, у которых такая славная дача на берегу реки... Этот добрый малый полюбил меня. Угадав мою страсть, он подарил мне черенков и цветочных семян... Все, что есть самого дорогого, сорта, купленные на вес золота... и вы видите, что вышло... Я живу среди чудес... Не могу рассказать, сколько наслаждения доставляет мне уход за цветами; они точно мои дети... Простите, однако... я заболтался... Вы ехали так далеко, что могу предложить вашим дамам и вам самим?

– Прогулку по вашему саду, – улыбаясь, отвечала Роза.

– Мадемуазель Роза, вы льстите моей мании. Вы всегда добры и ласковы к старому чудаку Компаньону.

Они вышли через стеклянную дверь прямо в сад и по аллеям, окаймленным гвоздиками всевозможных колеров, подошли к колодцу, у которого красовался восхитительный куст чайных роз, осыпанный цветами.

– Ах, Компаньон, ведь это не вы посадили его? – спросил Превенкьер.

– Нет, хозяин, но ради этого куста я поселился здесь. Это «Золотая мечта»; по вечерам его запах просто опьяняет, и весь прошлый месяц соловей прилетал к нему петь до утра. Я вставал по ночам, чтобы подышать запахом моих роз и послушать маленького певца, который так и заливался, так и заливался! Часто мы с Проспером просиживали тут до утренней зори, и нам было до того хорошо, что мы оба плакали.

Роза вздрогнула при внезапном напоминании о преданном ей человеке, которого она представила себе в этой поэтической рамке, Старик Компаньон увлекался своей манией, но какая тревога, какая забота или мечта влекли Проспера после усталости рабочего дня в ночную тишину сада? Ей хотелось расспросить старика.

– Разве господин Проспер также ударился в садоводство?

– Бог мой! Нет, мадемуазель Роза, мой сын не знает в нем никакого толку. Но он очень любит сад. Сядет вон тут вечером и глядит целыми часами, как я работаю.

– Он доволен своими делами?

– Не знаю. Проспер ничего о них не говорит. Но с некоторых пор он все задумывается.

– Ваш сын совсем не бывает у нас.

– Ах, его надо извинить, сударыня, он нелюдим! Да Проспер и не любит бывать в свете. Он всегда возвращается оттуда сам не свой... Светское общество смущает бедного малого, Он, как и я, рожден для труда, а не для удовольствий.

– Ну, а Сесиль почему заглядывает к нам так редко?

– Сесиль также немножко смахивает на брата. Последний раз, когда мы у вас завтракали, она и ее брат волновались целый вечер. Я вскапывал клумбу под окном гостиной и слышал их разговор вдвоем. Я не совсем понял, что они говорили, только мои дети, по-видимому, соглашались друг с другом.

Этот безыскусственный рассказ старика произвел заметное впечатление на Розу. Она прошла с ним несколько шагов к цветникам, оставляя в отдалении отца и госпожу де Ретиф, которые сели на скамью у колодца, где так чудно благоухали розы.

– В чем же они соглашались друг с другом? – спросила девушка.

– Да насчет того, что маленьким людям лучше сидеть дома.

– Разве им показалось, что мы дурно их принимаем?

– Нет, как это можно! И не думайте, мадемуазель Роза.

А только всяк знай свое место – вот где мудрость. Так говорил Проспер, и сестра соглашалась с ним... Да и еще многое другое в том же роде, что я не совсем разобрал. Сесиль повторяла: «Выбрось это из головы. Ты прав». Что следовало Просперу выбросить из головы – не знаю. Может быть, он рассчитывал получить важную должность на заводе Леглиза, да ошибся в расчете. Все это пройдет, мадемуазель Роза.

– Да, все проходит, – подтвердила она, слегка опечаленная.

– Исключая любви и преданности, когда она укоренилась так глубоко, как в наших сердцах.

– Вы доказали это, – произнесла молодая девушка, серьезно кивнув головою. – И я никогда не забуду того, что встретила от вас.

Она вернулась к отцу и госпоже де Ретиф, которые разговаривали между собою у колодца в цветах. Великолепный день догорал; становилось свежо, и в этом пестром благоухающем цветнике приятная истома одолевала чувства, убаюкивала мысль, усыпляла заботы, которые тонули в сладком покое, близком к счастью.

– Позвольте мне, сделать вам букеты, сударыни! – сказал старый садовод.

И тут же принялся срезывать цветы, бережно разбирая стебли и щелкая садовыми ножницами.

Превенкьер с минуту осматривался кругом с растроганным видом.

– Когда я жил в Трансваале, – сказал он, – то был готов порою отдать что угодно за один только час среди такой благодати, как здесь.

– Нет надобности быть в пустыне, – заметила госпожа де Ретиф, – чтобы насладиться вполне впечатлением, которое вы испытываете... Я также его разделяю, поверьте.

Превенкьер поднял глаза на дочь с выражением тревожного вопроса. Он точно говорил: «Ну, а ты, Роза, порицашь меня за то, что я чувствую себя счастливым с вами обеими?» Тонкая улыбка неволью появилась на губах дочери, Она окинула взглядом Валентину и отца, после чего произнесла с необычайною мягкостью:

– Дорогой отец, я всегда буду радоваться тому, что доставляет радость тебе.

Внезапная краска бросилась в лицо госпожи де Ретиф. Ей показалось, что этими словами Роза одобрила планы своего отца. Сердце забилось у нее с необыкновенной силой. Что-то вроде стыда смутило эту женщину, действовавшую с таким холодным расчетом там, где другие выказывали столько прямоты и сердечной искренности. В первый раз ясно со знала она свою испорченность, и у нее мелькнула мысль, что она недостойна того жребия, которого добивается; Однако Валентина была слишком смела и решительна, чтобы долго поддаваться подобному малодушию. Она подняла голову и показала отцу и дочери свое обворожительное, сияющее лицо. Старик Компаньон возвращался к ним, держа по целому

снопу чудесных цветов в каждой руке. Он подал их Валентине и Розе:

– Букеты эти скоро увянут, но не увянет память о вашем очаровательном присутствии в моем доме.

Дамы с довольной улыбкой приняли и букеты, и комплимент. Вместе с Превенкьером, в сопровождении почтенного кассира, они вышли на улицу и сели в экипаж, с сожалением покидая мирный цветущий уголок, где на них повеяло безмятежным счастьем.

Глава 7

Догадка Валентины подтвердилась: встревожила и напугала Жаклину сердобольная госпожа де Рово. Однажды вечером, когда кутящая «ватага» была обречена на скуку, благодаря отсутствию Томье, госпожи де Ретиф и Леглиза, нежная подруга толстяка Бернштейна, рассерженная тем, что ей приходилось терять время за игрою в покер, вместо того чтобы по привычке носиться по увеселительным местам, вздумала сорвать сердце на своей приятельнице с помощью разных язвительных намеков.

– Это, должно быть, Томье сманил от нас Леглиза с Валентиной. Красивую роль играет он во всей этой истории, нечего сказать!

Жаклина сделала вид, что не слышит. Она не хотела понимать. Замеченная ею холодность Жана уже и без того тревожила молодую женщину, и она систематически удаляла все, что могло бросить свет на это печальное обстоятельство. Но госпожа де Рово не сдавалась и продолжала минуту спустя:

– А Превенкьер?.. Он также от нас сбежал. Он явился сюда лишь за тем, чтобы увидеть Валентину, втюрился в нее и увести с собой красивую вдовушку. Это очень лестно для вашей гостиной. Ее можно назвать последним салопом, откуда похищают...

В эту минуту противник дамочки, полковник Тузар, при-

хлопнул ее туза, что окончательно взбесило молодую женщину. Видя, что Жаклина решительно отмалчивается, она удвоила свое усердие.

– Это как Жан... Ему было довольно два раза увидеть Розу, и вот уж пошла молва, что он хочет на ней жениться... у вас под носом, моя дорогая! По-моему, это довольно подлая махинация!

Жаклина слегка вздрогнула, но не возражала.

– А тут еще этот гадкий полковник забрал себе всех королей! Ну вас в болото, не стану больше играть! – крикнула вне себя госпожа де Рово, швыряя карты.

– Что за тон и что за выражения, моя дорогая! – вмешалась госпожа Леглиз, неприятно задетая этой сценой. – Если б сюда вошел посторонний, что подумал бы он о вас?

– В довершение всего еще стесняться! Неужели вы находите это справедливым, Жаклина, что мужчины приходят обыгрывать нас?.. Ведь я проиграла полковнику двадцать пять луи! Если вы полагаете, что я вам заплачу, старина, то очень ошибаетесь.

– Я потолкую с Бернштейном, – хладнокровно отвечал Тузар.

– И прекрасно сделаете! Ведь если вы обратитесь к Рово...

Она встала и, пересев к Жаклине на диван, проговорила тоном нежного участия:

– Милая Жаклина, я хоть и резка на язык, но зато правдива и не люблю подставлять другому ножку. А с вами это со-

бираются проделать. Понимаете ли вы? Если хотите, я готова сказать все напрямик. Томье намерен вас бросить для этой разбогатевшей модистки, которую зовут Розой Превенкьер. Я угадываю, что вы мне возразите: «Он ее не любит и все равно останется при мне». Очень возможно. Но низость остается низостью. И потом этих мужчин не разберешь: они довольно падки до некрасивых женщин, Любовь имеет весьма отдаленное отношение к красоте. Сколько знавали мы дурнушек, которые кружили мужские головы? Их любят, да еще как, до конца жизни! На вашем месте я бы остерегалась... Конечно, если вы не дорожите больше Томье и его женитьба вам на руку, тогда иное дело. В таком случае забудьте, что я вам сказала.

Жаклина безмятежно улыбнулась женщине, которая мучила ее так жестоко, и произнесла:

– Да, забудем то, что вы мне говорили.

Госпожа де Рово была озадачена. Она с досадой пожала плечами и заключила:

– О, превосходно! Не станем пересаливать в нашей дружбе! Если вам это все равно, тем лучше.

– Я попросила бы вас только, милочка, не разглашать этого всем, иначе мне будет неловко.

– Отлично! Если б дело шло об одном Томье... но вы – приятельница, ваша тайна для меня святыня!

У Жаклины мелькнула меланхолическая улыбка. Она не очень-то верила скромности своей подруги. Ее просьба мог-

ла навести на мысль, что у ней есть свои расчеты, и этим госпожа Леглиз ограждала, по крайней мере, свое самолюбие. Но что значит самолюбие, когда вашей искренней, пылкой любви грозит опасность? Что служило порукой счастью госпожи Леглиз, кроме клятв, расточаемых Томье? А много ли стоили обещания и протесты Жана? В былое время ее мог бы убедить один взгляд, один возглас, а все его теперешнее красноречие расточалось только для прикрытия лжи. Госпожа Леглиз чувствовала, что ей предстоит удар; а чего могла она опасаться, кроме измены любимого человека?

Она говорила себе все это, сидя в своей уборной, у окна, выходявшего в их живописный сад. Вот в этой аллее, на берегу пруда, увидала она в первый раз Жана с Розой; они шли рядом ей навстречу в сопровождении госпожи де Ретиф, которая как будто покровительствовала им, приветливо улыбаясь. Какую роль играла Валентина в этой интриге? Ведь ее удаление слишком совпадало с отсутствием Томье для того, чтобы не подозревать между ними уговора. Какой страшной неосторожностью было со стороны Валентины затеять подобную игру! Как будто Жаклина не знала ее похождения в прошлом и настоящем и не могла, вооружившись против нее, сделать ей непоправимое зло! Разумеется, Превенкьер не знал ничего о том, что было до ее связи с Этьеном. Да и знал ли он хорошенько то, что касалось самого Этьена? Вдобавок, какие планы строил банкир? Хотел ли он сделать Валентину просто своей любовницей и содержанкой, или та

возымела более смелое и более выгодное намерение – женить на себе отца Розы? Ее постоянное присутствие возле молодой девушки могло возбудить подозрение, что она добивается самого блестящего, но и самого трудного результата: замужества. Но сколько препятствий надо ей преодолеть и какая смелость вооружить против себя Жаклину! Однако разве стоит бояться доброй и нежной Жаклины? Ведь ее можно обижать безнаказанно, К чему она прибегнет, кроме слез?

Грудь госпожи Леглиз поднялась тяжелым вздохом. Разве это не правда? Все в ее поведении подтверждало такое понятие о ее характере. Мягкая кротость молодой женщины, примирившаяся с изменами Этьена, пожалуй, поможет ей терпеливо перенести и неверность Жана. Существуют на свете люди, обреченные от рождения быть жертвами. С ними можно делать все, что угодно, не боясь, что они возмутятся. Негодяи пользуются этим и подвергают их всяким оскорблениям и насилиям. Слабость делает их беззащитными. Это козлища отпущения в социальном строе, и жестокая человеческая низость наслаждается их терзаниями. Все, что есть гадкого, жестокого, пошлого, глупого, возвышается, очищается, облагораживается и умнеет, подвергая мучениям беззащитных существ. Я оскорбляю, я презираю, я обижаю, я насмехаюсь. Значит, я владычествую над тем, кто мне подчиняется. Значит, я перестал быть последним из людей, потому что у меня есть на ком сорвать сердце. Какой триумф!

Самодовольство мелких сошек и пошляков зачастую основано на подобных победах.

Жаклина с грустью припоминала примеры таких издевательств в свете и спрашивала себя с тоской, согласилась ли бы она сделаться одной из этих безответных жертв. Кровь бросилась ей в лицо, глаза засверкали, она сжала кулаки и с криком, который испугал ее своей резкостью, отвечала самой себе: «Ни за что!» Ее мысль тотчас заработала. Если сопротивление казалось ей необходимым, почему не вступить храбро в борьбу, чтобы попробовать взять верх? Достаточно ли только защищаться? Ограничится ли она тем, что оградит себя от нападения, или же станет воздавать злом за зло? Поединок, в котором один из противников только парирует удары, не отвечая на них, представляет собой уже неравную борьбу, Предоставит ли она Валентине с Превенкьером и Розе с Жаном интриговать против нее, не стараясь разрушить их замыслов? Говоря по правде, это значило бы сделать себя посмешищем и слишком облегчить им задачу.

Молодая женщина стала придумывать средства не дать себя в обиду и мысленно отыскивала себе союзников, Если бы она являлась здесь единственным страдательным лицом, если бы для нее дело шло лишь о том, чтобы помешать Томье жениться на Розе, всякое сопротивление, пожалуй, было бы напрасно. С того момента, когда Томье солгал ей накануне, на него нельзя было больше полагаться. И ничто не могло его остановить, если он действовал заодно с Превенкьером и

Розой. Обманутая женщина ни в ком не встречала поддержки. Материально она была бессильна, а с нравственной стороны у нее не было никакого права.

Но измена Томье осложнялась изменой Валентины. И это обстоятельство моментально изменяло положение: на сцену выступал Этьен. Жаклина хорошо знала мужа. Этот сладострастный человек, неспособный ни на какое усилие, когда дело шло о его богатстве и чести, был способен на всякие неистовства, когда угрожали помешать его удовольствию или даже нарушить его покой, Показать ему Валентину, осыпанную его золотом и готовую променять щедрого любовника на Превенкьера, значило подвергнуть опасности жизнь всех участников ловкой интриги. Томье, друг Жаклины, был его любимым приятелем, Томье, мечтающий жениться на Розе и помогающий сближению Превенкьера с госпожой де Ретиф, становился тотчас для Этьена последним человеком.

Жаклина испугалась опасностей, которые могло повлечь за собою разоблачение коварства двух вероломных друзей, и решила прибегнуть к этому отчаянному средству только в случае последней крайности. Но кроме него существовали другие, более мягкие средства. Веселая жизнь, тесно соединявшая всех этих существ, которые восстали теперь друг на друга, подстрекаемые своими потребностями и мечтами, представляла поле битвы, на котором должны были действовать различные партии. Друзья уже исполняли роль разведчиков, и каждый добровольно или бессознательно должен

был играть роль в беспрерывных схватках, которые обещали принести успех одним и поражение другим.

Первая стычка произошла между Жаклиной и Маршруа. У Леглиза был нанят близ Нельи участок земли, тщательно устроенный для игры в лаун-теннис. В теплое время года было принято около трех часов пополудни собираться туда для спорта, разговоров, завтраков и волокитства. Каждый имел право привозить своих знакомых. Таким образом, здесь часто сходилось до тридцати и сорока человек, которые рассевались по усыпанной песком площадке, по зеленеющим откосам и под навесами палаток.

В тот день собрание было многочисленным. В загородке для велосипедистов стояло до дюжины машин, которые тщательно обтирал и чистил особый чистильщик. У ворот вдоль забора выстроился ряд экипажей, слышались веселые возгласы. В матче участвовало четверо самых искусных игроков: Томье с госпожой Тонелэ против Леглиза и госпожи де Рово. Сторона Леглиза заметно отставала, и зрители ужасно смеялись над бешенством бесцеремонной госпожи де Рово, которая ругалась при каждом удачном ударе противника.

Под открытым небом, на скамьях и стульях разместились завсегдагаи, к которым примкнули на этот раз Превенкьер с дочерью. За госпожой де Ретиф увивались Бернштейн с Равиньяном, которых она смешила забавными замечаниями. Жаклина сидела в палатке с угощением, возле Маршруа, который кутил с равнодушным видом. Мячи летали один за

другим, подбрасываемые твердой и гибкой рукой игроков. Госпожа де Рово промахнулась по мячу, брошенному очень искусно Томье на уровне с землей, и в порыве гнева ударила ракеткой оземь, воскликнув:

– Ах, этот Томье, ему везет как роконосцу!

– Подождите, по крайней мере, пока он женится, – со смехом подхватил Леглиз.

– О, за этим дело не станет!

Всем стало неловко. Леглиз не любил, чтобы задевали порядок вещей, заведенный в его частной жизни. Поэтому он сказал с надменным видом госпоже де Рово:

– Вместо того, чтобы говорить глупости, будьте повнимательнее к игре. Если так пойдет дальше, мы потерпим постыдное поражение.

И они опять принялись подбрасывать мячи с замечательной ловкостью. При грубой выходке госпожи де Рово Маршруа взглянул на Жаклину. Та продолжала улыбаться.

Маршруа решил заговорить.

– Я, право, начинаю думать, что не мешало бы произвести очистку в нашем обществе, – сказал он. – Леглиз, по видимому, не замечает, что тон некоторых его приятельниц может скомпрометировать порядочных женщин, бывающих здесь. Что он смотрит, право?

– Вы уж очень строги, – спокойно заметила Жаклина.

– О, меня это несколько не стесняет.

– Значит, вы намекаете на госпожу де Ретиф?

Против всякого обыкновения, в словах Жаклины было столько едкости, что Маршруа с удивлением поднял голову.

– Успокойтесь, – прибавила госпожа Леглиз. – Судя по всему, ей недолго придется терпеть.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил заинтригованный брат.

– А то, что, когда она выйдет за Превенкьера, ей не будет надобности бывать у нас, если это ей не нравится.

– Но, сударыня, я не понимаю, с чего вы взяли...

Не отвечая ничего, она указала жестом на вершину зеленого вала, который составлял с одной стороны площадки для игры нечто вроде трибуны для зрителей. Там стояли Валентина с Превенкьером в оживленной беседе. Госпожа де Ретиф видимо кокетничала, играя глазами, стараясь обворожить своего собеседника улыбкой, грацией поз. Красавица-блондинка держала влюбленного под обаянием своего взгляда, окружая его своим очарованием, опьяняя ароматом. Ее игра восхищала смелостью, решимостью и искусством.

– Взгляните, как она старается, – с горечью заметила Жаклина.

Только слепой мог бы отрицать такую очевидность. Полагаясь на увлечение Этьена игрой, уверенная, что он не наблюдает за ней, и не подозревая пронизательности других или не заботясь об их мнении, госпожа де Ретиф «старалась», как выразилась сейчас ее приятельница, и знала, что своим старанием может получить миллионы. Маршруа сме-

шался и произнес с удивленным видом:

– Как, сударыня, вы думаете?..

– Я уверена. К счастью, Этьен пока ничего не подозревает.

Но ваша сестра очень смела и подвергает жестокому риску Превенкьера.

Маршрута насмешливо свистнул.

– О, не беспокойтесь в этом отношении! Ему нечего бояться Этьена... Напротив!

– Как же так?

– Наш друг должен ему слишком большую сумму, чтобы позволить себе особенную придирчивость... Кроме того, неужели вы считаете Превенкьера таким опасным? Моя сестра любит кокетничать, она, пожалуй, и пробует ему понравиться, однако отсюда еще далеко до намерений, которые вы ей приписываете, а также до их осуществления... Вдобавок это меня не касается. Вы знаете, что моя сестра свободна в своих действиях, что я никогда не вмешивался в ее дела и не имею никакого влияния на Валентину.

– Тем не менее вы можете дать ей совет.

– Конечно.

– Ну, так передайте ей наш разговор. Этого будет достаточно, чтоб открыть ей глаза и заставить ее на что-нибудь решиться. Я держу себя пока относительно ее, как подруга. Но примусь действовать смотря по тому, в какую сторону повернет она.

Раздались громкие крики и рукоплескания. Победа Томье

и госпожи Тонелэ вышла блестящей. Сторона Леглиз – Рово потерпела непривычное поражение. Игроков окружили. Бернштейн пытался утешить свою приятельницу, которая молчала, стиснув зубы, подавленная неудачей. Леглиз, как превосходный игрок, смеялся и над своим провалом и над бешенством своей партнерши. Он любезно поздравлял победителей.

– Этот Томье непобедим! Ему все удастся!.. Что же касается госпожи Тонелэ, то она играла, как божество. Правда, что юбка у ней до такой степени в обтяжку, что я невольно рассеивался... Нам надо регламентировать костюм наших дам; он действительно дает им слишком много преимуществ перед нами.

Томье приблизился к мадемуазель Превенкьер и разговаривал с нею, такой смуглый и здоровый в своем костюме из белой фланели.

– Вам не нравится эта игра, которой все увлекаются? Если смотреть со стороны, не верится, чтобы она могла доставлять малейшее удовольствие. В ней удивительно мало интереса; но едва вы возьмете ракетку и перебросите несколько мячей, как эта забава переходит в страсть. Вам следовало бы заняться ею. Теннис по преимуществу дамская игра: она требует только гибкости и верности взгляда, но не силы. Поэтому вы видите, как отличаются в ней наши дамы. Леглиз играет хорошо, я также. Но госпожа де Рово и госпожа Тонелэ далеко превосходят нас. Что же касается госпожи Леглиз, которая

держится в стороне, то ей нет равной во всей нашей компании. Она, так сказать, непобедима, только с некоторого времени она ограничивается ролью зрительницы.

Понимая, что разговор идет о ней, Жаклина приблизилась и подросла как раз, чтобы отвечать:

– Мне действительно немного надоели физические упражнения. Все, что выводит женщину из ее спокойной среды, чтобы толкнуть в сферу лихорадочной деятельности, раздражает меня. Должно быть, это оттого, что я старею.

Поднялись шумные протесты. Она продолжала:

– Вот мне опротивели езда на велосипеде, игра в теннис, в гольф, охота... Прежде нравились, а теперь надоели. Так и все на свете: сперва любишь, потом охладеваешь...

В ее последних словах было столько грусти, что Роза пристально взглянула на молодую женщину, Жалоба Жаклины отдалась у нее в сердце, точно горький упрек, В чем? Ее бросило в краску, и она с беспокойством перевела глаза на Томье. Он хладнокровно улыбался, точно ничего не слышал. Между ним и Превенкьером зашел спор насчет футбола; один из них сожалел о слабости мускулов у французской молодежи, другой называл отталкивающей дикостью любовь англосаксов к этому спорту, где пускают в ход пинки и кулаки. На слова госпожи Леглиз они оба не обратили внимания. Их равнодушие успокоило Розу. Однако она дала себе слово расспросить отца.

В палатках, где переодевались играющие, слышался хохот

молодых женщин. Новая партия составила между Бернштейном и госпожой Варгас. Полковник Тузар рассказывал Равиньяну и Тонелэ, что проехал в то утро восемьдесят километров на своем автомобиле, но застрял на версальских мостовых вследствие важного повреждения в машине.

– А как же вы вернулись?

– По железной дороге. Мой механик привезет автомобиль сегодня вечером. Вот чем они нехороши: не могут одолеть мостовой. Все гайки ослабнут, шкворни свалятся, и вы ни с места.

– Надо вымостить деревом казенные дороги, – иронически заметил Равиньян.

– Людовик XIV не предвидел неудобств, когда создавал все эти прекрасные пути сообщения, чтобы посещать свои королевские резиденции.

– В то время тащились с трудом по два лье в час.

– А теперь у нас упоение быстротой. Люди мчатся сломя голову...

– Да и проламывают головы себе и другим.

– Ах, пешеходы так мешают!

– И экипажи также.

– Это верно; упраздним экипажи и пешеходов, – заключил Равиньян. – Мир обратится в автомобиль или перестанет существовать. Автомобилизм или смерть!

– Знаете ли, что случится, если вы будете надоедать публике своими «теф-теф»? – сказал Тонелэ. – Вам закатят та-

кой налог на автомобиль как предмет роскоши, что только большие богачи будут в состоянии отравлять воздух вашим поганым керосином... Да так и надо!

– Однако это не гаже вашей фотографии, – едко возразил полковник, – а когда кто-нибудь становится против моего автомобиля, я уж не даю промаха, не то что вы со своим аппаратом!

– Хвастайтесь больше! – подхватил Тонелэ. – Скоро вы станете гордиться тем, что давите крестьян. В вас будут еще палить из револьверов, старина, что уже объявлялось в газетах, и поделом! Нет, право, это сногшибательно! Еще установят орден, чтобы награждать им героев, которые давят народ. Автомобильная заслуга!

– Ведь получают же иногда почетные пальмы кавалеры «моментальных снимков»!

Тонелэ, который только что получил звание офицера академии после выставки любителей, сделался цвета ленточки у себя в петлице и, схватив любовника жены за лацкан сюртука, отчеканил;

– А знаете ли вы, милостивый государь, что я не расположен выслушивать ваши пошлости?

Голос и жесты этих двоих людей, которые страшно ненавидели друг друга, сделались угрожающими, несмотря на попытки судьи вмешаться в их спор. Но тут из палатки вышла свежая и улыбающаяся госпожа Тонелэ в очаровательном костюме беж, изящно облежавшем ее стройную талию. Мягкой

поступью приблизилась она к спорщикам и тотчас взяла сторону мужа.

– Что это значит? Гвардия схватилась с армией! Прошу вас покорнейше оставить в покое моего мужа, слышите, полковник? У него свои взгляды, у вас свои. Они не одинаковы, и тем лучше! Иначе не знал бы, как вам угодить.

Молодая женщина бухнула эту глупость с видом такой сияющей спокойной веселости, что заспорившие мужчины как будто устыдились смущать эту восхитительную безмятежность. Они замолчали, и тогда она скомандовала:

– Ну, подайте друг другу руки и помиритесь.

Кавалеры беспрекословно повиновались, хотя продолжая еще ворчать сквозь зубы, но уже успокоившись.

– В добрый час! – подхватила барынька. – Вот что значит укрощать диких зверей! – Она перевернулась с веселым хохотом на одной ножке и воскликнула: – Ай, умираю с голоду! Не пора ли чего-нибудь поклевать?

Все трое мужчин пошли с ней завтракать в палатку. Роза с Превенкьером уезжали. Томье провожал их до экипажа. Озабоченный вид молодой девушки поразил его. Он сделал попытку узнать, что ее опечалило.

– Эта напряженная жизнь окружающих нас людей ошеломляет меня, и я чувствую себя разбитой, – уклончиво отвечала она.

– Не думайте, чтобы они также не утомлялись, – сказал Томье. – Только они не могут остановиться из боязни, что у

них тогда не хватит необходимого подъема сил, чтобы продолжать. Эти люди бегут вперед по инерции.

– Ну, а вы-то как же сами подражаете им при таком здоровом взгляде на вещи?

– Я ищу только случая остановиться, – отвечал со смехом Жан. – Летя на одном с ними поезде, я лишь выжидаю станции, и тогда, вот увидите, как ловко спрыгну на платформу!

Он пожал руку Превенкьеру, поклонился Розе и вернулся за ограду тенниса, не дожидаясь, когда отъедет коляска. Томье высказал то, что желал, и очень кстати удалился, не наблюдая действия своих слов. Отец и дочь, поднимаясь к лесной аллее, задумчиво молчали, Они вышли из экипажа во дворе своего отеля, в который Превенкьер всегда вступал не иначе как с чувством затаенного восхищения. Миновав великолепные сени, куда выходила громадная зал-галерея, он остановился и сказал Розе:

– Ты поднимешься к себе?

Этот вопрос, по-видимому, подал Розе новую мысль. Она посмотрела на отца и отвечала:

– Если ты позволишь, я пройду с тобою в твой кабинет. Мне нужно кое-что сказать тебе, а в экипаже это было неудобно из-за лакея и кучера...

– Значит, что-нибудь важное?

Превенкьер вошел в библиотеку, служившую ему кабинетом и курительной комнатой. Он был озабочен, предчувствуя, что дочь заговорит с ним о госпоже де Ретиф. Опу-

стившись в большое кресло у письменного стола, отец ждал, что скажет Роза. Молодая девушка также, по-видимому, искала этого разговора, как и Превенкьер. Она рассеянно подошла к окну, вернулась к камину, потом взяла легкий стул и поставила его возле отцовского кресла. Наконец мадемуазель Превенкьер села и начала дрожащим голосом:

– Я желаю потолковать с тобой о де Томье...

При этих словах всякое замешательство оставило банкира. Он выпрямился, улыбнулся, взял руку дочери в свои и спросил с глубокой нежностью:

– Почему ты приступаешь к такому простому предмету разговора со всевозможными предосторожностями? Ты взволнована. Что это значит? Разве ты потеряла ко мне доверие? Взрослая девушка! Да разве мы не можем говорить с тобою вполне откровенно? Успокойся, я тебя слушаю. А главное, говори прямо.

Ободряющая речь отца успокоила Розу. Ее бледность прошла, к ней вернулось обычное хладнокровие, и она заговорила без обиняков:

– Я заметила, что де Томье интересуется мною с некоторых пор. Надо думать, что и ты это заметил. Такое внимание могло быть только лестным, если бы де Томье не находился в особенных условиях, которые я прошу тебя мне разъяснить. Как ты сейчас сказал, я взрослая девушка и знаю жизнь; значит, от меня не следует скрывать обстоятельств мужчины, который, по-видимому, думает на мне жениться.

– А-а, вон ты куда клонишь речь, – сказал Превенкьер, – Да, я тебя понимаю, но выскажись определеннее.

– Хорошо! Какого рода отношения существуют между Томье и госпожой Леглиз?

– Боже мой, милая Роза, если ты спрашиваешь, то, следовательно, знаешь, в чем дело! Поставить вопрос значит его разрешить.

– В таком случае, де Томье любовник госпожи Леглиз?

– Уже давно.

– Но что же говорит на это Леглиз?

– Ровно ничего, как видишь.

– Он, вероятно, делает то же самое со своей стороны?

При этих словах Превенкьер пошевелился в своем кресле, точно сидел на горячих углях. Разговор в одну минуту принял для него угрожающий оборот. Он видел, что сейчас зайдет вопрос о госпоже де Ретиф, и сердце у него упало. Банкир поспешил удалиться от этого щекотливого предмета.

– Не следует, дитя мое, судить нравы этих людей с точки зрения строгой буржуазной морали Ты сама могла видеть, что у них особые понятия о долге и что они выработали для своего обихода правила, имеющие целью одно удобство существования. Прежде всего не следует ни стесняться, ни скупаться – таков руководящий закон всех их действий. В результате самая широкая свобода для каждого поступать, как ему заблагорассудится. И они пользуются ею. Известно, что вот уже несколько лет между госпожой Леглиз и Томье установи-

лась прочная связь. Если бы госпожа Леглиз обманула Томье или он ее, это вызвало бы еще худший скандал, чем предшествовавшая измена госпожи Леглиз мужу. Тем не менее бесспорно, что эти узы, как бы они ни были тесны, пожалуй даже теснее брачных уз, с течением времени ослабевают. Прожив семь, восемь лет с любовницей, мужчина отлично замечает, что он несет все неудобства супружества, не пользуясь его преимуществами. В результате – к зрелым годам фатальный перелом, наказание женщине, которая вела себя дурно; оно заключается в попытке любовника покинуть предмет былого увлечения. Любовник не женат и может думать еще о будущем, мечтать о том, чтобы обзавестись собственным домом, иметь детей, семью. Вот подводный камень, о который обыкновенно разбивается барка адюльтера, расцвеченная флагами, веселая и пестрая, которая сулила привести влюбленных к вечному счастью. Любовник хочет выйти на сушу, любовница старается снова пустить барку по волнам. Отсюда – борьба, столкновение, мольбы, слезы. Если мужчина уступит, то опять отчаливает от берега, и тогда он погиб безвозвратно. Ему предстоит спуститься вниз по реке до самого конца, а здесь его подстерегают старость, болезнь, уныние и смерть. Томье, по-моему, разбирает охота спрыгнуть на землю; весь вопрос в том, сумеет ли он, а главное, стоит ли тебе помочь ему в данном случае.

Наступило молчание. Роза подумала и продолжала:

– Я угадываю это. Но ты вполне разъяснил мне положение

дел. Де Томье разлюбил госпожу Леглиз, а госпожа Леглиз продолжает любить де Томье. И, наверно, она подозревает намерения своего друга, подозревает и горюет. Уж не я ли виновата в этой перемене взглядов Томье? Если бы не я, стал ли он думать о другой женщине?

– Будь уверена в том, – с живостью подхватил Превенкьер. – Ты видишь, как далеко простираю я свою откровенность с тобою, чуть не до грубости. Я согласен, что ты нравишься Томье, но думаю, что ему вместе с тем надоела теперешняя беспутная жизнь. Ему хочется свернуть на новую дорогу, и он юлит около тебя не потому, что влюбился до безумия, – ты явилась как раз в тот момент, когда он вздумал искать себе жену. Он тебя видел, разговаривал с тобою, он знает, что ты богата; все это, вместе взятое, подало молодому человеку мысль, что ему никогда не найти более подходящей партии. И я сознаю, что он прав. Вот баланс операции; пассив и актив Томье. Реши, как ты хочешь поступить.

– Де Томье мне нравится, он благовоспитан, умен и в высшей степени симпатичен; я считаю его искренним. Но следует ли мне соглашаться на то, что прежде всего повлечет за собой несчастье доброй и очаровательной женщины?

– О, на этот раз ты мелешь вздор! – перебил Превенкьер. – Говоря таким образом, ты, кажется, смотришь на связь госпожи Леглиз и Томье как на нечто законное. Ничуть не бывало! И госпожа Леглиз несет теперь заслуженное наказание за свою безнравственность, ни больше ни меньше. Я знаю,

как тяжело и стеснительно для такого деликатного человека, как ты, быть причиной горя твоей соперницы. Но что ты можешь сделать? Это не твоя вина. Если Томье не женится на тебе, он, вероятно, женится на другой молодой девушке, и, пожалуй, ты со временем раскаешься, что оттолкнула от себя милейшего человека, который сделал бы тебя чрезвычайно счастливой. Ведь на вещи надо смотреть здраво. Томье в своем настоящем положении, изведав все радости жизни, будет идеальным мужем для такой девушки, как ты. Нечего бояться, что он испортит теперь свою будущность из-за женщины. Можно быть уверенным, что кутежи ему приелись. Он делается степенным, серьезным, безупречным и удовольствуется с этих пор легальным счастьем, позволительными наслаждениями. Дом его будет одним из самых приятных в Париже, а за городом он устроится на широкую ногу: займется коннозаводством, охотой и тому подобными делами. Он станет собирать редкости, как знаток и любитель. Я предвижу заранее, какой из него разовьется важный аристократ. С его выдержкой, вкусами и при твоем богатстве ему, наверно, предстоит выдающаяся роль в большом свете Парижа, Право, прежде чем отказываться от подобных преимуществ, надо поразмыслить.

Роза слушала своего отца сначала внимательно, потом с удивлением. Она дала ему кончить и потом спросила с несколько лукавым добродушием:

– Однако, папа, кто сообщил тебе такие подробные сведе-

ния о де Томье? Много говоришь ты не от себя. Конечно, у тебя верный взгляд, но на этот раз к твоим суждениям при-мешиваются и чужие мнения.

Превенкьер смутился, но ненадолго.

– Ты угадала! Я еще раньше тебя нашел нужным навести справки, видя, к чему клонится дело, и с этой целью обратился к одной особе, такту и проницательности которой нам обоим можно доверять.

– К госпоже де Ретиф?..

– Да, к ней. Ты знаешь, что ей известны все хорошие и слабые стороны того кружка. Я попросил ее откровенно описать мне Томье, и госпожа де Ретиф выказала необыкновенную искренность и доброту. Я убедился, что она питает к тебе большую привязанность и не допустила бы твоего несчастья или какого-нибудь обмана по отношению к тебе. Поэтому в настоящем деле эта добрая душа встала вполне на нашу сторону, забыв узы дружбы, привязывающие ее к семейству Леглизов, и короткость с главными заинтересованными лицами в том вопросе, который нас занимает. «Роза должна стоять на первом плане, – сказала она мне, – для нее я готова выдать лучшего друга. Это дело совести. Какой существенный ущерб может произойти для госпожи Леглиз от разрыва с Томье? Много горя, много унижения. А что может повлечь за собою для Розы брак с Томье, если он окажется неудачным? Несчастье целой жизни. Поэтому надо быть осмотрительным и жертвовать всем, что не клонится к прямой поль-

зе вашей дорогой дочери. Ведь это она подвергается самым ужасным опасностям, и участь госпожи Леглиз, брошенной Томье, не может сравниться с судьбой Розы, вступившей в несчастный брак с человеком, который покинет ее, чтобы вернуться к рассеянной жизни. Ну так вот, говорю вам, что Томье – жених надежный. Ему надоело цыганское существование; он думает только, как бы ему обзавестись женой, хозяйством, детьми. Он жаждет, скажем прямо, даже если вы находите это не особенно лестным для Розы, жаждет остепениться: значит, вы найдете в нем самого солидного зятя, могу вам поручиться. Передайте, если хотите, все сказанное мною вашей дочери, и я сама готова поговорить с ней, если нужно». – Превенкьер остановился, посмотрел на задумчиво сидевшую Розу и заключил: – Вот что сделал я, вот что сделала для тебя госпожа де Ретиф. Это незаменимый друг. Вообще, чем больше я узнаю эту чудную женщину, тем больше восхищаюсь ее душой. Как могла она жить в компании Леглизов, такой безнравственной, шумной, себялюбивой, при ее деликатности и достоинстве? Решительно непонятно! Должно быть, Маршруа, человек порядком неразборчивый в средствах, завлек ее туда и не давал ей вырваться ради своих интересов. Она же, из боязни одиночества и по доброте, мирилась с образом жизни, который ей претил. По крайней мере, госпожа де Ретиф дала мне это понять со свойственной ей сдержанностью. Она и полюбила тебя так сильно потому, что ты не похожа на тех, которые ее окружают.

– Да, госпожа де Ретиф очень симпатичная женщина, – подтвердила Роза с жестом одобрения. – Между ней и де Томье есть много общего; не мудрено, что она взяла его под свое покровительство.

– Что ты хочешь этим сказать? – с тревогой спросил Превенкьер.

– А то, что им обоим надоело жить в этой среде, которая сначала, вероятно, нравилась им по некоторым важным причинам, а теперь перестала нравиться по другим, не менее веским доводам.

Может быть, мадемуазель Превенкьер чего-нибудь тут и недоговорила; однако она остановилась и перешла на другой предмет:

– Благодарю тебя за все, что ты сообщил мне относительно положения де Томье. Значит, по-твоему, если я позволю ему просить моей руки, то буду виновата перед госпожой Леглиз только косвенно и что, во всяком случае, их связь не сегодня-завтра должна прекратиться? Ты полагаешь, что брак с человеком, выдавшим виды на своем веку и некоторым образом застрахованным против безнравственности, будет благоразумен и выгоден? В конце концов, все холостяки женятся при подобных условиях, то есть непременно покидая какую-нибудь женщину. Единственная разница в том, что в большинстве случаев невеста ее не знает, а в данном случае знает, находит симпатичной и хотела бы ее пощадить.

– Вот именно. Твое дело – решить.

– Я хочу сначала подумать. Потом, конечно, надо будет поговорить с де Томье. Ведь я рассчитываю, что все будет вестись начистоту. Если я только подмечу какой-нибудь намек на подозрительную сделку, низкий расчет или двусмысленную хитрость, я тотчас прерву всякие переговоры!

– Это будет вполне зависеть от тебя. Но что тебя так мучит?

– Я боюсь, как бы меня не заставили совершить дурной поступок. Безошибочный инстинкт всегда предостерегал меня против того, чего не следовало делать. «Долг» – слово очень громкое, однако я нахожу, что оно применимо в данном случае. Когда ты был разорен, и всех наших знакомых смущало новое положение, которое могло изменить и действительно так глубоко изменило их чувства к нам, большинство лиц, жалевших меня, советовало мне не брать на себя никаких обязательств перед твоими кредиторами: «Не вмешивайтесь ни во что, выждите, что будет, предоставьте им представить иски, не идите ни на какие уступки, Ваше состояние неотъемлемо принадлежит вам, как материнское наследство. Благодаря ему, вы независимы. Когда же вы бросите его в бездну отцовских долгов, из этого не выйдет ничего путного, У вас не останется ни гроша, а кредиторы не скажут вам спасибо за вашу жертву. Они и знать вас не захотят, сочтут глупой и не поклонятся даже вам на улице, хотя вы отдали им все, что имели. Уважают только богачей, а бедных презирают. Не разоряйтесь добровольно. Тогда все,

кому должен ваш отец, станут вам выказывать уважение за то, что вы сумели сохранить свое богатство, даже к их ущербу». Вот что говорили мне в твоей гостиной, пока ты бился в своих бюро между маклерами, покупателями и биржевыми спекулянтами. И все это оказалось справедливым. Человечество действительно так низко, гадко, так себялюбиво, как утверждали те, которые советовали мне допустить объявление твоей несостоятельности на бирже. Я узнала это потом, и все, что мне предсказывали, оправдалось точка в точку. Между тем я слушала и думала про себя: «То, что мне советуют, – практично, рассудительно с точки зрения ходячей морали. Но достойно ли это дочери, которая любит и уважает отца?» И я чувствовала, вопреки лицемерным внушениям, вкрадчивым советам, что это гадко и низко, что я не должна так поступать, а руководствоваться только своей совестью. Я послушалась своего сердца и отвернулась от зла. Я разорилась, ты не был обеспечен, но все отвернулись от меня. Однако внутренний голос говорил мне: «Те, которые не хотят тебя больше знать, – негодяи, а ты – честная девушка». И вот теперь при новом важном шаге я хотела бы сохранить о себе то же хорошее мнение и потому взвешиваю каждую мелочь. Я чувствую пока еще смутно, но все-таки чувствую, что мне не следует поощрять разрыва Томье с госпожой Леглиз. Вот в чем суть. Простое дело, а между тем не шуточное.

– Ты меня вводишь в область утонченной психологии. Мне известна твоя добросовестность. Относительно меня

она дошла до геройства. После твоей жертвы я не мог полюбить тебя больше, чем любил раньше; но я был очень рад, когда представил тебе свои счета по возвращении и сообщил тебе, что ты обладаешь миллионами, не говоря уже о будущем. Ты наделена высшей деликатностью. Берегись, однако, резонировать слишком много. В иные минуты следует иногда больше руководствоваться своим сердцем, чем умом. Нравится тебе Томье?

– Очень. Иначе я не стала бы о нем и толковать.

– Ты будешь огорчена, если тебе не придется за него выйти?

– Конечно.

– Ах, черт возьми! Тогда надо устроить это дело. Надо... Да, должно же найтись средство устранить препятствия, которые ты, однако, преувеличиваешь, позволь тебе сказать... Но ты в своем праве! Прежде всего необходимо исполнить твое требование; предоставь же мне действовать. Сейчас мы сядем за стол, а после обеда я побываю у госпожи де Ретиф. Мы с ней потолкуем серьезно и увидим, что предпринять. Этот канальский Томье действительно прелестный малый, благородный, изящный, любезный...

Превенкьер прохаживался взад и вперед по кабинету, а Роза, сидя на том же месте, устремив глаза в пространство, представляла себе маленький магазин в Блуа, куда однажды после жестокой грозы вошла молодая элегантная дама с красивым брюнетом, который улыбался, как влюбленный. Она

сочла их за новобрачных, и в ней шевельнулась даже мимолетная зависть девушки, пожертвовавшей собою, зависть к этой красивой парочке, которая обменивалась такими нежными взглядами и ласковыми речами. Розе припомнилось, как красавец брюнет спросил цену заказной шляпы и вынул два червонца из кармана, чтоб положить их на медную дощечку кассы с видом счастливого проказника. Они не могли насмотреться друг на друга и были влюблены без памяти.

И вот молодая девушка встретила их, вернувшись в Париж, много времени спустя; случай свел их лицом к лицу. Но теперь картина переменилась. Некогда сиявшие нежностью лица были встревожены и угрюмы. Женщина была по-прежнему изящна и любезна, мужчина красив и молод. Но они не наклонялись больше один к другому, как будто увлекаемые потребностью без конца смотреть друг на друга, дышать одним воздухом, сливаться в объятии. Они отдалялись, по крайней мере, один из них, а на глазах покинутой навертывались крупные, горькие слезы, — печальная расплата за счастье! Тяжелый вздох всколыхнул грудь Розы. Ей в ту же минуту представилось в магазине в Блуа другое лицо, простое, наивное лицо Проспера Компаньона, брата ее подруги. Он также любил, но робко и терпеливо. Никогда ни одно слово не выдало его тайны. Да и на что мог он рассчитывать? Как мог бы он бороться против своего торжествующего соперника? Он даже и не пробовал. Печальный и покорный судьбе, Проспер стушевался, чтобы не омрачить блестящей карти-

ны, где он появился лишь на один день. Он жил возле отца в булонском домике среди цветов, но без радости и грустил. Роза знала отчего.

Не было ли странного сходства в их обоюдной судьбе? Она рискнула остаться старой девой ради долга, как он, наверно, останется старым холостяком ради верности. Непредвиденное обстоятельство изменило условия ее жизни. Но что изменит их для него? Он понял, что это невозможно, и уступил другому свое место. Можно ли было колебаться между Жаном Томье и Проспером Компаньоном? Какая женщина была бы способна на это? А между тем с некоторой горечью Роза сознавалась себе, что торжествующий претендент на ее руку представлял, пожалуй, меньше гарантий счастья, чем скромный влюбленный, и что, выбрав его, она подвергалась большему риску.

Но соблазны среды оказали свое действие. Обаяние блестящих связей, прелесть правильно понимаемой роскоши, умение придать цену значительному состоянию и все, что сулил союз с Томье, по метким указаниям Превенкьера, говорило в пользу его сватовства. Он, наверно, сумеет устроить роскошное существование, обеспеченное трансваальскими миллионами и обещающее доставить шумный успех мадемуазель Превенкьер. Томье льстил тщеславию, подготавливая соблазнительные реванши и, кроме того, нравился лично... Кому же было соперничать с ним в том кругу, где вращалась Роза? Уж, конечно, не безвестному инженеру, кото-

рый убивался, стараясь найти секрет химических реактивов, носил такие плачевные сюртуки и только... любил всем сердцем! Метрдотель неожиданно отворил дверь кабинета, чтобы доложить торжественным тоном:

– Кушать подано!

– Как, уже обед? – воскликнул озадаченный хозяин. – Заговорились же мы с тобою, Роза! Впрочем, эти два часа не пропали у нас даром. Так ты остаешься при том, что сказала? Могу я заняться Томье?

Роза потрянула головой, точно желая отогнать докучную мысль, и решительно ответила:

– Да, отец.

Глава 8

Маршруа не имел привычки отступать перед объяснениями хотя бы самого щекотливого свойства, как человек далеко не щепетильный. Поэтому он поспешил передать сестре поручение госпожи Леглиз.

– Будь поумней, не доверяйся твоей приятельнице Жаклине, – сказал он. – Она отлично подмечает твое кокетство с Превенкьером. Это были бы пустяки, потому что я не считаю ее способной сыграть с тобою шутку, предупредив Леглиза, если б тут не был замешан личный интерес, если б она не пронюхала также о планах Томье относительно мнимой модистки.

Госпожа де Ретиф, полировавшая ногти у себя в уборной во время этого разговора, покраснела с досады и тотчас возразила:

– Я нахожу совершенно непристойным с твоей стороны отзываться в таких выражениях о прелестной девушке, и вдобавок моей знакомой. Предоставь лучше эти идиотские шутки Берштейнам и Варгасам. Достойно ли тебя делать вид, будто бы ты презираешь мадемуазель Превенкьер за то, что она работала иглой?

– Та-та-та, – перебил Маршруа, – не горячись, пожалуйста! Прими поближе к сердцу лучше твои собственные дела. Ведь я неспроста затеял с тобой весь этот разговор.

– Тогда говори толком.

– Я узнал из слов госпожи Леглиз, что она поняла, какую роль играешь ты в сближении мадемуазель Превенкьер с Томье; затеянное тобой сватовство возмутило ее как нельзя более. Берегись, Валентина. Впрочем, жена Этьена не думает хитрить; она прямо попросила меня передать тебе, что поступит сообразно тому, как ты будешь действовать относительно ее.

– Как, формальное объявление войны?

– Нет, только ультиматум, но решительный.

– Хорошо, я с ней повидаюсь.

– Неужели ты прямо заговоришь с ней о таком скабрёзном предмете?

– Разумеется, и нимало не колеблясь. Это единственный способ вести дела. Гораздо лучше действовать смело.

– Да, я знаю, это твой любимый прием. Но ведь ты всегда имела столкновения с мужчинами, а мужчины несравненно глупее женщин.

– Ты меня удивляешь.

– И не думаю.

– Ну, тогда ты хитер... Так это все, что ты хотел мне сказать?

– Кажется, довольно и этого.

– Скажи мне, не стал Этьен Леглиз прилежнее заниматься делами с тех пор, как реже видит меня?

– Нет, он чаще ходит в клуб, вот и все.

– А деньги Превенкьера?

– Они тают.

– Несчастный человек; он кончит плохо!

– Сам виноват. Богу известно, что мы не жалели для него добрых советов. Но это безумец! Прощай.

Маршруа поцеловал сестру в лоб и ушел. Часов в пять госпожа де Ретиф приехала к Жаклине. Молодая женщина сидела в саду под навесом беседки среди благоуханий цветочных клумб; плещущая струя фонтана, дробясь в мельчайшие брызги, освежала воздух. Хозяйка дома увидела свою приятельницу, спускавшуюся с террасы в сопровождении лакея; гостья вступила в извилистую аллею и пошла по ней эластичным, бодрым шагом без малейшего колебания. Жаклина всматривалась в ее улыбающееся лицо, в ее светлый туалет, наблюдала за ее смелой походкой. Вид этой женщины ничем не бросался в глаза. Она и сегодня была такою, как всегда. Между тем Маршруа, наверно, исполнил свое поручение, и если госпожа де Ретиф явилась сегодня сюда, то, значит, угроза подействовала. А между тем – никаких следов беспокойства!

– Здравствуй. Как поживаешь? – посетительница как ни в чем не бывало взяла дрожащую руку Жаклины и твердо пожала ее по-мужски.

– У меня слегка болит голова, – ответила госпожа Леглиз, – Потому-то я и сижу здесь. Кроме того, в саду удобнее разговаривать: никто не застанет врасплох.

– Это как нельзя более кстати, потому что я намерена поговорить с тобою серьезно, – сказала госпожа де Ретиф, – и поговорить о вещах, близко касающихся тебя, если только ты не пожелаешь отложить этот разговор из-за твоей головной боли.

– Ничуть не бывало. Говори. Я слушаю.

Гостья подседа к Жаклине и пристально взглянула ей в лицо.

– Дело в том, что брат передал мне от тебя поручение; оно требует некоторых добавочных разъяснений, потому что я не совсем поняла его смысл. Ты, по-видимому, обвиняешь меня в измене нашей дружбы из-за того, что я поддерживаю перед Превенкьером кандидатуру Томье, который метит в женихи его дочери, Верно ли это?

– Совершенно верно.

– По какому поводу вздумала ты меня подозревать? Значит, тебе известно что-нибудь насчет намерений Томье? Ведь для того, чтоб я поддерживала его кандидатуру, надо прежде всего, чтоб он просился в кандидаты.

– Я уверена, что Жан изменяет мне и хочет жениться.

– Он сказал тебе о том?

– Нет! Напротив, отперся. Но я замечаю по всему, что он лукавит.

– Ну, а какой же интерес для меня содействовать его измене?

– Твоя цель – заручиться содействием Жана в деле поко-

рения Превенкьера, как его цель – заручиться твоим содействием в деле сватовства Розы. Между вами такой уговор: он женится на дочери, ты выйдешь за отца.

Госпожа де Ретиф на минуту задумалась, по губам у нее скользнула улыбка. Она тряхнула головой и заметила:

– Во всяком случае, ты говоришь напрямик, и тебя нельзя упрекнуть в скрытности. Значит, ты вообразила, что Томье хочет тебя бросить. Ты действительно должна сильно страдать при этой мысли, потому что любишь его беззаветно. Но, если он решил порвать вашу связь, как можешь ты надеяться помешать ему в этом? Мужчины не удержишь против воли, а любовь не терпит насилия.

– Я уверена, что если Жан намерен покинуть меня, то лишь по расчету.

– Однако ты судишь о нем слишком сурово.

– О, мне легче предположить в нем корыстолюбие, чем охлаждение.

– Значит, по-твоему, если б его не прельщало богатство мадемуазель Превенкьер, он не подумал бы расставаться с тобою?

– Я в этом уверена.

– А если ты в этом уверена, так что ж для тебя за важность, если он женится на ней?

При этом смелом вопросе Жаклина побледнела и встала с места. Она сделала несколько шагов, как будто озадаченная, и, вернувшись назад, села опять возле госпожи де Ретиф.

– Неужели ты считаешь меня такой дрянью, если думаешь, что я соглашусь делиться любимым человеком с другой женщиной? Неужели ты полагаешь, что я примирюсь даже с тенью измены? Мои приятельницы лицемерно обсуждают уже всю важность предстоящей мне обиды, а ты хочешь, чтоб я приняла ее с покорностью! Но что ты такое сама, если считаешь возможным подобное поведение?

– Э, перестань, пожалуйста, Разве ты первая примиришься для виду с женитьбой любимого человека, чтобы не потерять его окончательно? Мало ли видела ты матерей, которые выдают за любовника дочь, только чтоб он не ушел от них безвозвратно? Разве чувства женщины не могут переродиться относительно легко, что делает ее способной посвятить себя всю счастью любимого человека и думать только о его пользе? Неужели женщина должна непременно возненавидеть мужчину, который ее разлюбил? Разве ты дошла до того, что желаешь зла Томье при мысли, что он не прочь жениться на Розе Превенкьер? Не скрою от тебя, что это было бы проявлением дрянного эгоизма с твоей стороны. Если ты любишь этого молодого человека, то должна желать, чтоб он был счастлив, а если его счастье зависит от выгодной женитьбы, твой интерес, а также и долг заключаются в том, чтоб облегчить ему достижение этой цели. Самый серьезный упрек, который ты имеешь право сделать Томье, в том, что он не признался тебе в своих намерениях, если они действительно существуют. Он недостаточно верил в твою любовь, а такое

недоверие заслуживает порицания. Ну, а ты сама что забрала себе в голову? Вместо того чтоб быть благодарной Жану за то, что он выбрал девушку некрасивую, которую, очевидно, не может любить, ты входишь в азарт, ревнуешь, делаешь сцены сначала ему, потом мне. Да ведь это чистое безрассудство! Стоит тебе прямо взглянуть на жизнь с ее неумолимыми законами действительности, чтобы понять, как непрочны те узы, которые привязывают к тебе Томье. Тогда ты лучше оценила бы деликатность и доброту этого человека, который столько лет оставался верен вашей связи. Ведь это почти единственный пример в свете, где мы вращаемся. Между тем ты обвиняешь бедного малого, опираясь именно на эту верность, и во имя этого безупречного прошлого ты ставишь ему в преступление, что он хочет обеспечить свое будущее. Но ведь он не муж твой, а только любовник! Относительно тебя у него нет иных обязательств, кроме добровольных. Твой муж – это Этьен. А Этьен... Однако, моя малютка Жаклина, не станем заходить далеко, чтоб нам, как двум авгурам, не было трудно смотреть друг на друга без смеха!

Госпожа Леглиз, дрожа от сдержанного волнения, подняла на Валентину лихорадочно горевшие глаза и вымолвила тихим голосом:

– Да, Жан только мой любовник, но любовник, который клялся принадлежать мне безраздельно, без чего я не сошлась бы с ним, любовник, который должен был принадлежать мне душой и телом; теперь же он изменяет мне нрав-

ственно, прежде чем изменить физически! Не правда ли, ведь это феномен в том свете, в котором мы вращаемся, как ты сказала сию минуту, – женщина, желающая, чтоб ей оставались верны, и не изменяющая сама! После одного любовника другой, а если сегодняшний не понравился и оказался хуже вчерашнего, можно утешиться с завтрашним... Я знаю, что так делается и что дамы моего круга презреннее продажных женщин, потому что они больше лицемерят, но совершенно равны кокоткам по своей распущенности и порокам. Только я не хочу походить на них. Я полюбила чужого человека, изменив мужу, и он связан со мною обетом. Он мой, и я не уступлю его никому.

Госпожа де Ретиф с сожалением посмотрела на молодую женщину и, взяв ее за руку, заставила снова сесть возле себя.

– Неужели дошло до этого? Неужели дело так серьезно? Но ты не подумала хорошенько... Ты убиваешься, ты поддаешься горию, а оно дает тебе плохие советы. Надо опомниться, встряхнуться, серьезно вникнуть в свое положение и не кидаться ни на что сгоряча, Бедняжка Жаклина, мне искренно жаль тебя. Ты знаешь, что я нелицемерно привязана к тебе. Никогда не видела ты от меня неприятностей, огорчений. Ты несправедлива ко мне, я тебе докажу. Но, если б даже я намеревалась помочь Томье в тех планах, которые ты ему приписываешь, прими мой добрый совет и будь уверена, что я не научу тебя дурному.

– Отстань, ты лицемерка! Ты также изменяешь Этьену.

Берегись, однако! Ведь тебе известно, что он не такой безобидный, как я. И стоит его предупредить...

– Я нисколько не считаю тебя безобидной, – заметила Валентина, не отвечая на намек госпожи Леглиз. – Напротив, ты угрожаешь. Как, неужели у тебя такие недобрые замыслы относительно меня?

– Я защищаю свою жизнь, пойми же это наконец! Я не хочу быть такой, как вы все, я не хочу принадлежать всем мужчинам, которые меня пожелают. Я люблю Жана, я никого не любила, кроме него, и не буду любить.

– Но, моя милочка, я нахожу твою верность вполне естественной и чрезвычайно похвальной, только меня удивляет, что ты навязываешь мне какую-то вину в измене Томье. Чем могу я здесь помочь? Посмотрим, будь рассудительна в продолжение пяти минут и объясни, чего ты от меня хочешь. Клянусь, что если это что-нибудь возможное, я, не колеблясь, исполню твое желание.

– Я хочу, чтоб ты расстроила женитьбу Жана на мадемуазель Превенкьер.

– По какому праву?

– По праву приятельницы молодой девушки, а пожалуй, и по праву любовницы отца.

Госпожа де Ретиф сделала резкое движение. Ее лицо изменилось, а зеленые глаза потемнели.

– Вот видишь, как ты меня третируешь, – спокойно произнесла она. – Кто другой на моем месте перенес бы хладно-

кровно такие обидные предположения? Я не имею ни одного из тех прав, которые ты мне приписываешь, ни на Превенкьера, ни на его дочь. Они принимают меня сердечно, вот и все.

Жаклина язвительно усмехнулась.

– До сегодняшнего дня, да. Но завтра?

– Кто может знать, что готовит нам завтрашний день? – холодно вымолвила госпожа де Ретиф.

– Он готовит нам то, что мы подготовили себе накануне. Вот почему я говорю тебе сегодня все эти вещи, которые ты находишь для виду удивительными; но тебе не мешает принять их к сведению в интересах всех нас.

– Неужели в угоду тебе я должна заговорить с господином Превенкьером и Розою о твоих отношениях к Томье?

– Это необходимо.

– Так ты серьезно думаешь, что они ничего не знают?

– А разве они говорили с тобой о том?

– Никогда. Между тем ваша связь слишком на виду у всех, чтоб Превенкьеры могли не подозревать о ней.

– Однако они не могут знать обстоятельств, взятых на себя Жаном; вот о чем необходимо им сказать.

– Дорогая моя, ничто не указывает на то, чтоб они приняли это к сердцу. Если Томье так же щедр на общение с ними, как был с тобою, с какой стати они ему не поверят? Холостяки ежедневно бросают своих любовниц, чтобы жениться. К этому все привыкли, и здесь важно только одно: чтобы

молодой человек после свадьбы не вернулся к прежней возлюбленной. Это, конечно, риск. Но ведь брак влечет за собой так много других рисков. Если наш друг сумел доказать Превенкьеру и его дочери, что ты ему надоела, станут ли они обращать внимание на рассказы посторонних людей?

Валентина процедила яд этих слов так искусно, чтоб в одну минуту отомстить госпоже Леглиз за все оскорбления, полученные во время их разговора. Это было слащаво и ужасно, как отравленный мед.

– Неужели они будут настолько жестоки, что не пощадят меня, узнав всю правду?

– Но, если Роза любит Томье, пощадишь ли ты ее сама? Ведь тебе также хочется отнять у нее жениха.

– Но она крадет у меня Жана!

– По ее мнению, он тебе не принадлежит!

При этом ответе, который так верно и ясно определял положение дел, Жаклина в унынии опустила руки.

– Меня доведут до какого-нибудь безумного поступка, – произнесла она глухим голосом.

– Но, прежде чем выходить из себя, подожди, по крайней мере, пока ты узнаешь, что тебе угрожает. До сих пор ведь это все одни предположения.

– Я вижу по всему, что они справедливы! И мои личные наблюдения, и наветы окружающих, и твоя собственная уклончивость... Ты не хочешь связывать себя словом, скрытичаешь, а для тех, кто тебя знает, это явная улика, что

ты интригуешь в противоположном лагере, чтобы заручиться известными выгодами. О, ты практична и положительна! В мужчине для тебя олицетворяется любовь или деньги, не так ли? А если возможно, так то и другое вместе! Ведь ты способна попытаться удержать зараз возле себя и Этьена, и Превенкьера. Но берегись! Я раскрою твои махинации. А если ты меня предашь, как я думаю, то я тебе отплачу.

– Послушай, Жаклина, – серьезно возразила госпожа де Ретиф, вставая с места, – не злоупотребляй моим терпением. Я добра, ты знаешь, и я доказываю тебе в данную минуту свою доброту. Я не хочу придавать особенного значения твоим словам, сказанным в пылу гнева. Ты страдаешь, я тебя извиняю. Мало того, я обещаю тебе свою поддержку в пределах возможного, Но, если твои преувеличения и резкость возобновятся, наше доброе согласие будет нарушено непоправимо. Подумай хорошенько. Я желаю тебе только одного добра. Не старайся мне вредить. Кроме того, что это было бы недостойно женщины, которая так любит выставлять себя нравственнее других, это вдобавок неосторожно. Ведь если на вас нападают, то поневоле станешь защищаться.

Жаклина взглянула на свою приятельницу с беспредельной грустью и сказала почти разбитым голосом:

– В тот день, когда я решусь исполнить свои намерения, для меня все будет кончено и мне уже нечего будет больше бояться.

Она не взяла руки, протянутой ей Валентиной, простив-

шись с той лишь легким кивком головы, и, даже не ожидая ухода гостыи, села на прежнее место с мрачным взглядом и потупленной головой.

В тот же день Роза вышла из экипажа на улице Мира у дверей магазина, на вывеске которого красовалась надпись золотыми буквами: «Госпожа Паро, моды». Она поднялась по лестнице и, встреченная в прихожей мальчиком в ливрее, спросила мадемуазель Компаньон.

– Мадемуазель Гортензия, потрудитесь проводить эту даму в кабинет мадемуазель Компаньон.

– Пожалуйте, сударыня!

Они миновали два зала для приема публики, где стояли столы, покрытые моделями шляп из бархата, атласа, перьев и разноцветных бус, надетых на подставки черного дерева и похожих на роскошных бабочек. Приотворив дверь третьей комнаты, мастерица доложила тихим голосом:

– Сударыня, одна дама желает вас видеть.

Роза вошла в мастерскую, где у стола, заваленного обрезками материй, кружев и лент, Сесиль сочиняла шляпы в тишине этого уединенного уголка. При виде своей прежней товарки она покраснела от радости, бросила форму, которую отделявала своими ловкими пальцами, и воскликнула, вставая:

– О, Роза, это вы! Какой приятный сюрприз!

Мастерица ушла, подружки остались вдвоем, растроганные, улыбающиеся и счастливые, как в то время, когда они рабо-

тали сообща в маленьком провинциальном магазинчике.

– Я проезжала поблизости, и мне пришло в голову заглянуть к тебе.

– Значит, вам нечего делать сегодня? – робко спросила мадемуазель Компаньон.

– Да разве я теперь когда-нибудь бываю занята? Я убиваю время, что далеко не так приятно, как работать. Постой, однако, покажи, что ты мастеришь...

– Это шляпы для скачек. Не успеешь оглянуться, как наступит неделя скачек; тут понадобится что-нибудь новое, оригинальное... Вот я и ломаю голову... Взгляните, там три оконченных модели.

Она показала на три шляпы из соломы и тюля, отделанные цветами и птицами, стоявшие на столе.

– Недурно, в особенности та большая, цвета мальвы с гортензиями. Ну, а эта, над которой ты теперь работаешь?

– Ах, у меня ничего не выходит... Мне недостает вашей изобретательности! Шью я недурно, но мне не хватает фантазии, я сама знаю.

– Нет, твои шляпы очень удачны. Все мои знакомые заказывают у тебя и остаются довольны.

– Да, мои дела идут успешно, не могу пожаловаться. Но надо поддержать славу магазина... Госпожа Паро избаловала заказчиц своим изящным вкусом.

– Она любила все роскошное и массивное... Можно придумать что-нибудь и получше... воздушное, легкое идет го-

раздо больше молодым женщинам... Не думай об одних богатых вдовах.

– Зато они платят всех дороже и аккуратнее, – со смехом подхватила Сесиль.

– А у тебя есть и плохие плательщицы среди покупательниц?

– Конечно, не без того. Собирать деньги иногда трудненько... Но хорошие заказчицы вознаграждают меня за плохих.

– А как обращаешься ты с плохими?

– Одинаково, как и с хорошими, потому что чаще всего это очень красивые женщины и в большой моде, которые выставляют с выгодной стороны мой товар и тем приносят мне новые заказы... Только все они записаны в отдельную книгу, чтобы не путать отчетности...

– А, так они у тебя отмечены? – задумчиво сказала Роза.

– Да, для моего собственного сведения. Вы понимаете, конечно, что я прячу книгу этих записей, чтобы она не попала кому-нибудь на глаза.

Роза машинально сняла перчатки; взяв форму, она принялась складывать петлями ленты, располагать цветы, точно для забавы, и в одну минуту в ее ловких руках шляпа приняла изящный и кокетливый вид. Сесиль, смотревшая на работу своей бывшей подружки, сказала минуту спустя:

– Какая вы искусница! Ах, это чудный талант, которого никак не переймешь! На это нужен особый дар.

– «Поваром делаются, а жарильщиком надо родиться»,

знаешь пословицу? – заметила, смеясь, мадемуазель Превенкьер.

Она продолжала мастерить шляпу и, немного помолчав, спросила:

– А она у тебя здесь, та книга тугих платежей?

– Да, в шкафу с обрезками.

– Покажи мне ее, можно? Это не будет нескромностью, потому что ведь я также имею пай в твоём деле.

– О, да разве это профессиональная тайна! – весело подхватила мадемуазель Компаньон.

Она выдвинула ящик и вынула оттуда записную книгу, которую положила на стол.

– Это было придумано госпожой Паро и так велось с основания магазина, а я потом продолжала... Есть счета, которые совсем не будут уплачены... А другие уплачены зараз кавалерами... Ах, в нашем ремесле бывают большие курьезы... Чего только не насмотришься и не наслушаешься!

Роза рассеянно перелистывала страницы счетной книги. Она осторожно приподняла ногтем вырезку на букве «Р», и между многими фамилиями ей бросилась в глаза одна, хорошо знакомая, которую она, вероятно, искала: «Госпожа де Ретиф, улица Камбасерес, 23, счета 95, 96, 97 гг. (семь тысяч триста франков) уплачены 11 апреля 1897 г. (чек Леглиза)». Краска бросилась в лицо мадемуазель Превенкьер. Она поспешно отодвинула в сторону счетную книгу и на минуту замерла в задумчивости. Сесиль по-прежнему рылась в лентах,

птицах, цветах, стараясь составить из них гармоническое целое, равнодушная к тому, что не касалось ее работы, всецело поглощенная своей задачей. С озабоченным видом спрашивала она совета Розы насчет комбинации оттенков и других тонкостей гарнировки. Гостья отвечала рассеянно, не зная, как высказать вопрос, вертевшийся у нее на языке. Наконец она решилась:

– А что, эта госпожа де Ретиф, которая записана в книге, бывает она у тебя в магазине и теперь?

– Это одна из наших лучших покупательниц. Вы видите, как важно быть терпеливым в торговле. Она заплатила госпоже Паро зараз весь свой долг, накопившийся в продолжение трех лет, и теперь приводит к нам всех своих приятельниц.

– Ведь она очень хорошенькая, не правда ли? – спросила Роза.

– И очень элегантная. Вот уж кто умет пустить в ход товар... Когда у нас не находит сбыта какая-нибудь слишком оригинальная шляпа, мы отсылаем ее к госпоже де Ретиф, и, благодаря чудным белокурым волосам этой дамы и ее нежному цвету лица, модель производит фурор... Шляпу расхваливают; госпожа де Ретиф говорит, где она ее покупала, и новый фасон входит в моду. Конечно, мы продаем ей этот товар с уступкой, но если б мы отдавали его даже совсем даром, то и тогда он окупился бы нам... Впрочем, она отличная плательщица и средним числом покупает по четыре шляпы

в месяц, каждую неделю что-нибудь новенькое.

– И всегда расплачивается чеками Леглиза?

– О нет, это случилось всего один раз, в самом начале... У ней были перед тем трудные времена... Впрочем, господин Леглиз продолжает содержать ее и, должно быть, просаживает на эту дамочку бешеные деньги, потому что одета она всегда восхитительно. Госпожа Леглиз также наша заказчица... Но она куда проще, ей далеко до щегольства госпожи де Ретиф. У ней нет таких средств. Муж не может давать жене столько, сколько любовнице.

Роза порывисто захлопнула книгу и сказала:

– Значит, всем известно, что она содержанка Леглиза?

– Удивляюсь, как вы до сих пор этого не знали? В светском обществе это давно не секрет ни для кого, а до нас молва доходит через болтовню торговцев и сплетни продавщиц. Но нам-то решительно все равно!..

– А давно ли продолжается эта связь с господином Леглизом?

– Книга ответила вам: чек Леглиза 1897 года.

– Ну, а раньше господина Леглиза?

– Весьма вероятно, что был другой. Период безденежья последовал за разрывом с этим другим, а потом явился новый плательщик... Эта хорошенькая женщина не может иначе: состояния у ней нет, а живет она на широкую ногу. Значит, нужен богатый любовник.

Роза не расспрашивала больше. Она думала: «Так вот ка-

кую женщину отец ввел к нам в дом, вот кому он доверился до того, что отдает в руки этой личности мое замужество и думает жениться на ней сам. Теперь я понимаю, какую интригу затеяла она с Томье. Нетрудно угадать, куда они метят оба. Он метит на дочь, она – на отца. Вероятно, они условились, что моя рука будет наградой этому молодому человеку за то, что он впоследствии устроит свадьбу между моим отцом и госпожой де Ретиф. А до тех пор она продолжает получать деньги с другого и продолжает его обманывать приговорной любовью. О, как отвратителен свет, до чего гадки люди!»

Она встала и набросила на плечи накидку.

– Вы уже уходите? – спросила Сесиль тоном сожаления, оставляя свою работу.

– Как, ты еще недовольна? Но я уж чуть не два часа болтаю с тобою. Правда, что время это не пропало даром.

Модистка подумала, что Роза намекает на шляпу, отделанную ею так ловко и с таким вкусом во время их беседы.

– Ах, если б вы от времени до времени заезжали ко мне хоть на полчасика, как я была бы вам благодарна!.. У меня в магазине нет ни одной мастерицы стоящей вас. А что касается изобретательности, так я совсем пасую перед вами. – И Сесиль наивно прибавила: – Какая жалость, что вы так богаты! Какое состояние могли бы вы нажить!

Роза улыбнулась с горечью:

– Кто знает, пожалуй, придет такая минута, когда мне на-

скачат светские люди моего круга и я перееду к тебе, чтобы приняться опять за прежнее занятие. Ты не можешь себе представить, моя добрая Сесиль, сколько забот и неприятностей доставляет мне мое новое положение, которым я совсем не дорожу... Оставшись в Блуа, я была бы счастливее!..

– Неужели у вас есть какое-нибудь горе? – заволновалась Сесиль. – Да может ли это быть, у вас-то?

При этих словах мадемуазель Превенкьер подняла глаза на свою подругу, но та, по-видимому, уже раскаялась в своей смелости и смотрела в сторону. Роза немного помолчала, точно следя за какой-то мыслью, вызванной речами Сесили, и наконец заметила:

– Ты никогда не говоришь мне о брате. Доволен ли он своим положением?

Модистка покраснела:

– Как могла я предполагать, что вы интересуетесь бедным малым?

– Я очень интересуюсь им, – серьезно отвечала Роза.

– Что же сказать вам про него? Он работает... Однако Проспер находит, что его карьера во Франции выйдет слишком мизерной, а потому мечтает последовать примеру вашего батюшки: уехать очень далеко.

– В Африку?

– Да. Он говорил об этом на днях и собирался попросить у господина Превенкьера рекомендательных писем к его корреспонденту в Претории.

– Опять золото! – презрительным тоном произнесла Роза. – Значит, твой брат мечтает о богатстве?

– Нет, – с живостью возразила Сесиль. – В богатстве он видит только средство. Проспер пренебрегает деньгами и прекрасно обошелся бы и без них.

– Так зачем же он добивается денег? – с гневом воскликнула Роза.

– Спросите его: он, может быть, вам скажет.

Они смотрели друг на друга с минуту. Розу точно мучило желание узнать что-нибудь больше. Сесиль опять встревожилась, что зашла слишком далеко в своей откровенности и выдала секреты брата. Наконец мадемуазель Превенкьер промолвила с жестом сомнения:

– С какой стати? Можно ли верить тому, что вам говорят? Даже лучшие люди бывают ли искренни?

Сестра Проспера с сожалением покачала головой.

– Если вы дошли до того, что сомневаетесь во всем, то меня несколько не удивляет, что вы перестали чувствовать себя счастливой; что может быть хуже того, как подозревать всех окружающих? Значит, и мне вы больше не поверите, когда я вам скажу, что вас люблю? Между тем вы знаете, у меня нет расчета вас обманывать. Когда я уверяла вас в Блуа, что очень рада жить вместе с вами, вы не могли подозревать моей искренности. Вы тревожились тогда только вопросом о здоровье своего батюшки и жили спокойная душой, спокойная сердцем, довольная трудом сегодняшнего дня и не горе-

вали о завтрашнем. Неужели все испортило ваше богатство?

– Да, – с горечью отвечала Роза, – я чересчур богата.

Лицо Сесили просияло улыбкой.

– Ну, против этого зла найдется много средств. Однако все же это зло! Вспомните, что случилось с Пеллегреном, кузнецом в Блуа, когда он выиграл большой куш в лотерее города Парижа. Он был очень беден и работал, как вол, чтобы прокормить свою маленькую семью. Когда прошел слух о его удаче, все повалили к нему в лавочку и давай его поздравлять: «Ай да Пеллегрен! Теперь вы станете существовать доходами с капитала, заживете небось как настоящий буржуа: можете завести собственный дом, взять служанку на помощь жене, купить экипаж для катанья... Этакое счастье вам привалило!» Он не отвечал ничего и тряс головою. Но его жена совсем рехнулась от такой перемены судьбы и заставила-таки мужа бросить лавочку, отказаться от своего звания и жить без работы, И что же? Спустя полгода бедняга Пеллегрен до того переменялся, что его нельзя было узнать; он точно перенес тяжкую болезнь. Когда его спрашивали, не болен ли он, кузнец угрюмо отвечал: «Да, болен тем, что ничего не делаю!» К концу года он пришел к тому заключению, что умрет, если не перестанет лентяйничать. Богач продал свой дом, экипаж и все остальное, вернулся в свою лавчонку и давай ковать железо, как делал раньше. А когда ему говорили: «Эх, дядюшка Пеллегрен, не стыдно ли вам надрываться над работой, как бедняку? Ведь вы, слава Богу, обеспечены». –

«Подите, добрые люди, – отвечал он. – Нам хорошо тогда, когда мы делаем то, к чему привыкли. А я, видите ли, так люблю работу, что, если б надо было платить деньги за право работать, кажется, я заплатил бы».

Тут Роза сказала:

– Нравоучение твоего рассказа таково, что мадемуазель Превенкьер родилась на свете, чтоб делать шляпы, а не для того, чтоб парадировать в модном свете. Это, пожалуй, справедливо. Однако, моя бедная малютка, если б ты рассказывала подобные истории моим знакомым, то немало смешила бы их. Да и отец мой едва ли понял бы тебя. Между тем бывают минуты, когда он готов подумать, что легче заработать деньги, чем сделать из них разумное употребление. Однако до свидания, моя добрая Сесиль! Да не печалься особенно о моей судьбе, это было бы слишком наивно!

Она вышла из кабинета, прошла по залам для публики, где пожилые покупательницы с восторгом любовались хорошенькими примеряльщицами в шляпах для очень молодых особ, и снова очутилась на улице Мира.

Сегодня Розе Превенкьер предстояло обедать у госпожи де Ретиф с «кутящей ватагой». Валентина сочла необходимым опять несколько сблизиться с бывшими друзьями. Она была слишком умна, чтобы не понять опасности чересчур внезапного разрыва с кружком Леглизов. Выжидая благоприятного момента, когда можно будет отстать от прочих и войти в тихую пристань, эта женщина лавировала с большим

Искусством. Томье, знавший от нее о тревогах Жаклины, которые угрожали ему большими осложнениями, со своей стороны производил тот же маневр. Теперь он почти безотлучно находился со своими друзьями, и никогда его беззаботная веселость не была так заразительна. Человек, не посвященный в тайну его планов, мог видеть в нем лишь беспечного жуира, который доволен своим жребием и хочет только, чтобы всем окружающим было так же весело, как ему. Он даже начал снова поддразнивать госпожу Варгас и ухаживать за нею в шутку, а госпоже Тонелэ представил одного очень богатого и очень милого молодого человека, по фамилии Фурнериль, сына строителя железных дорог в Алжире, который, по его словам, изнывал от страсти к ней. Тонелэ немедленно сделал фотографический снимок с этого нового претендента на благосклонность своей супруги. Томье называл это «переходом на галантометрическую службу». Потом вновь завербованный получил дозволение вступить в ряды влюбленных. Тузар ворчал про себя. Кретьен рассчитывал в уме, что тут можно нагнать кой-какую экономию. Согласие быстро водворилось вновь, а молодая женщина удвоила свою бойкость. Таким образом, положение несколько не изменилось, и каждый из противников оставался на своих позициях, наблюдая за неприятелем и не рискуя вступать в бой, но выжидая чужого промаха, чтоб тотчас обратить его в свою пользу.

Обед у госпожи де Ретиф только что кончился. Гости раз-

бредились и, смотря по своим симпатиям, разместились группами в обеих гостиных, которые соединялись между собою широкими арками. Госпожа Варгас помогала Валентине разливать кофе, а толстяк Бернштейн, подстрекаемый насмешливым задором романиста Буасси, желая ослепить своих слушателей, принялся строить теории поразительной глупости. Лермилье был подведен Превенкьером к Розе – сговориться насчет ее портрета, который он соглашался написать. Томье, стоя у камина с чашкой в руке, улыбаясь, разговаривал с госпожой Леглиз и полковником Тузаром. Этьен слушал госпожу Тонелэ, которая угощала глупостями Маршруа, настаивая на необходимости запретить в Париже движение экипажей, запряженных лошадьми, чтобы не мешать ходу автомобилей. Молодой Фурнериль, усевшись на пуф в трех шагах от этой хорошенькой женщины, смотрел на нее, не говоря ни слова, с пристальностью охотничьей собаки, делающей стойку перед куропаткой. Маршруа, считая, что он в достаточной мере отдал дань светской любезности, слушая болтовню госпожи Тонелэ, встал с места с угрюмым видом и присоединился к Превенкьеру, который, оставив свою дочь вдвоем с живописцем, производил стратегическое движение в сторону госпожи де Ретиф. Брат хозяйки, взяв его под руку, отвел подальше от прочих и сказал:

– Сегодня мне говорили, что вы знаете коротко молодого инженера, служащего на заводе Леглиза, по имени Проспер Компаньон.

– Да, это сын моего бывшего кассира.

– Этот господин Компаньон, который кажется мне очень смышленным и приносит большую пользу в нашем производстве, пришел вчера ко мне заявить, что он уезжает.

– Куда?

– За пределы Европы. Да не в том дело. Куда бы он ни ехал, для завода это будет большая потеря. В наших бюро к нему относятся несколько свысока, называя его утопистом. Но он серьезный изобретатель. Помимо своей работы, он предпринял ряд опытов над способом обработки золотоносного кварца посредством новых реактивов. И я уверен, что это молодой инженер сделал драгоценное открытие в данном направлении.

– Вот как, – заметил Превенкьер, – я очень доволен за него... Если для успеха его опытов Компаньону нужна поддержка, я готов ему помочь.

Маршруа посмотрел на Превенкьера с нескрываемым удивлением.

– Мы не понимаем друг друга, – холодно сказал он. – Дело совсем не в том, чтобы помочь господину Компаньону воспользоваться своими изобретениями, а в том, чтоб обратить их в нашу пользу. Этот малый должен прийти к вам с просьбой дать ему рекомендательные письма к вашим корреспондентам в Африке. Не делайте такого промаха, а, напротив, привяжите его к заводу ловко составленным контрактом. Когда же завод Леглизов будет в наших руках, вы увидите, ка-

ких результатов добьемся мы посредством изобретенных им способов.

– Но как я могу подействовать на него?

– О, самым убедительным образом, поверьте мне! – с улыбкой отвечал Маршруа. – Сестра подала мне эту идею, которая бесспорно очень удачна.

– Каким образом госпожа де Ретиф может знать так коротко дела Проспера Компаньона? – спросил банкир с оттенком беспокойства.

– Госпожа де Ретиф постоянно разговаривает с мадемуазель Розой. А ей немного нужно, чтобы понять отношения между людьми. Не ездили ли вы с ними обеими несколько времени назад в Булон навестить старика Компаньона?

– Совершенно верно.

– Ну так вот, Валентина там смотрела, слушала и сообщала, Может быть даже, она ловко выпросила кой о чем вашу дочь. Во всяком случае, она утверждает, что Проспер Компаньон безумно влюблен в мадемуазель Розу. Понимаете?

Превенкьер прекрасно понял, и в одну минуту отдаление Проспера, образ действий старика Компаньона, сдержанность Сесили получили в его глазах самое точное значение, В то же время у него в душе проснулось неудовольствие против Маршруа. «Да что же такое этот человек? – подумал про себя банкир. – Предложенный им способ привязать к заводу этого славного малого Проспера так же недобросо-

вестен, как и план отобрать завод у Леглиза. По-моему, он преестественная каналья со своей американской грубостью. Неужели этот нахал воображает, что я так же мало щепетилен, как и он сам?» Превенкьер не мог вынести унижения, которому его подвергала бесцеремонность Маршруа; а тот, видя, что гость угрюмо задумался, уже начал беспокоиться.

– Между моим расположением к Просперу Компаньону и выгодами для нас, которые вы мне указали, я не делаю ни малейшего сравнения, – проговорил банкир.

– Не правда ли? – перебил Маршруа, усмехаясь. – Благодарная благотворительность начинается с самого себя. Разве вы не подозревали чувств этого молодого человека к мадемуазель Розе? Его страсть началась в Блуа. Вероятно, мадемуазель Превенкьер ничего не знает о ней.

– Это вернее всего. Проспер Компаньон – сама деликатность, и весьма возможно, что он не произнес ни слова, которое могло бы заронить подозрение в душу моей дочери... Теперь я знаю, по какой причине мы его никогда не видим, а также, почему он хочет уехать... Да, это славный человек!

– Довольно вульгарный, – пробормотал Маршруа.

– В чем? Правда, у него нет развязности светских мужчин, с которыми мы ежедневно встречаемся. Он одевается без вкуса и плохо подстригает бороду. Он совсем не умеет парадировать в гостиной и говорить женщинам милые пустячки. Не думаю, чтобы он хоть раз в жизни брал в руки карты, разве играя с отцом в пикет, а лаун-теннис для него полон

загадок. Неужели вы думаете, однако, что это может унижить Проспера Компаньона? Будь он Бернштейном или Фурнерилем, разве вы хлопотали бы о том, чтобы связать ему руки ловко составленным контрактом? Эх, все ваши клубисты в подметки не годятся дельному человеку!.. Впрочем, так как он собирается ко мне прийти, я с ним потолкую.

Маршруа бросил хитрый взгляд на Превенкьера.

– Неужели вы предпочли бы его Томье?

– Если б дело шло только обо мне, то я подумал бы. Но дело идет о моей дочери, и она одна должна решить.

Банкир оставил Маршруа и снова направился в сторону госпожи де Ретиф. Хозяйка дома составляла центр группы, в которой шел оживленный спор между Буасси, Тузаром и Этьеном.

– Мы далеко ушли со времен президента Гарлея. Магистратура подверглась всем социальным испытаниям, как и прочие корпоративные учреждения, и она не вышла из них нетронутой, Одним словом, нам рассказывают сказки насчет неподкупности магистратуры, Ведь она состоит не из ангелов, а потому в ней позволительно сомневаться, как во всех иных отраслях администрации. Почему магистратуру, взятую огулом, ставить выше армии или духовенства?

Советник Равиньян ощетинился, как дог, и принялся возражать резким тоном:

– Очистка, произведенная республиканцами, потопила прежнюю магистратуру в потоке присяжных поверенных и

адвокатов больших городов, которые не обладали ни компетентностью, ни авторитетом, что разом нанесло удар всему составу судебного ведомства и самым плачевным образом пошатнуло его строй... Честь магистратуры, наследница прекрасных и благородных парламентских традиций, побуждала к непокорности распоряжениям властей.

– Хе, хе, – подхватил Этьен, – слышал я про некоего Людовика XIV, который вошел в парламент с охотничьей нагайкой в руке... Еще в эту эпоху независимость магистратуры была поколеблена.

– А затем, – вступился Буасси, – разве не было еще некоего Лафонтена, который сказал:

*И по тому смотря, могуч ты или жалок,
Ты будешь прав иль обвинен в суде.*

Значит, нам не стоит особенно горячиться ради прекрасных глаз этой важной дамы – магистратуры. Неоспоримо то, что хорошие люди и благородные умы встречаются повсюду. Но несносно то, когда обществу навязывают благоговение перед какой-нибудь корпорацией огульно. Неподкупность судей не может быть возведена в догмат, как и непогрешимость врачей, целомудрие священников или неустрашимость солдат... Вот в чем суть!

– Ну, уж извините! – воскликнул полковник Тузар. – Я протестую!.. Военные, черт побери, не моргнув глазом,

рискуют жизнью во всех частях света под знаменем Франции, и было бы смешно отказывать им в чести!..

– Позвольте, они преспокойно покидают службу, когда находят ее невыгодной!

– Вы оскорбляете армию!

– Вот тебе раз! Я так и знал.

– Господа, пожалуйста!.. – вмешалась госпожа де Ретиф, с беспокойством видя, что ее гостиной грозят ужасы полемики.

– Уважайте военных, – весело сказала госпожа Тонелэ, – перед вами, довольно невежливыми штатскими, у них есть одно громадное преимущество...

– А какое именно?

– Их мундир!

– Вот отличное заключение спора, – подхватил, смеясь, Буасси. – Известно, что женщины всегда будут на стороне армии!

– Послушайте, – сказал Этьен, – справедливость прежде всего. Военные – славный народ, получающий сравнительно жалкие гроши за работу, часто опасную и всегда трудную и тяжелую. Если не вознаграждать их за это известным почетом, уважением, даже славой, военное ремесло делается чересчур неблагодарным!

– Вот еще, стоит их жалеть! – перебил Бернштейн. – Все военные делают отличные партии. Молодые девушки стремятся замуж непременно за офицеров.

– А когда выйдут, то не перестают пилить своих мужей до тех пор, пока они не подадут в отставку.

– Полноте, – презрительно произнес Тузар, – дамским идеалом была национальная гвардия, которая носила мундир, не зная тягости военной службы.

Во время этого спора Томье подсел к Жаклине на диванчик для двух персон, стоявший в углу гостиной, и ласкающим голосом убаюкивал беспокойство молодой женщины.

– Вы здесь красивее всех сегодня вечером, Жаклина; другим далеко до вас. Ваше платье восхитительно к вам идет, а цвет лица у вас несравненной нежности.

Она наклонилась к нему, как будто для того, чтобы лучше слышать, а он коснулся слегка ее уха своими губами. Томье в то же время украдкой наблюдал за Розой, которая заканчивала свои переговоры с Лермилье.

– Так, значит, я вам нравлюсь немного? – спросила Жаклина, обрадованная похвалой.

– Гадкая, вы сами отлично это знаете! – и он переменял разговор: – Этьен говорил сию минуту, что вы собираетесь в конце этой недели в Трувиль, если жара будет продолжаться... Вы сговорились с ним насчет этого переселения?

– Да ведь мы всегда покидали Париж к концу июня! Впрочем, все наши знакомые собираются уезжать... Варгасы и Тонелэ наняли дачу в Вилье; мы поселимся близко друг от друга. А не знаете ли вы, Превенкьеры будут жить летом в той же стороне?

Томье ожидал этого вопроса и ответил без малейшего смущения:

– Право, мне неизвестны их планы... Валентина их, пожалуй, знает... Куда она собирается? Говорила ли она вам?

– Она, вероятно, приедет погостить на несколько дней к Варгасам... А затем намерена поехать в Швейцарию на Женевское озеро.

– Вот смешная мысль! А что говорит на это Этьен?

– Да ничего, Если Валентина отправится в Швейцарию, он поедет на некоторое время к ней, а потом опять вернется в Трувиль... Если она соскучится, он привезет ее, пожалуй, с собой... Ну, а вы что намерены делать?

– Я? По обыкновению стану рыскать из Трувиля в Париж и обратно. Вы знаете, что я не могу выдержать морского воздуха.

– Вы скучаете по атмосфере Парижа, вот в чем дело.

– Это правда. Я нахожу, что в Париже нет такой жары, как во всех других местах. По крайней мере, дома дают тень. Но ваш морской берег с его белым песком, со сверкающим морем и раскаленным небом, – да это вечное повторение солнечного удара... если только вы не перестанете всею компанией кататься в экипаже, скакать верхом или задыхаться в автомобиле! О, это еще не поражение! Я все-таки поеду туда, – заключил молодой человек, заметив встревоженный, протестующий жест Жаклины. – Я привык переносить все виды этих удовольствий, но когда слишком устану, то вер-

нуть отдохнуть в Париж.

– Жан, не изощряйтесь в искусстве прикидываться стариком, – сказала, улыбаясь, госпожа Леглиз.

– Да мне и не нужно никакого притворства. Факты налицо: у меня есть метрическое свидетельство, которое нельзя заподозрить в подлоге. В нем указан мой возраст: тридцать пять лет. Не могу же я молодиться.

– А Этьену сорок.

– О, но Этьен человек с прочным положением: он женат. Какая разница! Впрочем, попробуйте-ка сказать ему, что он не молод, да Этьен подпрыгнет! А я-то уж очень старый холостяк.

– Из которого вышел бы молодой муж?

Томье пропустил мимо ушей это замечание. Жаклина встала с места при виде Леглиза, подходившего к ней с усталой миной, ясно говорившей о намерении отправиться домой.

– Уж одиннадцать часов, – сказал он. – А завтра поутру у меня много дела...

Госпожа Леглиз бросила озабоченный взгляд на Превенкьера и Розу, понимая, что после ее отъезда у Томье будут развязаны руки. Но как будто с тем, чтобы успокоить ее ревнивые подозрения, отец с дочерью также начали собираться. Жаклина просияла: к ней тотчас вернулись улыбка и веселое оживление. Она протянула руку Валентине, осыпая любезностями Розу и, воспользовавшись тем, что Превенкьер

очутился возле нее, приветливо обратилась к нему:

– Пожалуй, теперь мы долго будем лишены удовольствия видеть вас у себя. Мы отправляемся на морской берег, но всего на два месяца, и, может быть, вы сами поселитесь где-нибудь поблизости нас?

– Мы не строим никаких планов, ни я, ни моя дочь, – отвечал банкир. – Нам обоим так хорошо в нашем отеле в аллее Буа, что мы не думаем переселяться на дачу. Однако, может быть, нас соблазнит путешествие. Все будет зависеть от обстоятельств.

Последние слова снова омрачили Жаклину. Сияющая улыбка у ней исчезла, взгляд потух. Обстоятельства? Что это могло значить, если не замужество Розы? Молодая женщина стала искать глазами Томье и увидела его разговаривающим с госпожой де Ретиф на другом конце гостиной. У ней опять явилась уверенность, что он обманывал ее и сегодня вечером своими протестами, своими нежностями и ласками. Она почувствовала себя одураченной еще раз и со стесненным сердцем дрожащими губами пробормотала несколько прощальных слов, после чего поспешно вышла, угадывая за своей спиной заговор против ее спокойствия и счастья, заговор, становившийся все грознее.

Глава 9

– Проводите господина Компаньона в библиотеку, – сказал Превенкьер лакею, принесшему визитную карточку Проспера.

С этими словами Он прошел на половину дочери.

– Милая Роза, ко мне явился Проспер. Не пожелаешь ли ты с ним повидаться?

Дочь немного покраснела.

– А он зашел собственно к тебе?

– Да, меня предупредили заранее о его посещении. У него есть дела, в которых я могу оказать ему содействие.

– Пожалуйста, сделай это! – с живостью подхватила Роза. – Я буду счастлива, если ты поможешь в чем-нибудь этому славному молодому человеку... А когда мне можно будет прийти, пошли за мною...

– Приходи, когда угодно. Не думаю, чтобы наш разговор носил конфиденциальный характер. А Просперу будет приятно твое присутствие.

И банкир спустился в нижний этаж по красивой лестнице с перилами кованого железа, повторяя про себя: «Славный молодой человек, славный молодой человек! Если Роза дает ему это название, значит, у ней нет ни тени нежного чувства к бедному малому!» Он вошел в библиотеку. Проспер стоял у камина со шляпой в руке, в своей неказистой сюртучной

паре черного сукна, потупив голову с унылым видом. При виде Превенкьера он встрепенулся, и лицо его оживилось.

– Здравствуйте, мой друг, – сказал хозяин дома, протягивая руку. – Чрезвычайно рад вас видеть. Вы нас совсем забыли с некоторого времени.

– Как это можно, сударь! Я только был очень занят и не имел времени побывать у вас.

– А воскресенье?

Проспер покраснел и смущенно ответил:

– Воскресенье я посвящаю отцу.

– Да, я знаю, вы примерный сын. Садитесь, однако, прошу вас. Скажите, чем могу я вам служить?

Банкир пододвинул гостю кресло к великолепному письменному столу, у которого он ежедневно занимался, и продолжал, ласково поглядывая на молодого инженера:

– Вы пришли по собственным делам?

– Да, сударь, по своим собственным.

– Разве производство на заводе идет плохо?

– Не скажу, но это рутина. Там придерживаются старых способов. Можно бы устроить что-нибудь получше.

– Так устройте.

– Я простой служащий, сударь; мне не предоставлено никакой инициативы. Начальству не нравится мой совет изменить старые порядки, завести новые орудия.

– Начальству... Значит, оно у вас многочисленно?

– Да, сударь. Во главе завода стоит, во-первых, госпо-

дин Леглиз. Но, в сущности, всем распоряжается господин Маршруа.

– Вот как! Ну, а этот Маршруа?

– Вы хорошо знаете его; это брат госпожи де Ретиф, – простодушно отвечал наивный Проспер.

– Да, я встречаюсь с ними в обществе. Но каков он с профессиональной точки зрения?

– Это человек, знающий одну спекуляцию. Промышленность для него не цель, а только средство. Если бы это было в его власти, он с удовольствием завтра же продал бы завод, чтобы получить большой барыш, а потом взялся бы за какое-нибудь новое предприятие. У него нет никакого технического образования. Он умеет одно: считать. И господин Маршруа управляет...

– Хорошо?

– Я полагаю.

– Следовательно, вам не предстоит ничего лестного на заводской службе?

– Решительно ничего. Если только я не уступлю заводу сделанных мною открытий. А я этого не хочу.

– Почему?

– Потому что сам намерен воспользоваться ими.

– А каким образом?

– Отправившись в южный край, где ценят деятельных людей, где, обладая умом и отвагой, можно приобрести одновременно богатство и репутацию, что вы доказали на деле.

– Однако вы честолюбивы.

– Я сделался честолюбцем.

– Каким образом?

Щеки Проспера окрасились румянцем, руки нервно дрожали.

– Извините меня, сударь, – произнес он нетвердым голосом, – если я откажусь объясниться. Это моя тайна.

– Вот что, – подхватил Превенкьер. – Какое таинственное и внезапное решение. Должно быть, тут замешана женщина...

В ту же минуту дверь кабинета распахнулась, и вошла Роза. При виде ее Проспер побледнел, поднялся в смущении, поклонился и замолчал, умоляя Превенкьера взглядом не продолжать их разговора. Однако тот, по-видимому, не был расположен к скромности и брякнул с громким смехом:

– Иди сюда, Роза, ты пришла как раз вовремя! Этот молодой человек рассказывает мне удивительные вещи. Он собирается уехать.

– Куда?

– В Африку, в Трансвааль.

– О! – с волнением произнесла Роза. – А ваш отец, ваша сестра? Неужели вы покинете их таким образом, господин Проспер? Они так вас любят.

– Но не покинул ли вас, сударыня, господин Превенкьер? – глухим голосом возразил гость. – А ведь вы также любили его.

– Там положение было другого рода, – отвечала молодая девушка, опускаясь на стул. – Отец мой разорился до такой степени, что не мог продержаться дольше в Париже. Вы же имеете приличную и выгодную должность. Отец ваш не знает нужды, а сестра приобретет состояние.

– Благодаря вам, – с жаром подхватил Проспер. – О, вы добры и ласковы, и я знаю, что мои близкие могут положиться на вашу привязанность и вашу поддержку! Поэтому я уеду если не без горя, то, по крайней мере, без особенной тревоги. Поверьте, только очень важные причины могли заставить меня принять такое серьезное решение. Но я не могу колебаться. Каждый потерянный день приносит мне неисчислимые убытки. Мне необходимо уехать, необходимо рискнуть добиться всего, что рисовалось мне в воображении, о чем я мечтал.

Роза остановила на нем пристальный взгляд. Молодой человек замолчал, растерявшись, точно испугался, что выдал свою заветную мысль. Он тяжело вздохнул и прибавил:

– Нет, мне здесь больше не житье!

Мадемуазель Превенкьер встала и приблизилась к окну. Зеленая аллея, освеженная поливкой, блестела, яркая и густая, под лучами солнца. На фоне безоблачного неба с радостными криками реяли ласточки, догоняя одна другую. Экипажи катились, плавно покачиваясь в такт ритмической рыси породистых лошадей и увозя в Булонский лес катающуюся публику, которая видимо наслаждалась чистым воз-

духом утра. Здесь все дышало весельем, здоровьем, жизнью. Роза перевела глаза на Проспера, сгорбленного, дрожащего, жалкого.

«Он любит меня, – подумала она, – и потому он не в силах оставаться здесь дольше. – При этой мысли ей тотчас представилась мужественная, изящная и гордая фигура Томье. – А тот, любит ли он меня в самом деле? – спросила себя девушка. – И если б я его оттолкнула, если б ему пришлось для того, чтобы заслужить мою руку, перенести серьезные, суровые испытания, взялся бы он за это с такой же смелостью, пренебрегая своими привычками, вкусами и удобствами? Трудно поручиться за это! Но ведь тот – очаровательный Томье, тогда как этот только славный Проспер!» Она сравнила их между собою и мысленно сделала выбор. С некоторым чувством стыда мадемуазель Превенкьер убедилась, что она не стала бы колебаться между братом Сесили и любовником госпожи Леглиз. Тут до ее слуха донеслись слова отца, который говорил Просперу:

– Смотрите, не решайтесь опрометчиво. Как знать, может быть, и в Париже мы отыщем для вас место, которое вам понравится?

Тот не отвечал и отрицательно тряхнул головою. Роза не спускала с него глаз; выражение горя и решимости на его лице заставило сжаться ее сердце. Он действительно страдал и ничем не заслуживал своего горя. Молодая девушка с горечью подумала о несправедливости жизни, которая устраива-

ла так, что одни, недостойные счастья, получали его без всякого труда, тогда как другие, вполне заслуживавшие его своей добротой, мужеством, бескорыстием, были безжалостно обречены на неисходное горе. Внутренний голос нашептывал ей: «От тебя зависит водворить здесь нормальный порядок вещей. Привлекательный порок, готовый восторжествовать, может быть побежден, а погибающая откровенная добродетель может взять над ним верх через тебя. Произнеси же решительное слово, прикажи этому честному малому, который тебя любит, не уезжать, этого блестящего виртуоза ухаживания за женщинами, который женится на тебе ради твоих денег, предоставь опять его светским капризам. Ты колеблешься? Разве ты его любишь?» Молодая девушка не хотела ответить себе на этот вопрос, не хотела сознаться, что Томье обворожил ее до такой степени. Но она не сказала Просперу того, что следовало сказать, чтобы заставить его остаться.

– Любезный друг, – продолжал Превенкьер, – допустим, что я снабжу вас всевозможными рекомендациями, каких вы только пожелаете, к моим корреспондентам в Трансваале. У меня есть там компаньон, человек умнейший, который примет вас с распростертыми объятиями, если вы осуществите свое намерение туда отправиться. Но нет никаких данных отрицать, что вы не извлечете пользы из своих открытий здесь с не меньшим успехом. Если вам нужны деньги, я их дам.

Проспер покраснел и отвечал с протестующим жестом:

– Я искренно благодарен вам, сударь, но ясно вижу, что мне никогда не удастся применить своего способа в Европе в широких размерах. Если б я решил поехать в Испанию на медные рудники, то, без сомнения, достиг бы хороших результатов. Однако максимум действия можно достичь лишь при обработке золота. Я могу изменить в один день способ обработки руд, сократить на восемь-десять процентов задельную плату рабочим и удвоить количество добытого золота. Если я буду производить опыты в широких размерах, производительность рудника будет громадна, а выгода до того поразительна, что в горнозаводской промышленности, без сомнения, произойдет совершенный переворот. Вот почему я хочу уехать. Большую роль в моем решении играет самолюбие. Я буду гордиться своим успехом, буду гордиться тем, что сумею доказать достоинство моей комбинации, важность моего открытия. Но прежде всего мне лестно убедить других, что я не пустой фантазер, каким меня считали, относясь ко мне свысока.

Проспер поднял голову; его лицо, горевшее воодушевлением и смелостью, стало казаться красивым. Подкупленный энтузиазмом молодого изобретателя, Превенкьер ударил его по плечу и сказал:

– У меня сердце радуется за вас, милейший Проспер! Редко можно слышать такую смелую речь. Отдаю себя в ваше распоряжение. Чего вы от меня хотите?

– Дайте мне, сударь, письмо к вашему компаньону. Тогда

я немедленно отправлюсь в Преторию, и, если мне будут доставлены средства применить к делу свои открытия, я рассчитываю, что вы в скором времени услышите обо мне.

– Хорошо. Придите два дня спустя. Таким образом, вы успеете обдумать те условия, на каких я должен уполномочить вас там. А в каком размере нужны вам капиталы?

– Мне их совсем не требуется, сударь. Из Европы я повезу в большом количестве нужные мне продукты, потому что, едва успеют обнаружиться первые достигнутые результаты, Правительство назначит громадную пошлину на эти вещества. Но у меня скоплено тридцать тысяч франков, которые я и употреблю на эту покупку. Не бойтесь, эти деньги не пропадут! Они мне принесут тысячу на сто, если мое предприятие удастся. А его успех для меня несомненен.

В Превенкьере тотчас проснулся делец.

– Не дать ли вам еще такой же суммы, чтобы удвоить ваши запасы?

– Если это доставит вам удовольствие, – улыбаясь, отвечал Проспер. – Я был бы счастлив, если бы вы первый получили прибыль от моего труда.

Превенкьер обменялся с Розой сконфуженным взглядом. Самоуверенное и великодушное обращение инженера так странно отличалось от внутренней сдержанности отца и дочери, что в одну минуту их взаимные отношения резко изменились в его пользу. Он явился просить услуги, а теперь точно оказывал милость.

– Итак, дело слажено! Вы придете через два дня с окончательным решением, устроив все нужное, а я распоряджусь насчет того, чтобы водворить вас на приисках.

– Мне только этого и надо. Значит, в конце недели я могу пуститься в путь.

Проспер повернулся к Розе, молчаливый и смущенный, и тихо сказал ей растроганным тоном:

– Вероятно, я долго не увижу вас теперь, сударыня. Знайте же, что я уношу с собой беспредельную благодарность за вашу доброту к моим близким. Благодаря вам, моя сестра пользуется независимостью, а мой отец доживает век в спокойствии. За это я ваш должник до конца дней. Будьте уверены, что я вас никогда не забуду и что вдали от родных меня будет поддерживать уверенность в вашей постоянной заботливости о них.

Слезы навернулись ему на глаза, он не успел смахнуть их вовремя и, видя, что Превенкьер и Роза растроганы этим, воскликнул с жестом досады:

– Простите меня! Я смешон, но мне не удалось преодолеть себя.

Его голос прервался; поклонившись отцу с дочерью, молодой человек, не рискуя больше произнести ни слова, отворил дверь библиотеки и вышел.

Оставшись вдвоем, Превенкьер и Роза стояли с минуту в раздумье, потом банкир покачал головой и сказал:

– Этот молодой человек любит тебя, дитя мое; ты не знала

этого?

– Нет, отец, я догадывалась. Но я не подозревала силы его чувства. Не скрою от тебя, что это меня порядком взволновало.

– Ты права, я взволнован не меньше тебя. Знаешь, этот Проспер вполне заслуживает название мужчины, и, может быть, он создаст еще нечто великое. Он наделен умом, смелостью... И это, в сущности, ради тебя берется он за труд. Он хочет составить себе репутацию и состояние, чтобы искупить в твоих глазах свои общественные недочеты и скромность своего положения.

– Да так ли это? – с живостью воскликнула Роза. – Говоря по правде, чем он хуже нас? Он сын нашего бывшего кассира. Хорошо, а кто был ваш отец?

Превенкьер равнодушно махнул рукой.

– О, мой отец был комиссионером в торговом деле, что не дает мне права презирать людей его звания. Я сам пять лет тому назад, по изящному выражению Бернштейна, «сидел в каше» по уши. Тем не менее теперь я ворочаю миллионами. А это что-нибудь да значит!

– Проспер также может сделаться миллионером.

– Черт возьми, он способен на это!

– Сестра его – модистка. Она продает шляпы всем нашим знакомым. Что ж за беда? Разве я не сшила для госпожи Леглиз шляпу, за которую вдобавок заплатил Томье? Вот и выходит, что в наши времена неравенство состояний не больше

как светский предрассудок. На самом деле ничего не существует.

– Тем не менее, чтоб быть принятым в обществе, нужно удовлетворять известным требованиям, хотя пустым, но строгим. Вот, например, попробуй завтра баллотировать Проспера в клуб. Леглизу или Маршруа достаточно сказать: «Это мой служащий», или какому-нибудь недоброжелателю шепнуть: «Отец его живет в маленьком домишке в Булони и сам возделывает свой сад», а формалисту заявить: «Сестра его шьет шляпки моей жене», чтобы его наверняка провалили на баллотировке. Следовательно, несомненно существуют черты социального разграничения, хотя произвольные, но тем не менее непереходимые. Проспер – найдостойнейший молодой человек, но он не светский кавалер. Томье не стоит ничего, но это очаровательный и изысканный собеседник. Перед одним захлопнутся все двери, а другого станут тащить к себе нарасхват. Такова жизнь!

– Она глупа и постыдна.

– Согласен с тобой, но ты ее не переменишь. Самое важное – это знать, чего мы хотим. Ничего нет легче, как удалиться от света. Но, когда в нем вращаешься, надо соблюдать известные правила, сообразоваться с привычками, даже с предрассудками светских людей.

Роза вздохнула, однако не отвечала ничего. Целый день она была взволнована, отказалась ехать кататься с отцом и просидела, мечтая, в садике, окаймлявшем аллею Буа, до са-

мого вечера. Когда же время подошло к пяти часам, молодая девушка вернулась в гостиную. Она взяла книгу, но не дочитала в ней и одной страницы: мечтательная задумчивость снова одолела ее в тишине. Вдруг отворилась дверь, и шаги лакея заставили Розу очнуться. Она выпрямилась и спросила:

– Что там такое?

– Господин Томье спрашивает, можно ли ему видеть вас, сударыня?

– Просите.

Она села спиной к свету, чтобы скрыть от посетителя перемену в своем лице. Между тем он уже входил, гибкий, улыбающийся, с пронизательным и ясным взором. Роза протянула ему руку, он взял ее с почтительной грацией кончиками пальцев и поднес к губам. Это вышло изящно, без фамильярности и вполне корректно. Молодой человек сел против мадемуазель Превенкьер и сказал:

– Я пришел повидаться с вами и повидаться наедине, по совету госпожи де Ретиф. Без этого я приехал бы только в такие часы, когда мог рассчитывать наверно застать вашего батюшку. Но я полагаю, что он знает о моем сегодняшнем визите.

– Вероятно, я знаю, что он говорил о вас с госпожою де Ретиф.

– Неужели это по вашей просьбе господин Превенкьер имел с нашей приятельницей разговор, который она переда-

ла мне отчасти?

Томье говорил с огорченным видом, а его взгляд был полон упрека.

– Не знаю, на что вы намекаете, – осторожно отвечала Роза. – Потрудитесь объясниться.

Он озабоченно покачал головой.

– Это неудобно. Я надеялся, что вы облегчите мою задачу, а вы, кажется, и не думаете! Неужели я не ошибся в том, что вы составили обо мне очень нелестное мнение и что мне понадобится пустить в ход свое красноречие, чтобы оправдаться перед вами?

– Красноречие мне не нужно, но искренность – да.

– О, если вы только требуете откровенности, – весело подхватил Томье, – то я не теряю надежды. Для меня это легче всего, и сознайтесь, я был бы безумцем, если бы пытался вас обмануть, тогда как вам ничего не значит уличить меня на каждом шагу. Но позвольте, однако, в чем я должен оправдаться?

– Разве вы не знаете? Неужели мне объяснять вам самой? Жан опустил голову с усталым видом.

– Как, вечно одно и то же? Неужели я никогда не избавлюсь от этого гнета, не сброшу его со своих плеч? Судите, насколько мне трудно объясниться, по тому, насколько вам трудно меня допросить. Вдобавок все мои оправдания, какие я мог бы привести, ничтожны, потому что я оправдываюсь сам, кроме одного, но этого одного я не могу привести, если

не буду уполномочен вами. Назвать вам эту причину моих действий было бы мне бесконечно приятно, и, поверьте, я сделал бы это от всего сердца, потому что чувства, руководящего мною в данном случае, ничто не в силах победить. Оно всевластно распоряжается людьми, и, когда овладевает нами, нам остается одно из двух: или обречь себя на страдания, или быть счастливыми. Между этими двумя крайностями я выбираю последнюю, не сомневайтесь в том!

Томье говорил свою речь с веселой улыбкой, и этот юмористический оттенок придал его сентиментальному излиянию современный и насмешливый характер, которым постоянно отличалось обращение молодого человека.

– Говоря короче, вы намекаете на то, что любите меня, – сказала без обиняков Роза Превенкьер.

– Я и не пытался скрывать от вас этого долее, – отвечал он, взволнованный больше, чем хотел показать.

– В таком случае, милостивый государь, так как сердце не может вместить двух привязанностей, как бы оно ни было обширно, вам надо выбрать что-нибудь одно. Я очень горда и не допущу, чтобы мужчина, который интересуется мною, оставался близким с другой женщиной. Чтобы сделать шаг, сделанный вами сегодня, и чтобы говорить мне то, что я слышала от вас, вы, по моим соображениям, должны были предварительно решиться на то или другое. Я желаю, чтобы вы подтвердили это вполне определенно.

Томье хотел отвечать, но она остановила его.

– Позвольте мне сказать еще одно, Раз я уже заговорила, будет лучше высказаться до конца. После того мне станет легче выслушать вас. Вам может показаться странным, что я затрагиваю такой деликатный предмет. Этому я привожу два извинения: во-первых, у меня нет больше матери, и мне не на кого рассчитывать, кроме себя; во-вторых, я уже не девочка, мне двадцать семь лет, и знакомые, не стесняясь, называют меня старой девой. То, что может быть недостатком в некоторых случаях, в данном случае является преимуществом. Старая дева может все сказать и все услышать. Вот почему я устраиваю сегодня сама свою судьбу и без стеснения обсуждаю с вами вопросы, которые представляют громадную важность для моей будущности.

Он почтительно поклонился:

– Я знал, что вы особа в высшей степени рассудительная, и, позвольте мне признаться, именно эта уверенность, что я могу видеть в вас подругу жизни с широкими взглядами, со здравым пониманием вещей, более всего соблазнила меня. Прелесть лица, прелесть внешности не трудно встретить в нашем кругу. Много раз сталкивался я с обворожительными молодыми девушками, из которых вышли бы жены, достойные любви. Но ясность ума, обширность кругозора, создающие женщин высшего порядка, вот чего не встретишь никогда в сочетании с физическими преимуществами. Я не удивлю вас, сказав, что вы пленили меня своей прелестной улыбкой и чудным взором. Но я хочу выставить на вид то,

что вы проникли в мое сердце через мой ум и что я особенно ценю в вас ваши нравственные достоинства.

Говоря таким образом, Томье очень искусно касался самых чувствительных струн самолюбия Розы, превращая в преимущество для нее тот печальный опыт жизни, который она приобрела в труде и бедности. Сказать ей: «Вы мне нравитесь, потому что не похожи ни на одну из моих знакомых молодых девушек» – значило выказать любезность высшей марки. В немногих словах это значило объяснить, что он имеет в виду брак, заключаемый больше из благоразумия, чем по любви, Но утверждать, что в ней жениху нравилась ее рассудительность, было бы ловким приемом, который подавал Розе мысль, что Томье был одновременно и влюблен, и благоразумен. Единственный упрек, который можно было бы ему сделать в настоящем случае, касался его несколько излишнего резонерства.

Роза чувствовала, что Томье чуточку пересаливает в своей ловкости, но он говорил с такой кажущейся откровенностью, он сумел внести в свою защиту столько ласкающей, гордой грации, что она поддалась обаянию его чар и, даже сознавая, что увлечена больше, чем следует, искусным актером, молодая девушка не возмущалась против этого оболыщения, до такой степени оно ей было приятно. Однако она объявила напрямик:

– Я принимаю только половину сказанного вами, но и этого достаточно, чтоб удовлетворить мою скромность; я нико-

гда не рассчитывала внушить мужчине пылкую страсть, однако тем не менее сознаю, что заслуживаю некоторого уважения. Итак, я принимаю ваши уверения и верю вашим словам.

Мадемуазель Превенкьер протянула руку Томье. Он взял ее, но не поцеловал и, заглядывая ей в глаза, как будто для того, чтоб глубже запечатлеть в ее сердце свое признание, произнес:

– С этой минуты я принадлежу вам, сударыня, и, кроме вас, ничто более не существует для меня на свете!

Она улыбнулась, закрывая глаза, как будто с тем, чтобы полностью упиться счастьем этого мгновения. Затем, переменяв тон, Роза сказала со своей прежней непринужденностью, которой она держалась в своих беседах с Томье:

– Вот это хорошо! С сегодняшнего дня мы будем оказывать друг другу полное доверие. Не желаете ли воспользоваться им, чтобы устранить ненужных посредников? В числе их у нас были довольно сомнительные личности. От них надо избавиться.

– На кого вы намекаете? – спросил Жан со смущением, видя, что здесь готово явиться стеснительное осложнение.

– На госпожу де Ретиф, – прямо отвечала Роза.

– А разве она не была чрезвычайно мила с вами? Вообще это надежный друг.

– Согласна с тем, и я не стала бы придирааться к ней, – хотя узнала об этой особе вещи, которые мне не нравятся, –

если б была уверена, что она ограничится только ролью приятельницы.

– Чего же опасаетесь вы с ее стороны?

Они с минуту смотрели друг на друга, затем Роза спросила:

– А разве вы-то сами не догадываетесь о том?

– Честное слово, нет!

– Ну, так я просвещу вас на этот счет. С тех пор как мы познакомились с кружком Леглизов, мой отец сильно интересуется госпожою де Ретиф. Я закрывала на это глаза. Отец мой свободен; он нежно любит меня, и ни за что на свете не хотела бы я причинить ему неприятности или горя. Однако я не допустила бы его, по увлечению или по слабости, зайти дальше, чем это позволяет его нравственная безопасность. Госпожа де Ретиф, женщина прелестная, любезная и добрая, до последнего времени отвечала на чувства моего отца таким образом, что это не внушало мне ни малейшей тревоги. Но мне представился случай вникнуть ближе в ее поведение, и я пришла к тому выводу, что на это дело надо взглянуть серьезнее. Благодаря одному неожиданному открытию, госпожа де Ретиф много потеряла в моих глазах; я вижу в ней очень опасную особу. Однако вчера мне пришлось обедать в ее доме в большой компании. Ничто в действиях и словах этой женщины не подает повода к резкому разрыву с нею. Это язва светского общества, где мы вращаемся, что скрытые пороки, которые так многочисленны,

не бесчестят людей, предающихся им. С безнравственными личностями продолжают вести знакомство, приглашают их к себе, не вникая в их настоящее поведение, лишь бы они соблюдали приличия. Таким образом, люди порядочные преспокойно проводят время, как сделала я вчера, с женщинами, из которых у каждой есть любовник, причем в числе этих дам находятся и пользующиеся роскошью на средства своих обожателей. Эта вопиющая безнравственность встречает настолько широкую терпимость, что на нее не обращают даже внимания, лишь бы все было прилично и прикрыто внешней порядочностью. Но стоит позволить себе восстать против подобного падения нравов, забвения принципов, чтобы на тебя стали смотреть как на допотопное чудовище, указывать пальцами и, по всем вероятностям, осуждать тебя без милосердия.

– Все сказанное вами совершенно верно и справедливо. Но что тут поделаешь?

– Вы отвечаете слово в слово так, как ответил недавно отец, когда в разговоре с ним я затронула этот предмет. Все, что можно сделать, это... тщательно избегать самому такой испорченности и оградить от нее своих близких. Вот по какой причине заговорила я с вами о госпоже де Ретиф. И, как приятельницу, я, пожалуй, еще готова ее терпеть, скрепя сердце, но как мачеху...

Тут Роза взглянула на Томье, который понял, что наступила решительная минута. Защищать ли ему Валенти-

ну, рискуя оттолкнуть от себя этим Розу? Надо было в одну секунду остановиться на чем-нибудь. От его теперешнего ответа – он это ясно сознавал – зависело мнение мадемуазель Превенкьер о его искренности, деликатности, честности. Мог ли он изменить молодой девушке как раз в ту минуту, когда она только что протянула ему руку? Следовало ли ему отшатнуться от Валентины, которая была для него такой полезной союзницей и угрожала обратиться в такого опасного врага? Он счел за лучшее действовать осторожно и прежде всего польстить Розе, подтвердив ее мнение. Томье оберегал будущность госпожи де Ретиф, защищая ее интимность с Превенкьером.

– В качестве мачехи, – сказал он, – госпожа де Ретиф нетерпима, вы совершенно правы. Я не могу представить себе ее за столом вашего отца, с вами по левую, со мною по правую руку. Нет, это совсем не годится. В качестве приятельницы ее еще можно допустить, скрепя сердце, как выразились вы очень метко. Но при всем том, видите ли, в жизни не обойдешься без огня. Если госпожа де Ретиф имеет большую власть над вашим отцом, вы не можете помешать ей с ним видеться. А вам несравненно полезнее быть в ладах с женщиной, способной причинить бесчисленные неприятности, если вы восстановите ее против себя. Не будь вы с ней знакомы, я не посоветовал бы вам сходитья с подобной личностью. Но она запросто принята у вас в доме, Разойтись с ней совсем было бы и слишком большим ригоризмом [*Rigo-*

ризм – суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов, правил, преимущественно в вопросах нравственности], и чересчур слабой политикой. Чем рискует ваш отец, оставаясь ее другом?

– Громадной тратой денег, – спокойно отвечала Роза. – Но это еще куда ни шло, у него их довольно.

Томье улыбнулся.

– В самом деле, вы чрезвычайно рассудительная особа, замечательно умная и в то же время снисходительная, как я и угадал. Вдобавок вам все хорошо известно. Валентина, бесспорно, способна поглощать массу денег; это своего рода бездна. Но кто доставил вам, однако, все эти сведения?

– Случай.

– В каком виде представился он вам?

– В виде модистки, которой вы заказали когда-то дамскую шляпу в Блуа. Эта девушка состояла тогда моей компаньонкой в торговом деле, теперь же я состою ее вкладчицей.

Томье пропустил мимо ушей намек на прошлое и воскликнул с жестом испуга:

– Вы заглянули в счетные книги? Черт возьми! Вот где вам должны были попасться на глаза курьезные расписки.

– Действительно! Так я узнала, что господин Леглиз заплатил по счетам несколько тысяч франков за шляпы в 1897 году.

– То ли еще приходилось ему платить потом! Но его счастливые деньки миновали. Кажется, он перестал уже нравиться-

ся. Ветер дует теперь в другую сторону.

– Утешится ли он?

– Люди всегда утешаются.

– Неужели он не сделает ни малейшей попытки удержать госпожу де Ретиф?

– Без сомнения. Но к чему это приведет? Насильно мил не будешь. Можно ли представить себе такого могущественного деспота, который был бы в состоянии приковать любовь женщины или разжечь вновь потухшую страсть мужчины? Всякое словесное убеждение здесь напрасно, насилие бесполезно, а отчаяние смешно. Бартоло не в силах восторжествовать над Альмавивой, как и Альмавива над Керубино. И если б каприз заставил Розину полюбить Бартоло, неужели вы думаете, что все серенады пылкого сеньора, все измены донна Базилио и все хитрости Фигаро заставили бы прелестную девушку пойти наперекор прихоти своего сердечка? Ни за что! Когда человек любит, этим все сказано. Когда любовь угасла, тут ничем не поможешь. Люди рассудительные, заметив охлаждение к себе со стороны любимого существа, мирятся с этим и стараются сделать так, чтобы прежняя страсть перешла в дружбу, которая может оказаться прочной. Они доказывают этим свою сдержанность, хороший тон и подают превосходный пример. Сознаться, что гораздо корректнее удалиться незаметно, а *l'anglaise*, чем выйти, хлопая дверьми.

– И вы думаете, что господин Леглиз выкажет такое же благоразумие?

– Я надеюсь на это ради него. Какой прок был бы ему действовать иначе? Он сделался бы предметом отвращения для госпожи де Ретиф, выказал бы дурное воспитание, смутил бы спокойствие своего кружка и лишился бы всякого доверия у женщин, которых ему вздумалось бы отличить впоследствии своим вниманием. Что же касается вашего отца, чего можете вы опасаться за него?

– Какой-нибудь резкости со стороны господина Леглиза.

– Да, Этьену недостает философии. Это баловень, не знавший никогда преград. Но мы всегда будем настороже, чтобы своевременно обуздать его запальчивость. Кроме того, отец ваш одолжил ему очень крупную сумму, а всякий кредитор внушает невольное почтение к себе. Нельзя поступить, как с вором, с человеком, которому вы должны миллионы. Ничего нет внушительнее толстого кармана, не говоря уже о том, что может явиться надобность увеличить свой долг... Тут поневоле сделаешься уступчивым.

– Как все это ужасно! – сказала Роза с неподдельной грустью. – И как фальшивы условия жизни в нашем свете! Бесчестные поступки вменяются в доблесть, компромисс принимает вид долга, самая скверная податливость совести служит доказательством такта и приличия, которым стоит удивляться. Думаете ли вы, что общество, нравственно опустившееся так низко, может долго защищаться против полного распада? Испорченность царит всюду, она должна роковым образом привести к гнилости и разложению.

– Ба! Философы пугают нас этим уже целые столетия. Неужели вы думаете, что нарисованная вами картина, которая, впрочем, совершенно верна, представляет собою нечто новое? Так было всегда. Все моралисты одинаково бичевали современное им общество, однако оно от этого не умирает. Посмотрите, удалось ли изменить ход человечества самым жестоким переворотам? Не мир надо переделывать, а его обитателей. Пока человек существует с его недостатками и достоинствами, то есть таким, каков он есть, начиная с Адама и Евы, он будет обречен на те же самые порывы, на те же страсти, на те же преступления. И это просто потому, что он человек. Простите, сударыня, я кажусь немного педантом, что совсем мне несвойственно, но мне показалось, что часть ваших обвинений падает на меня: я захотел защищаться. И моя защита других послужила мне самому. Впрочем, будьте уверены, что я разделяю ваше презрение к тому обществу, которое обратило наслаждение жизнью в свой единственный культ, и что, если я не считаю себя в силах очистить его нравственно, то постараюсь как можно меньше пачкаться от соприкосновения с ним.

Роза одобрила его слова наклоном головы. В ту же минуту дверь гостиной отворилась, и Превенкьер появился на пороге с улыбающимся лицом.

– А! Вы беседуете вдвоем, – сказал он, пожимая руку Томье.

– Действительно, мы просидели вместе часа два.

– И пришли к соглашению?

– Да, отец, – просто сказала Роза.

– Ну, вот и прекрасно. Оставайтесь у нас обедать, Томье!

– Премного вам благодарен, но я не предвидел такого любезного приглашения и дал слово в другом месте. Завтра вы не предложите мне безнаказанно остаться у вас.

– Отлично! Значит, завтра мы вас ждем.

Жан приблизился к Розе, любезно поцеловал ей руку и вышел в сопровождении Превенкьера. В сенях банкир спросил:

– Вы объяснились между собой вполне? – Как нельзя более.

– И моя дочь дала вам слово?

– Дала.

– Превосходно! Теперь, милый друг, ликвидируйте леглизовскую историю. Это самое важное. Я знаю Розу. Она мирится с прошедшим и не будет о нем толковать. От вас зависит упрочить будущее, потому что малейшее сомнение в верности взятых вами на себя обязательств, и все пойдет прахом!

– Будьте покойны.

– Я не настолько спокоен, как бы желал.

– Почему?

– Я боюсь какого-нибудь отчаянного поступка со стороны госпожи Леглиз.

– В конце недели она уезжает в Трувиль. Это сильно упро-

стит дело. Расстояние притупляет чувства.

– Одним словом, будьте решительны, осторожны и устройте все.

– Положитесь на меня!

Томье вышел. Он направился пешком к Триумфальной арке. Ему нужно было поразмыслить после такого решительного разговора, Положение выяснилось. Все препятствия со стороны Превенкьера были удалены. Оставалось победить противодействие со стороны госпожи Леглиз. Кроме того, было важно сообщить госпоже де Ретиф, на что она может надеяться и чего должна опасаться. То была единственная услуга, которую Томье мог ей оказать. Но зато он хотел оказать ее вполне.

Было без четверти семь; Жану как раз оставалось настолько времени, чтобы переодеться к обеду у госпожи Леглиз. Там он был уверен встретить Валентину, по крайней мере, вечером. Молодой человек подумал с неожиданным волнением о том, что, вероятно, в последний раз он будет сегодня в доме очаровательной подруги, которую прежде обожал. Она представилась ему стройная, смеющаяся, белокурая, со своими черными глазами, умными и нежными, какую Томье знал ее в начале их знакомства и безумно полюбил. В чем же она переменялась, если он собирался теперь ее покинуть и какой-нибудь час тому назад дал слово не видеться больше с нею?

Да почти ни в чем! Жаклина, правда, сделалась старше на

пять лет. Однако эти пять лет только придали ее красоте, созревшей в атмосфере любви, бархатную мягкость, томность, грацию, которые делали эту женщину еще пленительнее. Было ли тут виновато пресыщение? Не избаловала ли она его чересчур, не слишком ли любила? Нет, Жану совсем не наскучила ее деликатная и предупредительная любовь. Но тогда какой же был у него повод изменить этой верной подруге, которая думала только о том, чтобы ему нравиться, и заботилась единственно о его счастье?

На лбу Томье появилась морщина. Что-то скажут о его поступке? Свет, которым он дорожил до того, что уважал его предрассудки и заблуждения, какую-то оценку этого несправедливого разрыва сделает свет? Он, терпевший связь, одобрит ли разлуку? Взглянут ли на это подобие развода, который должен положить конец неправильным, но всеми признанным отношениям, как на возврат к благоразумию или как на дань трусости? Вменят ли ему в вину фарисейство, руководившее всеми действиями Томье целую жизнь, то, что он покидает любовницу, чтобы взять симпатичную, умную и богатую жену? О, самое главное, богатую! Ироническая улыбка мелькнула по губам Жана. Когда он будет мужем Розы и зятем Превенкьера, имея в своем распоряжении все вывезенные из Африки миллионы, не считая тех, которые будут ежегодно извлекаться из недр земли, кто осмелится осуждать его? Что же касается тех, которые позволили бы себе непочтительные взгляды или улыбки, то он знал, как их об-

разумить. Впрочем, кто станет презирать или избегать его, когда он примется задавать обеды, устраивать охоты и праздники? У кого найдется такая строгая совесть, чтобы сурово осудить любезного хозяина дома, который будет широко пользоваться своим богатством? Разве триумф человека почтенного и богатого не был заранее обеспечен у светских людей?

Томье ускорил шаг и осмотрелся вокруг с самоуверенным видом. Он убедился внутренне, что общее сочувствие будет стоять на страже его частных интересов. И, сильный той опорой, которую он рассчитывал найти у людей, дорожащих корректной выдержкой больше, чем благородством чувств, молодой человек заглушил в себе последние отголоски возмущенной совести. Он зашел на свою квартиру, переоделся и с твердой решимостью исполнить обещание, данное Розе, отправился на обед, который называл уже в душе «обедом разрыва».

Было восемь часов, когда Жан явился в аллею Вилье. Жаклина встретила его тревожной улыбкой. Она думала одну минуту, что он не придет. Томье пожал руку Леглизу, убедился, что госпожа де Ретиф находится тут, и сейчас почувствовал себя в приятном настроении. «Ватага» была в полном сборе, и Буасси с ледяною холодностью принимал комплименты, расточаемые ему Бернштейном и Тузаром по поводу романа, который он печатал в «Revue Blanche». Писатель как будто хотел сказать этим двум светским людям, что

они безнадежно неспособны оценить его, а потому он не придает никакого значения их похвалам. Тонелэ рассказывал со множеством подробностей о том, как он снял двадцать клише с нового обзора театра Скала. Никогда еще не выставлялось напоказ столько хороших и так сильно обнаженных женщин. Эти фотографии, наверно, заставят сбежаться публику к витринам на Итальянском бульваре; это будет реклама и для театра, и для фотографа-любителя.

– Послушайте, старина, – сказал ему Рово, – вы дойдете до того с вашими фотографиями, что вас привлекут к ответу в исправительную полицию за оскорбление общественной благопристойности. Вы не имеете извинения даже в том, что это дает вам средства к жизни, потому что ваши любительские упражнения прямо разоряют вас.

– Кому вы это говорите? – воскликнула госпожа Тонелэ.

Кретъен с Тузаром переглянулись, точно спрашивая, не смеются ли над ними. Потом подрядчик сорвал сердце на Тонелэ, проворчав:

– Рово говорит правду: этот глупец кончит садизмом. Мы увидим, как он станет фабриковать прозрачные карты.

Произошло движение, двери распахнулись, гости прошли в столовую. Обед, по обыкновению, был сервирован роскошно, с обилием цветов и хрусталя. Главные принадлежности столового прибора соединялись вместе гирляндами, которые обвивали также и канделябры. Посредине стола ледяная глыба, окруженная цветами, освещалась в центре элек-

трической лампочкой и отливала радугой, подобно колоссальному бриллианту. Госпожа Леглиз казалась озабоченной и отвечала неопределенными улыбками на неловкие объяснения Лермилье, который пустился толковать о начатом им портрете мадемуазель Превенкьер. Валентина, необыкновенно красивая, сидела с левой руки Этьена и с милым увлечением вторила Буасси и госпоже Варгас, заражавшей веселостью всех окружающих. Немного спустя Буасси заговорил о недавнем приключении красавицы госпожи де Сезарье, которая похитила баритона из театра Буфф и приводила в ужас купальщиков Территэ, выставляя напоказ свою любовь к торжествующему певцу. Госпожа де Рово объявила:

– Кажется, теперь только одни актеры умеют любить.

Мужчины, жившие лишь для наслаждений, громко восстали против этого, а Томье сказал своим насмешливым тоном:

– Только одни актеры действительно способны распалить воображение испорченной женщины. В самом деле, если актрисы увлекают пресыщенных мужчин, почему бы светским женщинам не увлекаться красивыми кавалерами в трико, с нарумяненным лицом, подведенными глазами и заученными жестами? Ведь тут нужно что? Пряность, которая возбуждает притупившийся вкус. Если женщины теряют голову от воркования опереточных певцов, так это потому, что мужчины их круга разучились им нравиться. Это не служит к славе мужчин, как не делает чести и женщинам. Вот еще

одно из доказательств страшной деморализации, до которой дошел веселящийся свет, составляющий нашу стихию! И в приключении госпожи де Сезарье собственно мало смешного. Это один из симптомов печального положения дел, о котором лучше не думать много, потому что оно потребовало бы важных реформ в нашем существовании.

При этом выводе, высказанном с внезапной серьезностью, Жаклина побледнела и обратила тревожный взгляд на любимого человека. Но тот, из притворства или неосторожности, отвернулся в сторону, и она не могла встретиться с ним глазами. Молодая женщина вздохнула и задумалась.

– Черт побери, – сказал Буасси, – Томье ударился в едкую психологию и повторяет устарелые тирады Барьера в «Парижанах»! Но, мой милый друг, вы горячитесь по-пустому; вас просто заедает беспричинная тоска, не что иное, а это не ново. В прошлом году великая Сара опять сыграла нам Далилу. Та же самая история: «Ты поешь, каналья, а долматский лебедь умирает!», Будьте покойны, баритон госпожи де Сезарье не окажется таким романтическим: он не умрет от любви, Он вернется в Париж, блестящий, в голосе и с великолепными драгоценностями... А все его маленькие подружки станут им любоваться, с восхищением повторяя: «Он был любовником графини!»

Разговор уклонился в сторону, но Жаклина осталась под впечатлением того презрения, которое выливалось через край из уст Томье, когда он говорил об их свете: свете куте-

жа, который он так любил, где ему только и было привольно, куда он увлек ее заодно с Этьеном и откуда хотел теперь скрыться, покинув ее там. Непреодолимая грусть овладела ею. Гул голосов отдавался в ушах молодой женщины, не пробуждая ее мысли. Она смотрела, не видя, совершенно машинально встала по окончании обеда, чтоб пройти в гостиную. Тут она преодолела себя, увидав поблизости Томье, смеявшегося и шутившего с госпожою де Рово. Госпожа Леглиз хотела уверить себя, что она ошиблась и выходка Жана не имела особой цели, а была одной из вспышек досады, свойственных ему в пылу разговора: игрой его ума, но никак не выводом рассудка. Она подошла к нему и взяла его за руку. Дверь гостиной, выходящая в оранжерею, была затворена. Жаклина тихонько повела туда Жана, заставила его сесть у мраморного бассейна, в котором мелодично журчала струя водомета, и тут заговорила с ним, печально улыбаясь.

– Как вам надоела жизнь, которую мы ведем, мой бедный Жан, и до какой степени ненавидите вы свет, который нас окружает!

– Я? – спросил он. – Что заставляет вас предполагать это?

– Все! Ваше поведение, ваш язык, горечь ваших слов и холодность вашего обращения. Жан, не будет ли благороднее и милосерднее с вашей стороны сознаться мне прямо?

– Сознаться в чем?

– Что вы хотите меня покинуть, что вы не любите меня больше, – одним словом, что все кончено между нами.

– Кончено? Жаклина, вы опять за свои безрассудства!

Он внимательно наблюдал за нею, говоря таким образом, потому что подстерегал удобный момент поразить это трепещущее сердце. Ему показалось, что она дрожит от душевной боли, может быть, и от гнева, очень мало расположенная покориться судьбе и, вероятно, готовая на какую-нибудь вспышку. И Томье счел благоразумным оттянуть время, отдалить взрыв, смягчить его ловкими приготовлениями. Он покорился необходимости лгать в ожидании более благоприятного момента ради пользы самой бедной женщины, которую он обманывал.

– Жаклина, вы становитесь ужасны с вашими воображаемыми тревогами! Что это значит? Разве мне уж нельзя говорить без того, чтоб вы не стали искать тайного смысла в проносимых мною словах? Если вы подвержены страсти себя терзать, то подождите хотя, когда тому представится действительный случай, а до тех пор не мучьте меня, потому что я не могу ничем вас образумить.

– Нет, ты можешь меня успокоить, обещать мне...

– Ах, обещания?... Жаклина, это монета измены! Обращайтесь со мною более достойным образом. Не требуйте от меня, чтобы я убаюкивал вас банальными формулами, сделайте мне честь, не ставя меня на одну доску с первым встречным! Если бы я хотел вам изменить, неужели вы думаете, что меня удержали бы слова?

– О, если ты захочешь мне изменить, я знаю, тебя не удержат.

жит ничто! – сказала она. – Это я твердила себе много раз, потому что боялась всегда, чтоб и для меня не пробил час быть покинутой, как для стольких других, как для всех женщин, которые были любимы. Существует ли на свете верность? Была ли я сама верна Этьену? Если он покинул меня в двадцать пять лет, разве это было уважительной причиной отплатить ему тем же? Но ты любил меня, и я не сумела устоять против тебя. Вот в чем моя вина, единственная в жизни; должна ли я быть за нее наказана? Пожалуй, это справедливо, потому что я виновата, но быть наказанной тобою – это слишком жестокая кара. Ведь я только слушала тебя, повиновалась тебе, шла на твой зов, когда ты звал меня в твои объятия, на твои уста! Я отдалась тебе, желая навек остаться твоею собственностью! Значит, если ты меня оттолкнешь, то уже не в область жизни, как я сказала, потому что я без тебя не могу жить, но в царство смерти. Ты не покинешь меня, Жан, а ты меня убьешь!

Он сделал жест унылой скуки, и его лицо выразило такое недовольство, что госпожа Леглиз заключила более спокойным тоном:

– Это в последний раз говорю я таким языком. Я вижу, он тебе не нравится. Я не хочу ни огорчать тебя, ни надоедать тебе. Эти слова ты должен был услышать. Теперь они высказаны, и этого достаточно. Действуй, как тебе угодно. Что бы ты ни сделал, знай, я буду тебя любить вечно.

Томье ничего не отвечал, расстроенный, опечаленный,

понимая, что прервать давнишнюю связь будет гораздо труднее, чем он думал, но вместе с тем готовый решительно осуществить свое намерение. Жаклина встала, горько улыбаясь, но сказала почти веселым тоном:

– Вернемся в гостиную. Если разговор между нами затянется дольше, наши друзья подумают, что я делаю вам сцену!

Госпожа Варгас, уступая просьбам собравшихся гостей, направлялась к роялю, чтобы пропеть репертуар новых шансонеток. После некоторых блестяще взятых аккордов Бернштейн, аккомпанировавший ей, спросил:

– С чего вы начнете?

– С «Тюрбена». Потом я пропою «Старых дозорщиков».

– Идет!

Он заиграл прелюдию. Пройдя через гостиную, Томье направился к госпоже де Ретиф и сел возле нее. Молодая женщина тотчас заметила его бледность, подергивание губ и угадала одолевавшее его жестокое волнение.

– Сцена? – шепнула она чуть слышно.

– Да, отвратительная!

– Она цепляется?

– Ужасно.

– Вы не поддаетесь?

– Не поддаюсь.

Госпожа Варгас исполняла скабрёзную уличную песню своим очаровательным и свежим голосом, подчеркивая особенно пикантные места. Томье сделал брезгливую гримасу:

– Как мне надоели светские женщины, расппевающие песни Сен-Лазара! Клянусь вам, если б я не женился на мадемуазель Превенкьер, то поехал бы на дальний Восток. Я не могу больше дышать атмосферой этих салонов... Я в них задыхаюсь.

– Будем осторожны, Жан. Не станем никого трогать; пускай наш разрыв с ними произойдет незаметно...

– Ах, мне уж надоели эти отсрочки! Ведь я свободен, черт возьми! Будь я женат, то обратился бы к разводу... Между тем, когда меня удерживает какая-то фантастическая нить, я должен считать себя связанным ту же всякого легального обязательства. Нет, благодарю покорно!

– Молчите! Ваше волнение подметят...

– Я не могу больше сдерживаться. Уедемте. Вдобавок мне нужно с вами поговорить.

– Тогда я вас доведу. Госпожа Варгас, кстати, кончает свою маленькую мерзость среди всеобщего восхищения. Я скажу Этьену с Жаклиной, что у меня разболелась голова, а что вас я подвезу до дому, так как нам по дороге.

Они поднялись под гул громких восклицаний, простились с хозяевами и уехали. В экипаже возле Валентины Жан тотчас приступил к своим признаниям.

– Мои дела идут не совсем гладко у Леглизов, а ваши также не особенно ладятся у Превенкьеров.

Красавица-блондинка закусила губы и сухо промолвила:

– Что там случилось?

– О, просто о вас дошли неблагоприятные сведения, подкрепленные фактами, и мадемуазель Роза страшно возмущается при мысли, что ее отец может вздумать на вас жениться.

– Что ей рассказали? Что я была любовницей Этьена?

– Я думаю, она догадывалась о том.

– Ну, тогда что же?

– Это очень неловко высказать.

– Даже для вас?

– Даже для меня.

– Значит, надо задавать вам вопросы. Ей говорили о деньгах?

– Да.

– Короче, ей сообщили, что я содержанка?

– Приблизительно так.

– И она вам это передала?

– Да, сегодня. Я должен сказать, что симпатия мадемуазель Превенкьер к вам не особенно пострадала от ее открытия. Должно быть, вы сумели привязать ее к себе, потому что она была скорее расстроена, чем возмущена. Я, пожалуй, могу положительно утверждать, что, слыша нелестные отзывы о вас, Роза была искренно огорчена, и первую ее мыслью было: «Какое горе быть поставленной в необходимость прервать знакомство с нею!»

– Оставим в стороне чувства и займемся фактами, – прямо заявила госпожа де Ретиф. – По-видимому, мои расчеты разлетелись вдребезги. Возможно ли склеить разбитые кус-

ки и каким образом?

Томье обернулся к Валентине с неподдельным восторгом:

– Что вы за женщина! – воскликнул он.

– Неужели вы думаете, что я стану хныкать, как дура! Я боялась, что так случится, и приготовилась к этому заранее. Превенкьера я держу крепко. Он не касался края моего платья. А с человеком его лет и его характера никогда не останешься внакладе, если обладаешь такими данными, как я. Весь вопрос был в том, можно ли женить его на себе тотчас или предварительно сделаться его любовницей, а потом женой. Роза взяла на себя труд разрешить мое недоумение. Она не хочет, чтоб я вышла за ее отца в настоящее время. А я слишком горда, слишком деликатна и слишком расположена к этой малютке, чтобы доставить ей даже тень неприятности. Она сама со временем придет просить меня придать легальную форму моей близости с ее отцом. Уж я за это берусь. И я буду относиться к ней превосходно, слышите, Томье? С вами я не играю комедии. Да и к чему бы это повело? Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы я могла вас обмануть. Я очень люблю Розу и сделаю все в угоду ей. Я не буду стараться выйти за Превенкьера до тех пор, пока она сама не найдет смешным, что отец ее не пользуется всеми удобствами, всем спокойствием и всею респектабельностью, на которые имеет право, Превенкьер, видите ли, мой друг, будет моим последним предприятием, с ним я выхожу в отставку. Мне тридцать два года. Я очень пресыщена всем. Я хочу ложить-

ся спать в десять часов вечера, когда мне вздумается, и не быть обязанной больше мотаться с кутящей ватагой до зари по мелким театрикам и ночным ресторанам, в силу профессиональной обязанности. Довольно игривых фантазий! Пора заняться домашним хозяйством. Заживем на свои доходы, как добрые буржуа, и прощай компания кутил!

– Дорогая моя, – сказал Томье, – мы с вами люди одного закала и оба мечтаем поступить в разряд отставных жуиров. Мы закончим наше существование весьма достойным образом.

– И ничто не доказывает, что порядочность умных людей скучна!

– Это и мое мнение.

– Ну, вот подъезд вашей квартиры. Прощайте, Томье. Вы открыли мне глаза, я не забуду этого. Ошибочный маневр в моем положении мог все испортить.

– Что вы хотите сделать?

– Порвать с Этьеном немедленно.

– Он поднимет страшный гвалт.

– Я на это и рассчитываю. Превенкьер услышит его крик.

– А, вот вы как! – заметил Томье. – Значит, пускаете в ход сильные средства.

– Не колеблясь. Ну, выходите, что ли! Карета давно остановилась. Мой кучер удивится наконец, чего мы так медлим.

Они пожали друг другу руки, смеясь. Томье отворил дверцу и скрылся.

Глава 10

Лакей вышел в маленькую гостиную, где госпожа де Ретиф сидела с Превенкьером, и доложил, понизив голос:

– Господин Леглиз спрашивает, можете ли вы, сударыня, их принять?

Валентина повела плечами и нахмурилась, очевидно не расположенная принимать этого гостя.

– Скажите, что я не здорова, – сухо ответила она.

Превенкьер с беспокойством подвинулся в кресле и по уходе слуги заметил, озабоченно посматривая на молодую женщину:

– Вы забыли, что мой экипаж у вашего подъезда...

– Ну, так что же?

– Он его узнает.

– Пускай! Разве я не вольна принимать, кого хочу, и отказывать тем, кто мне не нравится? Неужели вы упрекнете меня в том?

– Конечно, нет.

– Вы боитесь господина Леглиза?

– Я?

На губах Превенкьера появилась великолепная улыбка человека, защищенного броней богатства. С какой стати бояться ему Этьена? Отвергнутому любовнику, напротив, приходилось бояться его самого.

– Со вчерашнего дня он приезжал три раза, и моя дверь оставалась для него запертой. Я полагаю, что если он сколько-нибудь усвоил умение жить, то избавит меня от неприятности прогнать его прямо.

– Он любит вас, – вздохнул Превенкьер, – и страдает.

– Он причинил мне много зла, – возразила Валентина. – Я на него не сержусь, но не согласна больше подчиняться его капризам. Вся эта окружающая меня роскошь мне противна; это он навязал мне ее. Я родилась с простыми вкусами; это Леглиз заставил меня насильно жить какою-то мотовкой. Я была воспитана бедной матерью, которая приучила меня довольствоваться малым. Муж мой запер меня в наследственном замке в Морване, в лесной глуши, где я проводила круглый год одна за чтением или работой. Встреться мне человек скромный вместо этого бесшабашного кутилы Этьена, я жила бы без всякой пышности и пользовалась уважением. Но тот, кого я полюбила, увлек меня в вихрь безумной и расточительной жизни. Бог свидетель, что мне она совсем не нравилась! Лучше всего я доказываю это, решаясь покинуть без сожаления и навсегда опостылевший мне мир беспутных кутежей.

Превенкьер выслушал монолог Валентины, оттененный с искусством великой актрисы, не прерывая его даже возгласом удивления, хотя метаморфоза, происходившая на его глазах, не могла быть полнее. Но уста, произносившие эти слова, были так убедительны, а взор, подтверждавший их,

обладал магической силой. Когда Валентина умолкла, гость осмелился спросить:

– Что такое произошло между вами?

– Ничего.

– Значит, вы без всякой причины не хотите больше принимать Леглиза?

Она приподняла свои белокурые ресницы; ее взгляд блеснул лукавством, и молодая женщина проговорила с улыбкой, от которой можно было потерять голову:

– Он перестал мне нравиться.

Тон, жест, выражение глаз – все говорило так ясно: «Теперь мне нравится другой, и этот другой – вы». Превенкьер почувствовал трепет по всему телу. Сердце у него билось до того, что стесняло дыхание, в глазах потемнело, но он осмелился, однако, взять руку Валентины, мягкую и свежую, и безмолвно пожать ее, не будучи в состоянии вымолвить ни слова. Позволяя ему гладить свои белые пальцы, она продолжала с наивностью пансионерки:

– Все, что у меня тут есть и что я получила от него, внушает мне отвращение. Я все продам; я не оставлю ничего из этой обстановки, чересчур роскошной для той жизни, которую я поведу с этих пор. В конце этой недели я намерена уехать в Швейцарию, где буду гостить у своих друзей, а по возвращении стану искать себе квартиру по своим средствам и вкусам. Я не бедна: у меня тридцать тысяч франков дохода. Этого вполне достаточно, чтобы жить прилично. По крайней

мере, тогда я буду свободно принимать у себя людей, которых люблю и уважаю. Я уверена, что Роза придет ко мне с большим удовольствием в скромную квартиру, чем в это жилище, обставленное с княжеской роскошью. Да и вы сами...

– Ах, если б я мог думать, что вы сколько-нибудь принимали меня в соображение в ваших планах, – пылко перебил Превенкьер, – если б мог надеяться, что моя привязанность к вам, которую я решусь высказать в данном случае, сколько-нибудь повлияла на ваше решение, я был бы слишком счастлив!

– Друг мой, – серьезным тоном остановила его госпожа де Ретиф, – не говорите со мной так в данную минуту, дайте предварительно исчезнуть блестящей женщине, заласканной и немного взбалмошной, которую вы знали. В глубине моего сердца она перестала уже существовать. Я хотела, чтобы вы любили прежнюю Валентину. Ей, пожалуй, удастся заставить вас забыть ошибки теперешней Валентины. Вот вы увидите, как она искренна, великодушна и наивна, совсем не похожа на то, чем ее сделало это ужасное Общество, одним словом, достойна сделаться подругой доброго и честного человека.

– Его женой! – воскликнул Превенкьер, бросаясь к ногам красавицы блондинки.

Однако она оттолкнула его испуганным жестом и вымолвила дрожащим голосом:

– О нет, этому никогда не бывать!

И в ответ на его удивленный, вопросительный взгляд она потупила голову, закрыла руками лицо и залилась слезами. Видя перед собою рыдающей, потрясенной обожаемую им женщину, Превенкьер потерял голову. Он опять опустился на колени, пытаясь приподнять очаровательное личико, открыть нежные глаза, из которых текли слезы, струясь между розовыми пальчиками.

– Валентина! – воскликнул он. – Умоляю вас!.. Вы мне терзаете сердце!.. Что случилось? Сжальтесь! Перестаньте плакать... Вы сводите меня с ума своим горем!.. Да что же я сделал, наконец? Я вас так люблю. Увы, я уже не красив, не молод! Неужели вы чувствуете ко мне отвращение?

Она медленно и кротко покачала головой в знак отрицания, что окончательно вывело из себя Превенкьера:

– В таком случае, если вы имеете хоть немного снисхождения ко мне, не отталкивайте меня... Примите мое имя, которое я вам предлагаю.

Она открыла лицо, показала ему свои зеленые глаза, оживленные и блестящие, свои трепещущие губы и нежный румянец лица. Эта чародейка была так прекрасна в данный решительный момент, что все глупости пятидесятилетнего мужчины невольно казались простительными. Она улыбалась, по ее щекам катились две последних слезы, которые Превенкьеру так хотелось осушить поцелуем. Валентина прижала руку к сердцу, как будто желая утишить его биение, и сказала с неподражаемой прелестью:

– Простите! Я огорчила вас нечаянно. Вы превосходный друг, и я не забуду вашего сегодняшнего поступка. Но я слишком привязана к вам, чтобы принять предложение, сделанное вами сгоряча. С этой минуты вы один будете существовать для меня. Я сделаюсь вашей приятельницей, вы будете видеть меня, когда угодно. Все в вас будет мне мило и дорого. Но вы не один на свете, у вас есть дочь. Ни за какие блага не хотела бы я подвергать вас ее порицанию. Ведь согласись я сделаться вашей женой, ей это было бы неприятно, тут нет никакого сомнения. Не оскорбляйте же это молодое сердце, которое уже много выстрадало и теперь имеет право рассчитывать, что будущее загладит для нее неудачи прошедшего. Пощадите спокойствие Розы и обеспечьте ее счастье. Я буду помогать вам в том всеми силами, потому что люблю вашу дочь, вы это знаете; я готова скорее страдать сама долгие годы, чем причинить ей страдание хотя бы на одну минуту.

– Ах, я передам ей ваши слова, и она откажется от жертвы, которую вы налагаете на меня!

– Которую я налагаю на себя, мой друг, желая, чтобы она осталась неизвестной вашей дочери, – с восхитительной улыбкой проговорила Валентина. – Довольно, однако, об этом тягостном для меня предмете, и не станем никогда больше к нему возвращаться.

– Как, – подхватил встревоженный Превенкьер, – неужели вы отнимете всякую надежду на то, что согласитесь быть

моей женой? Неужели моя безграничная любовь к вам будет для меня только источником терзаний? Неужели вы пожертвуете мною ради моей дочери? Да, наконец, пожалуй, вы приписываете ей чувства, каких она никогда не питала. Что наводит вас на мысль, будто бы Роза отнесется враждебно к моему намерению?

– Я знаю это наверно.

– Вам говорили?

– Да, И велика, значит, искренна моя привязанность к вам, если я не решилась после того навсегда прервать наше знакомство.

– Вероятно, вас оклеветали перед Розой? Что такое могли выдумать, чтобы повредить вам?

– Что рассказывают о всякой женщине, несколько на виду и потому внушающей зависть. Но я на нее не сержусь; я ее понимаю и прощаю. На ее месте я, вероятно, действовала бы точно так же. Ею руководит избыток уважения к отцу. Но наступит день, когда мадемуазель Превенкьер отнесется ко мне благосклоннее.

– Ну, а если бы она добровольно сошлась с вами опять на дружескую ногу... отнесли бы вы к ней, по крайней мере, снисходительно?

– К вашей дочери?... К вашему ребенку! Боже мой, да будь она во сто раз более жестокой, мое сердце и мои объятия будут ей неизменно открыты.

– Как вы добры!

– Тут нет никакой заслуги; я ее люблю.

Это было сказано таким многообещающим тоном, сопровождавшимся таким чудным взглядом, что Превенкьер мог принять на свой счет признание, относившееся к Розе. Он был потрясен. Оно открывало перед ним рай. Эта обворожительная женщина принадлежала уже ему. Влюбленному оставалось только ее взять. Он почувствовал прилив неожиданной гордости. Он увидел себя царем вселенной.

– Ах, я не буду вполне счастлив до тех пор, пока обе вы не будете возле меня. Валентина, я рассчитываю на привязанность Розы, а вы рассчитывайте на мою любовь!

Банкир встал, не будучи в состоянии долее оставаться на месте. Он испытывал потребность двигаться, дышать, найти в чем-нибудь исход своему волнению. Госпожа де Ретиф томно взяла под руку человека, которого только что околдовала так искусно, и, слегка прижимаясь к нему, проводила его до прихожей. Здесь она остановилась и, расставаясь с ним, как будто против воли, целомудренно подставила ему лицо для поцелуя. Весь дрожа от этой первой ласки, Превенкьер прикоснулся губами к бархатистой щеке и ощутил нежный, опьяняющий аромат женского тела. У него вырвался глубокий вздох, заставивший Валентину слегка повернуться; и тут, как бы невзначай, края свежих восхитительных губ подвернулись под его поцелуй. Банкир почувствовал, что госпожа де Ретиф вздрогнула. Он схватил ее в объятия.

– Умоляю вас, пустите меня, уходите, – пролепетала она

задыхающимся голосом.

И, упоенный радостью, но покорный этой воле, которая отныне стала для него законом, банкир отворил дверь и вышел. Он спускался с лестницы, точно его несли крылья. Сердцу счастливого влюбленного было всего шестнадцать лет. Выйдя на улицу, он, однако, был неприятно поражен, увидав в дверях купе, стоявшего у подъезда, лицо Этьена Леглиза. Заметив его, фабрикант выскочил на тротуар и бросился к нему, спрашивая раздраженным тоном:

– Вы сейчас от госпожи де Ретиф?

– Как видите, – несколько неуверенно отвечал Превенкьер. Он еще не решил, как ему держаться в новом положении, и не нашелся сразу, озадаченный вмешательством Леглиза.

– Так это из-за вас она не хочет меня принимать? А, мне давно следовало догадаться! Но вы увидите, чего это вам будет стоить!

Угроза, подразумевавшаяся в его словах, победила колебание Превенкьера. Он не был трусом, а возбужденное состояние нервов придало ему отчаянную храбрость. Банкир смерил своего противника взглядом и произнес суровым тоном, который ободрил его самого:

– Что вы желаете этим сказать? Не думаете ли вы запретить мне бывать, где я хочу? Уж если один из нас зависит от другого, то во всяком случае никак не я.

При этом грубом намеке на денежные услуги, оказанные

ему Превенкьером, Этьен побледнел.

– Я и не помышляю мешать вам, – сказал он с презрительным жестом. – Вдобавок какой бы из этого вышел прок? Если кто виноват передо мною, так это не вы. – И Леглиз продолжал, переменяв тон: – Куда вы теперь? Нельзя же нам разговаривать тут у подъезда. Пожалуй, эта негодяйка еще подсматривает за нами из-за оконных занавесей!

Он с живостью поднял голову, чтобы взглянуть в окно первого этажа, однако не заметил там насмешливого лица Валентины.

– Я возвращаюсь к себе, – отвечал банкир. – Если вы желаете объясниться со мною, то проводите меня. Я отпущу свой экипаж. Мы поговорим дорогой.

– Поезжайте за нами, – приказал Этьен своему кучеру.

Медленно, точно прогуливаясь, направились они к Елисейским полям.

– Если госпожа де Ретиф удалила меня, чтобы удобнее принимать у себя вас, – снова начал Леглиз, – значит, она решила разойтись со мною. Я знаю ее приемы. Когда я отбил ее у Селима Нуньо, вышло то же самое...

– Я вас покорнейше прошу, – яростно перебил Превенкьер, – не порочить в моем присутствии женщины, к которой я питаю полнейшее уважение... В противном случае прекратим наш разговор.

– Так вот уж вы до чего дошли! – иронически процедил Этьен. – Черт побери, госпожа де Ретиф обратила вас в ма-

ленький образец дрессировки на свободе довольно редкого сорта! Вы ее уважаете? Это должно сильно ее изменить! А удивить и еще того более! Держу пари, что вы только что возвратились не из Трансвааля, но откуда-нибудь подальше, милостивый государь, если способны верить респектабельности Валентины! Любите ее, черт побери, если она вам разрешает, только не преклоняйтесь перед нею!

– Милостивый государь, – возразил Превенкьер, – я принимаю в соображение, что ваши речи подсказаны вам отчасти оскорбленной гордостью и обманутой любовью, но не могу, однако, забыть, что познакомился с госпожою де Ретиф в вашей собственной гостиной, в обществе вашей супруги и всех ваших друзей. Если она – особа, не заслуживающая уважения, к чему же вы принимали ее у себя так любезно? А если она была достойна подобного приема, каким же именем назвать ваш отзыв о ней в данную минуту? Госпожа де Ретиф удостоила вас своей благосклонностью, позволяя вам заботиться о ней. Разумеется, я не утверждаю, что она действовала правильно, уступая вашим настояниям, но могу засвидетельствовать, что относительно вас она держалась с полным достоинством, относительно же госпожи Леглиз – с удивительным тактом. Я знаю, что свет, где вы вращаетесь, не есть школа добрых нравов, что в нем терпимы многие слабости, которые не унижают в вашей среде женщин, предающихся им. Но что не может быть терпимо, так это – чтобы мужчина, воспользовавшись женскими слабостями, был настолько

мало щепетилен, чтобы унижать за них особу, которая была с ним близка. Во всех странах, даже в Трансваале, запомните это, господин Леглиз, подобный поступок называется подлостью...

– В Париже, – хладнокровно возразил Этьен, – мы называем это «судаченьем». Да еще вопрос, стоит ли женщина, чтоб о ней так много толковать!

– Женщина, какова бы она ни была, может требовать от нас уважения. Вдобавок с вашей стороны тем менее простиительно злословить о госпоже де Ретиф, что вы сами в отчаянии от ее потери и ваше негодование всё еще внушено вам любовью!

При этих словах лицо Этьена передернуло; он побледнел, сделал попытку рассмеяться, но у него из горла вырвалось что-то вроде свиста, а глаза наполнились слезами.

Он остановился на минуту, сжал локоть Превенкьера, с которым шел под руку, и произнес:

– Вы правы! Да, я обожаю эту негодяйку! Приколдовала она меня, что ли? Я не могу без нее обойтись и прихожу в бешенство при одной мысли, что она меня бросит... Если б она согласилась меня принять, я готов подняться к Ней на лестницу на коленях, ползком. Вот целые четверть часа, как я браню ее перед вами, а между тем со вчерашнего дня я ей пишу письмо за письмом, чтобы добиться свидания с нею. Она дала мне отставку с невероятной суровостью. Накануне была так ласкова, мила, а на другой день – неумолима, Сей-

час вы меня упрекнули за то, что я говорил на ее счет... но сама-то она не во сто ли раз более несправедлива и жестока ко мне? Ну, заслужил ли я, чтоб меня прогнали, как проворовавшегося лакея? В чем я виноват перед ней? Ведь я ради нее разорился...

– Мужчина не разоряется ради женщины, – сурово перебил Превенкьер. – Он разоряется ради собственного тщеславия. Разве госпожа де Ретиф требовала тех безумств, которые вы творили? Ведь вы сами хотели, чтобы она затмила всех соперниц, чтобы она была всех изысканнее, блестящее. Вам надо было, чтобы люди говорили при виде ее обстановки, лошадей, бриллиантов, туалетов: «Это Леглиз доставляет всю эту роскошь, это ему принадлежит та восхитительная красавица. Она живое доказательство его расточительности, яркая вывеска его богатства». А вы воображаете, что госпожа де Ретиф обязана вам чем-нибудь за «то, что вы так безумно проматывали на нее деньги, проматывали до подрыва собственного кредита? Нет, милостивый государь, ничуть не бывало! Не из любви к ней разорили вы свой завод, а из любви к самому себе! Вдобавок ей противно это пусканье пыли в глаза; у нее простые вкусы.

– Она вам это говорила? – насмешливо спросил Этьен.

– Она мне это доказала. Госпожа де Ретиф хочет продать всю свою обстановку, лошадей, бросить квартиру, чтобы жить на собственные доходы.

– И вы поймались на эту удочку? Ну, вы гораздо моложе,

чем я думал!.. Значит, она прикинулась перед вами простой и скромной? А вы так и поверили на слово ее добродетели? Пойдите, бесхитростный человек, мы с вами когда-нибудь возобновим еще наш разговор. Но ведь какая она умная бес-тия! Чего ей от вас надо?

Вдруг он остановился и топнул ногой.

– Ах, черт возьми, брака! Вы на ней женитесь?

– Я предлагал ей свою руку, она отказала.

Леглиз молча шагал возле Превенкьера. Он размышлял. Они шли по аллее Буа. Судя по их спокойному виду, этих соперников можно было принять за двух Друзей, прогуливающих ради гигиенических целей. После минутной паузы Этьен сказал:

– Эта женщина способна на все! Пожалуй, она и в самом деле хочет остепениться. Если Валентина избрала вас, чтобы помочь ей сделаться порядочной особой, вы можете похвастаться, что выиграли квинтерну в лотерею. Умная, ловкая, энергичная, насколько я ее знаю, она будет несравненной подругой жизни, если раз забрала себе в голову свернуть на честный путь. В Париже через несколько месяцев все забывается. И вдобавок общество никогда не судило строго таких хозяек, в число которых сумеет вступить госпожа де Ретиф. При вашем богатстве она так поставит ваш дом, что все станут считать за честь в нем побывать, и действительно у вас будет весело. Теперь я понимаю ее недомолвки, тревоги. Сотни подробностей, которым я не придавал в то

время значения, всплывают теперь передо мной. Ей надоело непрочное положение, в котором она находилась. Она мечтала о чем-нибудь солидном и чувствовала, что я никогда не буду в состоянии доставить ей то, чего она хочет. Вдобавок Валентина слишком умна, чтоб не догадываться о моем разорении. Она бросила, собственно, не меня, а жизнь авантюристки.

Эта мысль, по-видимому, успокоила раздражение Леглиза. Он кончил тем, что стал подыскивать смягчающие обстоятельства для Валентины. Их подсказывало ему самолюбие, что он принимал с истинным облегчением. Превенкьер поощрял в нем эти проявления благоразумия, имея в виду прежде всего оградить от неприятностей Валентину. Способствовать благополучной и незаметной развязке такого щекотливого дела было выгодно банкиру во всех отношениях: ради любимой женщины, ради Розы и ради самого себя. Он был готов жалеть Этьена, утешать его, защищать. Вообще он отнимал у этого человека его собственность, стараясь расплатиться за нее как можно щедрее. Превенкьер не чувствовал себя вполне чистым перед ним. Если легко утверждать, что нельзя заставить женщину любить того, кто ей не нравится, то гораздо труднее убедить другого в том, будто бы со стороны мужчины честно сделаться сообщником измены.

Банкир начинал находить в душе, что Леглиз не особенно ревнует к нему Валентину; мало того, Этьен как будто со-

всем не считал его серьезным соперником. Покинутый любовник винил только одну госпожу де Ретиф, не делая Превенкьеру ни малейшего упрека, так что тот наконец невольно спросил:

– Во всяком случае, вы на меня не сердитесь?

– С какой стати? Вы тут ни при чем. Это все штуки Валентины, я отлично вижу. Вы или другой, ее измена все равно была неминуема. Вы еще лучше всякого другого, и это предпочтение мне не так обидно. Если б она выбрала, что совершенно зависело от ее каприза, какого-нибудь модного франта, вроде маленького Фурнериля, или богатого кутилу, как Бернштейн, мне было бы стыдно, что меня променяли на товарища. Но вы, вы человек серьезный, это дело другое! Я ужасно обижен, огорчен, потому что потерять такую женщину, как Валентина, слишком больно; тем не менее я уверен, что ее счастье будет упрочено, и это служит мне утешением.

– Вы, кажется, сейчас дадите мне свое согласие! – с досадой воскликнул Превенкьер. – Черт побери, я не просил его у вас, помните это и не высказывайте столько уступчивости! Если так пойдет дальше, завтра вы станете уверять, что это дело сладилось с вашего согласия.

– Ай-ай, теперь заговорило ваше собственное самолюбие! – подхватил Этьен. – Мы не останемся друг у друга в долгу, надо полагать! Успокойтесь, однако, мое горе слишком действительно, чтобы вы могли обижаться; но, помогая сыграть со мною скверную штуку, вы, может быть, оказали

мне настоящую услугу. Я губил себя из-за этой чертовки, а теперь, пожалуй, приложив побольше старания к делу, еще как-нибудь и выкарабкаюсь.

– Я помогу вам в этом! – с жаром воскликнул Превенкьер.

– Нет, – возразил ледяным тоном Этьен, – мне ничего от вас не надо. Я должен вам деньги; вы довольно грубо напомнили мне о том сейчас. Итак, останемся при условиях нашей финансовой сделки. Если я не заплачу в срок, пользуйтесь своим правом.

– Никогда, милейший Леглиз, не подам я на вас ко взысканию! Вы свободны ничего не принять, но и я свободен предложить вам, что угодно.

Они подошли к воротам отеля и остановились. Превенкьер нерешительно спрашивал себя, следует ли ему протянуть руку Этьену. Но тот церемонно поклонился чему издали со словами:

– До свидания в день срока моему векселю!

– До свидания, – сказал в свою очередь Превенкьер и вошел в отель.

Этьен велел взять себя на завод, совершенно против обыкновения, потому что он приходил в контору только поутру, предоставляя Маршруа хозяйничать там целый день. Его приезд вызвал некоторое удивление. Проспер Компаньон разговаривал с братом госпожи де Ретиф, которому он только что сообщил о своем отъезде. Маршруа пустился в пространные рассуждения, пытаясь удержать инженера и до-

казывая ему всю рискованность его попытки. Однако он наткнулся на непоколебимую решимость. Поочередно он то касался вопроса о деньгах, предлагая Просперу более важную должность на заводе, то пуская в ход легкие намеки на любовь молодого инженера, давая понять, что тому гораздо выгоднее оставаться в Париже. Но все было напрасно. Единственный ответ, которого этот делец добился у подчиненного, отнимал у него всякую надежду удержать изобретателя и нажиться насчет его изобретения. По нескольким словам, нечаянно вырвавшимся у Проспера, Маршруа начал даже подозревать, что Превенкьер злоупотребил дружески доставленными ему сведениями, чтобы обратить в пользу себе одному верные выгоды, представляемые новым открытием.

При входе в свой кабинет Этьен застал этих двух людей в горячем споре. Проспер тотчас воспользовался приходом хозяина, чтобы выйти. Но Маршруа, сильно взбешенный, оставшись наедине с Леглизом, принялся изливать перед ним свою досаду.

– Представьте себе, этот дурак Компаньон уходит с завода!

– Ну, так что же за беда? Его заменят другим.

– Легко сказать! Кем это, позвольте спросить?

– Да кем бы то ни было, окончившим Центральную школу, кто будет не прочь получать по пятьсот франков в месяц.

– Черт побери, да такому дельному, как этот малый, следовало бы положить в десять раз больше, если б можно бы-

ло его где-нибудь откопать! К сожалению, об этом нечего и думать!

– Вот как! Уж не открыл ли он философского камня? – с удивлением спросил Этьен.

– Да не меньше того, – отвечал Маршруа. – Компаньон нашел средство обходиться без промывки золота, смешивая металл с химическим реактивом, цена которому, так сказать, грош... Если б он уступил нам свою привилегию, как я ему предлагал, мы удесятирили бы свои барыши... Этот скот уносит отсюда с собою богатство!

– А какой черт дал ему совет уехать из Европы?

– Подозреваю, что Превенкьер.

При этом имени Этьен побледнел, сердце у него защемило, и по внезапной реакции кровь бросилась ему в лицо. Скрытый гнев, точивший его, начал кипеть. Между тем он еще не высказывался и продолжал расспрашивать своего компаньона:

– Но какая польза Превенкьеру покровительствовать этому молодому человеку к нашему ущербу?

– О, это ужасное канальство с его стороны! Дело в том, что я предупредил этого плута насчет изобретения Проспера, на которого он имеет все необходимое влияние...

– Какое влияние?

– Черт побери! Этот малый – брат бывшей компаньонки мадемуазель Розы по торговому делу в Блуа. С той поры, как она там жила, он полюбил ее до того, что совсем извелся.

– Так неужели Превенкьер собирается выдать за него свою дочь?

– Да нет же! – воскликнул Маршруа. – Ведь она выходит за Томье!

Он тотчас спохватился, но поздно: сказанных слов нельзя было вернуть. Брат госпожи де Ретиф еще не подозревал, какие важные последствия должна была повлечь за собою его нечаянная оплошность. Нахмутив лоб, Этьен переспросил, с трудом выговаривая слова дрожащими губами:

– Дочь Превенкьера выходит за Томье?

И так как раздосадованный Маршруа молчал, он подошел к нему, схватил его за плечо и, тряся без всякой церемонии, произнес:

– С которых пор это вам известно?

– Да как и всем: вот уж две недели.

– А я один не знал! – воскликнул Этьен сорвавшимся голосом. – И не нашлось ни одного друга, чтобы меня предупредить.

– Кому же охота! – проворчал Маршруа. – Я и сам не рад, что влопался.

– А! Томье?.. – продолжал Этьен, точно стараясь освоиться с этой мыслью. – Но кто же помог ему устроить это дело с Превенкьером? Ведь его сватовство не могло состояться без сучка и задоринки, да еще и дальше...

Леглиз говорил с расстановкой, точно измеряя многочисленные и нешуточные последствия такого события, которое

должно было отразиться на его жизни. Вдруг глаза его потемнели, рот искривился, и он что есть силы ударил кулаком по столу.

– Черт побери, – вырвалось у него, – я понял все! Это ваша злодейка-сестра состряпала их свадьбу!

– Извините, – перебил Маршруа, принимая степенный вид, – мне кажется, вы позволяете себе слишком много!..

– Да, любезнейший, позволяю и нисколько не стесняюсь! Уж не вы ли заставите меня замолчать? Какая поздняя обидчивость! Надо было раньше думать о своем самолюбии. Вам небезызвестно, что я содержу вашу сестру и что, если вы были приняты пайщиком завода, то лишь по ее желанию? Поэтому оставьте свои ломанья – слышали? – и давайте объяснимся, не боясь оскорбить чей-нибудь слух. Госпожа де Ретиф дала мне отставку как раз после помолвки Томье. Это совпадение ручается мне о том, что между нею и моим приятелем существовал взаимный договор. Они соединились, чтобы разом убить двух зайцев. Он метил на дочь, она – на отца! Ну, что скажете на это вы, прикидывающийся таким недотрогой? Не величайшая ли это подлость, какую только можно себе представить?

– Кто позволил вам предполагать, будто бы госпожа де Ретиф...

– Кто? Да сам Превенкьер, которого я накрыл при выходе от нее в то время, когда она отказалась принять меня. С наивной гордостью сообщил он мне, что ваша очаровательная

сестрица пожелала свернуть с дурной дороги, по которой носится уже так давно, закусив удила, и жить скромной мещаночкой. А! Каково? Женщина, которая прошлой зимой заставила заплатить за свою шубу сорок тысяч франков, приобрела изумруды, каких не сыщешь нигде, и которая еле-еле сводила концы с концами, получая по двадцать тысяч франков в месяц на содержание дома! Она, извольте видеть, пропела этому дураку песенку Дженни-работницы, а он развешил уши и принял все это вранье за евангельскую истину! Да это еще что: Превенкьер предложил ей свою руку, но она не захотела! Вы понимаете: не захотела – она, Валентина! Черт возьми! Да смейтесь же, Маршруа! Мы – веселые прожигатели жизни и умеем принимать вещи в хорошую сторону; мы не поднимем скандала из-за того, что женщина обманывает любовника, который чуточку сдрейфил в своих денежных делах, и заменяет его стариком, побогаче. Надо уметь мириться со всякими положениями и вести себя, как подobaет людям новейшего закала.

Леглиз шагал по комнате, смеясь горьким смехом.

Маршруа смотрел на него в молчаливой тревоге. Однако через минуту Этьен успокоился и, подойдя опять к своему товарищу, сказал:

– Ну, женщина – это еще куда ни шло! Женщине не мстят! А вот мужчина... Друг, который вас обманывает и вступает в союз с вашим соперником, разбившим ваше счастье, одним словом – господин Томье! Ведь его-то можно заставить рас-

платиться одного за двойное вероломство!

– Как! Неужели вы хотите выместить на Томье то, что с вами случилось?

– А на ком же еще? Не на Превенкьере, конечно? Он ли, другой ли, тех же лет и с тем же капиталом, это было бы безразлично. Превенкьер не при чем в измене Валентины, бедный простофиля! Его берут, как простого кассира, и он приносит фонды. Неужели ему вдобавок подвергаться еще личному риску? Нет, нет! Каналья, негодяй, сводник – это Томье, и он один должен заплатить за все!

– Берегитесь!

– Чего?

– Того, что могут сказать. Относительно Томье вы поставлены в исключительное положение. Не рискуете ли вы, что про вас скажут, будто бы...

Маршруа остановился, не зная, как подступиться к щекотливому вопросу.

– Что про меня скажут, – продолжал тогда едким тоном Этьен, – будто бы я вызвал Томье, рассердившись, что он собирается бросить мою жену? Ведь именно это хотели вы мне объяснить, не так ли?

– Ну... да, – нерешительно отвечал его компаньон.

– Хорошо, а если б так? Почему вы знаете? Может быть, я нахожу поведение господина Томье недостойным дворянина и собираюсь наказать его за это, как и за его вину передо мною? Неужели я стану лицемерить и прикинусь угнетенной

невинностью? Вы знаете, как я жил и какую терпимость, не исключаящую уважения, выказывал своей жене. Между ней и мною произошло молчаливое соглашение не стеснять друг друга. Мы были добрыми и преданными товарищами и никогда не причинили один другому добровольной неприятности. Разве из того, что моя жена была мне только другом, можно вывести заключение, будто бы я равнодушен к тому, что ее касается? Могу ли я позволить оскорблять ее безнаказанно и не должен ли вступить за нее? Бедная Жаклина! Такая добрая, снисходительная и любящая, она не заслуживала того, чтобы так страдать. Эта женщина имела несчастье в ранней юности выйти замуж за такого злополучного субъекта, как я, который во всех отношениях не стоил ее. Она была вправе ожидать, что настоящее и будущее вознаградят ее за горе и разочарование прошедшего. И вот тот, которому она доверилась, обманул ее в свою очередь. А это второе горе для женщины гордой и прямой, как она, еще более неправомерно, чем первое. Поэтому клянусь, Маршруа, что, пренебрегши общественным мнением, я потребую у Томье отчета за те огорчения, которые он нам причиняет обоим, но в данном случае с меньшей строгостью отнесусь к его вине против меня лично.

– Какая необдуманность! – с озабоченным видом воскликнул брат госпожи де Ретиф. – В нашем свете не привыкли принимать вещи так трагически. Пожалуй, найдут странным, что муж придирается к любовнику своей жены не за

то, что он отбил ее у него, а за то, что он возвратил ее по принадлежности; это совсем новая точка зрения. Разве вы не боитесь насмешек?

– Я берусь заставить молчать насмешников. При виде моей расправы с Томье люди поймут, как опасно со мною шутить!

– Вы не в духе. Отложите ваше решение до завтра. Поразмыслите хорошенько: ручаюсь, что на завтрашний день вы гораздо более здраво взглянете на вещи. Вдобавок, неизвестно еще, состоится ли свадьба, о которой я имел глупость проболтаться перед вами. Оглашения еще не было. Все может разойтись. Кто в состоянии вас уверить, что этот брак вполне решен?

– Главное заинтересованное лицо.

– Вы допросите господина де Томье?

– Не позже, как сегодня же вечером. Неужели вы думаете, что я стану церемониться? Вот еще! Да за кого вы меня принимаете? Чтобы выйти приличным образом из моего настоящего положения, у меня одно средство: подстрелить Томье, как воробья. И я не промахнусь, будьте уверены. Когда на арене останется труп, у зрителей в галерее пропадет охота смеяться.

– Позвольте мне предупредить мою сестру о том, что готовится произойти.

– С какой целью станете вы ее предупреждать?

– Кто знает, может быть, в данное время все еще может

уладиться? Слово, сказанное Превенкьеру...

– Как, – презрительно перебил Этьен, – прибегать к таким низким средствам? Добиться расстройтва свадьбы, напугав будущего тестя? Ни Томье, ни я не допустим подобного приема. Оба мы слишком горды, чтобы унизиться до этого. Я возмущен против Томье, но я его уважаю. Он сам добровольно откажется от женитьбы на мадемуазель Превенкьер, переговорив со мною, – не потому, чтобы я его запугал, а потому, что я его убедил. Или же он будет драться бесстрашно, как всегда. Мы не какой-нибудь сброд, господин Маршруа. При всем нашем вырождении, испорченности, развращенности и бесстыдстве мы, несмотря ни на что, остаемся благородными людьми и докажем это на деле.

Маршруа не отвечал. Поглядывая на Леглиза, гордого, изящного, бледного и улыбающегося, он говорил себе сам: «В этом жуире, как бы то ни было, сказывается порода, и, при всей его нравственной неуравновешенности, он способен на вспышки энергии, которые не по плечу забитому нуждой бедняку. Но как этот малый непрактичен! Если он убьет Томье или подставит ему собственный лоб, что это докажет? Ведь растраченного богатства этим не вернешь, как и потерянной любовницы, а завод-то все-таки перейдет в мои руки, что бы там ни случилось. В конце концов, орел или решетка, я все равно останусь в выигрыше, что не мешает мне, однако, предупредить Валентину с позволения ли хозяина или без его спроса».

– Пять часов, – сказал Леглиз. – Вам нечего сообщить мне о делах?

– Письма написаны, хотите на них взглянуть?

– Не стоит. Корреспонденция не по моей части. Я уйду.

– Будьте сдержанней, прошу вас о том ради вашей собственной пользы, – сказал Маршруа, провожая Этьена до конторы.

Тот беспечно махнул рукой и вышел, бросив на компаньона иронический взгляд.

Около семи часов Томье кончал одеваться, собираясь обедать в клубе, как вдруг получил депешу, чтение которой сильно омрачило его спокойствие. Госпожа де Ретиф телеграфировала ему:

«Сейчас меня предупредили, что Леглиз, узнав о ваших планах, хочет с вами объясниться. Предупреждаю вас о том. Сегодня он обедает у Варгасов: не ходите туда.

Ваш друг Валентина».

Жан присел и задумался. Он вертел в руках телеграмму, точно желая найти в ней решение представлявшейся ему сложной задачи. Молодой человек никогда не представлял себе ясно вмешательства Леглиза; между тем уже не раз в последнее время возможность столкновения между ними смутно давала ему себя чувствовать. Томье совсем не задавал себе вопроса, как он поступит, если его друг, муж Жаклины, потребует у него отчета в его поведении. Но в данную мину-

ту он чувствовал, что ему будет страшно трудно выдержать свою роль и оправдать непростительный разрыв с женщиной, не виноватой перед ним ни в чем, кроме слишком преданной любви.

Несколько легче было бы ему оправдаться в измене, основанной на увлечении. Тут все можно было извинить любовью. Он полюбил и не остановился ни перед чем для удовлетворения своей любви. Он действовал в слепом пылу страсти. Но при этом хладнокровном, рассчитанном разрыве в чем найти оправдание? Ни в чем. Им руководил ясно и открыто денежный интерес. Он освобождался от уз, которые сам тысячу раз объявлял нерасторжимыми, и многолетняя связь порывалась единственно ради брака по расчету.

Жан не без досады должен был сознаться себе в этом и приготовиться выслушать те же самые истины от Этьена. Подобная необходимость показалась ему чересчур суровой. Но каким образом ее избежать? Из подобного положения оставался только один выход: разрыв с Превенкьером.

При этой мысли Томье встал и в сильном волнении начал прохаживаться по своей уборной. Возможно ли после обязательств, принятых им на себя перед Розой, отступить назад? Что она о нем подумает? А его друзья, какими насмешками встретят они такое жалкое отступление? Нет, это невозможно! Он вступил на трудный путь, и ему надо идти вперед к намеченной цели, а там будь что будет! В конце концов самое худшее, что может случиться, это то, что они с Леглизом

обменяются пулей или ударом шпаги. Но вероятно ли, чтобы этот скептик вздумал принять в трагическую сторону такое обыкновенное событие и разгневался бы во имя верности, которую сам всю жизнь нарушал, не смущаясь ничем?

Несколько развеселившись от таких соображений, Томье отправился в клуб, где пообедал и, закурив папироску, спросил себя, что он станет теперь делать. Госпожа де Ретиф советовала ему не ходить к Варгасам. Не пойти туда значило отсрочить предстоящее объяснение. Кроме того, он не рисковал неприятным разговором, а пожалуй, и стычкой с Этьеном на публике. «Валентина, конечно, ловкая женщина, подумал он. – Она с удивительным тактом схватывает щекотливую сторону вещей; какое громадное влияние приобретает эта дипломатка на Превенкьера! Она права, не надо туда ходить». Жан подсел к игорному столу и спокойно проиграл в «бридж» до половины одиннадцатого. Только что удалось ему выиграть сто двадцать фишек, как к нему приблизился лакей и сказал, понизив голос до шепота:

– Господин Леглиз просит вас к телефону.

Он встал, рассчитался с партнерами, попросил у них извинения и пошел в комнату с аппаратом. Через секунду в слуховой трубке телефона раздался голос Этьена:

– Это ты?

– Да. Что надо?

– Мне нужно с тобой поговорить, Приезжай ко мне.

– Хорошо. Приеду.

Леглизу случалось сто раз звать Томье таким образом, но теперь тон, выражение, лаконичность речи придавали его словам особое значение. Ни одного дружеского приветствия: ни «здравствуй», ни «прощай», только необходимо нужное, чтобы вышло понятно. По дороге в аллею Вилье Томье раздумывал про себя в купе: «Вот оно! Бомба сейчас лопнет. Валентину предупредили даром. У него не хватило даже терпения подождать меня у Варгасов. Этьен требует меня к себе, чтобы тем удобнее переговорить со мной без помехи. Его жена, не догадываясь ни о чем, спокойно проводит вечер. А в это время мы с ним затеваем ссору. Поганая история! Вот тебе и двадцатилетняя дружба!»

Он подъехал к дому, вышел из экипажа, приказал клубному кучеру ждать себя и поднялся на лестницу. Лакей, сняв с посетителя пальто, отворил перед ним дверь кабинета. Этьен прохаживался взад и вперед по комнате, куря папиросу. Он еще не успел снять фрака, Взглянув на своего друга, хозяин кивнул ему головой, бросил папиросу и, указав Жану на стул, прислонился спиной к камину. Томье спокойно сел и заговорил, Пока лакей затворял дверь:

– Однако сегодня я встречаю у тебя довольно странный прием.

По его губам мелькнула насмешливая улыбка.

– А какого же иного приема ожидал ты от меня после того, что сделал со мною? – сурово возразил Леглиз.

– Когда ты откроешь мне мое преступление, – осторож-

но заметил Томье, – тогда я узнаю, насколько основательны твои обвинения.

– Неужели у тебя хватает духу отречься?

– Опять-таки спрашиваю: от чего?

– От того, что это тебе обязан я, более чем кому-нибудь, тем, что Валентина вздумала меня бросить, так как это ты свел ее с Превенкьером.

Томье подумал: «А, вон он куда гнет! Он не нападает прямо, а изворачивается. Он хочет ко мне придрататься из-за госпожи де Ретиф. Хорошо, это другое дело, Если взяться за него осмотрительно, то можно еще выпутаться». Он встал и приблизился к Леглизу.

– Ты, кажется, бредишь! Мне брать сторону Превенкьера против тебя! Для того мне надо было иметь какие-нибудь средства. Послушай, рассуди сам: какую власть имею я над госпожою де Ретиф? Чем я могу на нее повлиять? Советовать ей? Ты отлично знаешь, что она достаточно умна, чтоб обойтись без чужих советов, и что эта женщина способна провести десятерых таких мужчин, как мы с тобой, без малейшего затруднения. Да и какая мне в том выгода?

– Приобрести благосклонность этого дурака Превенкьера, чтобы достичь осуществления своих собственных планов.

Томье почувствовал, что почва под ним становится опасной, и не допустил увлечь себя дальше.

– Все это одни идиотские сплетни. Неужели ты веришь разным болтунам, которые готовы сочинить невесть что?

– Черт возьми! Да я почерпнул свои сведения от самой Валентины и Превенкьера. Неужели ты думаешь, что они стали бы морочить меня небылицами? Какая им от этого корысть?

– Ну, положим!.. По крайней мере, я ничего не знаю.

– Неужели ты будешь прикидываться невинностью? Нет, уж это попробуй с другими, а меня тебе не одурачить.

– Повторяю еще раз, что я не имею намерения никому отводить глаза! Все, в чем ты меня упрекаешь, нелепо. Если госпожа де Ретиф бросает тебя, так это потому, что ты ей надоел. Ты не первый и не последний, с которым происходит подобная вещь, Знаешь ли ты способ удержать женщину, которая хочет уйти? Тебе хорошо известно, что все они руководствуются только своей фантазией. Эти создания готовы перемахнуть одним скачком через парижский оперный театр, чтобы догнать мужчину, которого они любят. Но в то же время они не подвинутся ни на один сантиметр, чтобы не дать убиться человеку, который им опостылел. Ты вменяешь мне в преступление штуки, выкидываемые Валентиной? Сознайся, ведь это совсем неосновательно! Валентина – что для тебя не ново – повинуется только самой себе. Я очень красноречив. Это известно. Тем не менее мой дар красноречия не простирается до того, чтобы изменить чувства женского сердца. Если твоя любовница тебе неверна, не ищи тому скрытых причин, довольствуйся теми, которые сами бросаются в глаза. Ты стеснен в средствах, а Превенкьер богат. Денежный вопрос! Я не вижу поэтому, с чего так жалеть о

Валентине.

– Да, ты прав, Томье, – с горечью согласился Этьен. – Некоторые женщины так низки и продажны! Они бегут к тому, кто больше даст. Истинное несчастье полюбить одну из них. Но есть и другие, – гордые, честные, которые заслуживают примерной верности и нерасторжимой привязанности. Что скажешь ты о мужчине, который, имея счастье быть любимым одной из этих благородных женщин, изменяет ей и продает себя за грудку золота? Не гаже ли он и не подлее ли продажного создания, насчет которого мы сейчас так сошлись во мнении? И подлец, который ведет себя так низко, разве неспособен на все компромиссы, на все сделки, в которых ты сейчас заявил себя неповинным? Я готов поверить, основываясь на твоих заявлениях, что ты не поощрял госпожи де Ретиф и не помогал ей бросить меня, но, не правда ли, что ты женишься на мадемуазель Превенкьер?

Томье, побледневший при этих роковых словах, сделал протестующий жест и проговорил едким тоном:

– Ах, теперь вопрос поставлен прямо! Дело идет о моей женитьбе! Так вот ты куда клонил? Знаешь ли, при всех твоих увертках, ты все-таки ужасно смел!

– Увертки? Ты шутишь! Увертки? Это с тобой-то? С какой стати? Ты очень хорошо знаешь, что я такое и что я сделал. Но и тебя я знаю также, Томье. Мы друг другу не уступим! После того, как я выказал относительно тебя такую снисходительность, когда мне следовало быть строгим,

ты, пожалуй, воображаешь, что я не решусь высказывать тебе правды в глаза. Полно! Разве мы с тобою добрые буржуа, какими были наши отцы, которые крепко держались правил нравственности и уважали их? Нет! Мы веселые прожигатели жизни и не хотим ничего, кроме удовольствий, не верим ни во что, кроме наслаждения, и возмущаемся лишь тем, что нас стесняет. Исключая воровства, нарушения клятвы или бесчестного удара на поединке, разве мы не способны на все? Так чему же тебе удивляться? Меня удивляет твое удивление! Мы каналы! Это несомненно! Но во всем есть градация. Так и я, например, мог бы отнять жену у своего друга и мог бы ее бросить, если б она перестала мне нравиться. Но черт меня побери, если б я был настолько низок, чтобы поступить так из корысти!

– Ты меня оскорбляешь! – воскликнул Томье.

– Не говори глупостей! Тебе хорошо известно, что я не могу тебя оскорблять. Тебе досадно выслушивать правду про себя. Но делать нечего! Ты готов поступить, как последний из негодяев. Не возражай! Не надо слов! У тебя только одно средство доказать, что я не прав, и я честно попрошу у тебя прощения: стоит лишь не совершать скверного поступка, за который я тебя упрекаю.

– Твое вмешательство – неслыханная наглость, – перебил Томье, – а твои требования безумны!

– Нет! И я не могу действовать иначе. Забуди, что я муж Жаклины. Представь себе, что я ее брат, и выслушай ме-

ня без предубеждения. Я тебе говорю: вот бедная женщина, имевшая несчастье выйти замуж за пустого человека, который пренебрег ею, молодой и прелестной, и обманывал ее с женщинами, которые ее не стоили. В тот момент, когда она впала в отчаяние, ей встретился другой, любезный и вкрадчивый, который полюбил ее и сумел овладеть ее разбитым сердцем. Он обещал ей утешать ее во всех горестях, доставить ей необходимую опору и помощь, которых она не нашла у человека, связанного с ней на всю жизнь. Уже изнемогавшая под гнетом своих горьких разочарований, молодая женщина ожила, воскресла и снова поверила в счастье. Муж, свидетель этого возрождения, будь он действующим лицом драмы или романа, мог бы прибавить к прежним проступкам новый, пытаясь помешать погубленной им жене, которую он не любил, спастись от отчаяния, благодаря новой любви. Но он оказался более прозаичным, заурядным, более уступчивым, если хочешь, более эгоистом. Он подумал, что, живя по своей прихоти, он не имеет права мешать той, которую обманул, искать себе утешения. Он помирился с виновностью жены и прикрыл ее своим снисхождением. Одни считали его слепым, другие сговорчивым мужем, смотря по собственному вкусу, но он ни за что на свете не хотел быть жестоким и грубым. В новом счастье покинутой им жены он почерпнул нечто вроде облегчения своей совести. Он выносил щекотливое положение, которое могло навлечь на него столько справедливых порицаний, имея в виду сердечное спокой-

ствие той, перед которой он был так много виноват. Видишь, Томье, я говорю откровенно и не скрываю от тебя ничего. Бедная Жаклина незаслуженно страдала из-за меня. Неужели ей теперь предстоит плакать и отчаиваться по твоей милости? Поразмысли о принятых тобою обязательствах, вспомни сказанные тобою слова. Я существо без мозга и сердца. Про меня говорили много дурного, и даром. Но ты! Ведь ты слывешь человеком добрым, рассудительным и благородным. Неужели ты поступишь еще хуже моего? Неужели мне просить у тебя сострадания к твоей жертве? Опомнись, подумай, рассуди здраво и откажись от этого безнравственного шага.

Томье слушал Леглиза, потупив голову, с явным раздражением. Он воздерживался, но руки у него дрожали, а на взволнованном лице отражалось негодование. Требования его друга казались ему чудовищными. Ложность собственного положения ожесточала Жана. И чем хладнокровнее объяснялся Этьен, тем сильнее разгорался гнев. Он посмотрел прямо в лицо своего друга и сказал:

- Ты кончил свою нотацию?
- Да, ты слышал все, что я хотел тебе сказать.
- Ты знаешь, что это превосходит всякие вероятия?
- Это стеснительно, не так ли? – с печальной улыбкой произнес Этьен. – Женщину, которую считали одинокой, представленной самой себе, беззащитной, вдруг оказывается не так легко бросить, когда и как вздумается, точно первую

встречную негодяйку.

– Положение действительно новое, – усмехнулся Томье.

– Новое или нет, но оно таково, и вот его заключение: я знаю, какова гордость Жаклины. Я видел ее отчаяние и слезы. Она не переживет, если ты ее бросишь. Я же могу оказать ей единственную услугу – это заступиться за нее перед тобой.

– Ты с ума сошел! – сказал Томье, пожимая плечами.

Этьен не двинулся с места, но его взгляд сделался пристальным, а кулаки сжались.

– Образумься, Томье, То, что ты затеваешь, подлость!

– А то, что ты затеял, смехотворно!

Тогда Леглиз подошел к нему вплотную.

– А, так вот как! Хорошо же! Вот мое последнее слово: если ты ее бросишь, я тебя убью.

– Идет! Я подвергаю себя этому риску.

Пронзительный вопль, подобный крику агонии, заставил обоих мужчин обернуться. Смертельно бледная от ужаса, подняв руку, точно в знак проклятия, появилась в дверях Жаклина. Подойдя к кабинету, она успела поймать последние слова ссорившихся. В пылу спора ни Этьен, ни Томье не слышали ее приближения. Она замерла на месте, глядя на них в испуге и недоумении. Им стало жаль ее, до такой степени она казалась убитой горем, и они бросились к ней, думая, что она упадет. Жестом руки госпожа Леглиз отстранила Томье, оперлась на руку Этьена и проговорила, с тру-

дом переводя дух:

– Я слышала ваш разговор. Я знаю, что думает каждый из вас. Этого с меня довольно.

Она обратила глаза, по-прежнему полные трагического изумления, на своего бывшего кумира и прибавила тихонько, указывая на дверь:

– Вы можете удалиться, господин де Томье. Никто не станет удерживать вас здесь. Вы свободны!

Ни гнева, ни презрения, одна смертельная усталость человека, который целыми часами носился по морю после кораблекрушения и наконец, отказываясь от борьбы с волнами, идет ко дну, обратив лицо к небу. Томье, потупив голову, сделал шаг к Жаклине. Без слов, без протеста она медленно покачала головой с таким страдальческим видом, что он не смел приблизиться. Поклонившись ей и бросив на Этьена вызывающий взгляд, он вышел из кабинета.

Госпожа Леглиз, совершенно изнемогая, оперлась на плечо мужа и пролепетала среди рыданий:

– Благодарю. О, я никогда этого не забуду! Благодарю!

С отуманенными глазами, искренне огорченный, Этьен осторожно обнял ее с братским увещанием:

– Не удерживай слез, моя бедная малютка. Я жалкий человек, ты видишь, но не дурной. Если я не сумел сделать тебя счастливой, то сумею тебя пожалеть от всего сердца... Это все, что я в силах исполнить теперь, когда стал недостойн твоей любви. Добрая Жаклина, ты не заслуживала горя!

Плачь, дорогое дитя, плачь! Твоя печаль не оскорбляет меня. Я хотел бы взять ее всю на себя одного.

И супруги, разлученные столько лет удовольствиями, плакали теперь вдвоем, сблизившись вновь, благодаря удару судьбы.

Глава 11

Мадемуазель Превенкьер собиралась выйти из дому около двух часов пополудни, когда горничная доложила ей о приезде госпожи де Ретиф, Несмотря на некоторое охлаждение между приятельницами, Валентина тем не менее свободно являлась в отель аллеи Буа. Роза велела проводить ее в свою маленькую гостиную, а сама сняла шляпу и спустилась вниз. С первого взгляда, прежде чем кто-нибудь из них успел заговорить, молодая девушка по одному виду гостьи угадала, что та явилась неспроста. Она протянула руку госпоже де Ретиф, которая привлекла ее к себе, дружески расцеловала и тотчас объяснила цель своего визита:

– Дорогая Роза, я страшно расстроена только что слышанным, и моим первым побуждением было известить вас обо всем.

– Что случилось?

– Вчера вечером между Леглизом и Томье произошло такое бурное объяснение, что сегодня поутру они оба обратились к своим друзьям, чтобы дать делу надлежащий ход. Весьма вероятно, что между ними состоится дуэль.

– Из-за кого? – прямо спросила Роза.

Госпожа де Ретиф немного замаялась, но потом ответила:

– Из-за вас и Жаклины.

– Каким это образом?

– Слух о вашей помолвке с Томье распространился по городу. Он дошел до ушей Леглиза, который без обиняков обратился к Жану, спрашивая, что это значит. Тот, должно быть, отвечал утвердительно, и, так как в эту минуту в комнату вошла Жаклина, объяснения кончились жестокой ссорой, которая должна повлечь за собою неминуемую серьезную дуэль, если не удастся помирить противников.

– Дуэль между господином Леглизом и господином де Томье! – в сильнейшем волнении воскликнула Роза.

– Ну, кто бы мог это предвидеть? – сказала Валентина. – И какой скандал, моя дорогая, какая пища сплетням! Какая масса злословий и клевет! Газеты целую неделю станут питаться этой историей чисто парижского пошиба, а все лица, мало-мальски прикосновенные к ней, будут добросовестно обрызганы отравленными чернилами. Можете себе представить, как я была потрясена, узнав такую новость!

– От кого же вы ее узнали?

– От Жаклины.

– Она приезжала к вам?

– Да, наполовину обезумевшая от страха и отчаяния. Вы понимаете, в каком положении находится бедная малютка: между Этьеном и Томье. Нельзя себе представить ничего ужаснее участи этой несчастной, и, право, если существует солидарность между женщинами, госпожу Леглиз надо выручить из беды. – Госпожа де Ретиф немного помолчала. – Говоря откровенно, мы обязаны ей помочь.

Роза вскочила, как ужаленная. Пристально взглянув на говорившую, она вымолвила:

– Значит, моя свадьба играла какую-нибудь роль в этом столкновении?

– На три четверти, остаток приходится на мое посредничество в деле вашего сватовства. О, я предвидела, что не обойдется без затруднений, но как можно было предполагать, что они будут так серьезны? Жаклина тут не виновата. Она только страдала, и никто не слышал от нее ни малейшей жалобы. Но на беду Этьену с Томье случилось обменяться едкими словами, а вы знаете, каковы мужчины, если затронуть их самолюбие. Тогда они ни за что не уступят, и самый благоразумный из них закусывает удила. Поэтому необходимо заставить их опомниться.

Роза опустила на стул, подавленная и задумчивая.

«Что делать? Как обуздать поссорившихся друзей?»

– Только госпожа Леглиз и вы можете остановить их вовремя. Она – действуя на Этьена; вы – усювестив Томье.

– Нам следовало бы сговориться.

– Вы желаете? Это легко.

– Каким образом?

– Нет ничего проще. Жаклина завезла меня сюда в своей карете и ожидает у подъезда. Хотите ее видеть?

– Да, это необходимо.

– Так я пойду за ней?

Встревоженный Превенкьер вошел в гостиную.

– Ах, папа, как ты кстати! – воскликнула Роза. – Не потрудишься ли ты пригласить госпожу Леглиз, которая ожидает госпожу де Ретиф у подъезда, войти к нам? Будь добр, как ты умеешь быть. Бедная женщина страшно расстроена. Если она будет отказываться последовать за тобою, скажи ей, что я прошу ее об этом и, если она потребует, приду за ней сама.

Превенкьер обменялся с Валентиной озабоченным взглядом. Та подала ему знак одобрения. Тогда старый влюбленный беспрекословно пошел, куда его посылали. Оставшись наедине, приятельницы молчали, сильно встревоженные, чувствуя на себе тяжесть лежавшей на них ответственности. Разве трудное положение, в котором они очутились, не было делом их рук? Действуя в своих личных интересах, они способствовали той вражде, которая проявилась теперь в такой опасной форме. Они участвовали в деле, не рассчитав результатов, которые оно могло повлечь за собой, и в данную минуту увидали все опасности, возникшие из него для других, тогда как все выгоды оставались на их стороне. И сознание безжалостного эгоизма в их поведении удручало Валентину, равно как и Розу. Впрочем, Розу еще сильнее, так как ее совесть не успела пока загрузеть в житейских испытаниях.

Раздался стук отворяемых и запираемых дверей, скользящие шаги по паркету, тихие голоса, и в комнату вошла Жаклина в сопровождении Превенкьера. Знаком попросила она госпожу де Ретиф оставить ее наедине с Розой. Молодая жен-

щина сказала хозяину дома:

– Пройдемтесь по саду.

Он покорно последовал за нею. Роза приблизилась к госпоже Леглиз и заговорила очень тихо, устремив на нее полный сожаления взгляд:

– Госпожа де Ретиф сообщила мне сейчас о важных происшествиях, случившихся вчера. Я страшно огорчена всем этим, в особенности из-за вас. Поверьте, что я говорю вполне откровенно: я не имею привычки притворяться. Я еще не успела ее приобрести. Это, пожалуй, придет со временем, потому что мир, где мы живем, как я убеждаюсь мало-помалу, весь соткан из лжи и лицемерия, а те, которые говорят и действуют откровенно, сильно проигрывают через это. Однако я поступлю именно так, потому что не сумела бы лгать. Объясните же мне прямо, чего вы желаете, и я отвечу вам тем же. Мне от души хотелось бы угодить вам.

После этих слов мадемуазель Превенкьер осмелилась взять руку Жаклины, несмотря на ледяную враждебность ее вида. Она ласково заставила гостью сесть и сама села рядом с нею. Все это делалось с деликатной и утонченной приветливостью сестры милосердия, которая перевязывает открытую рану легкой и нежной рукой. Жаклина была слишком чувствительна, чтобы не оценить предупредительности молодой девушки, Она была тронута, и ее натянутость смягчилась. Принужденная объясниться, госпожа Леглиз почувствовала, что ей понадобится для этого порядочная смелость. Но что

значили эти затруднения сравнительно с опасностями, которые было нужно устранить? Итак, она быстро решилась:

– Я желаю только одного: предотвратить дуэль между моим мужем и господином де Томье. Мысль о том, что который-нибудь из них может быть ранен или даже убит, терзает меня, вы должны это понять. Я сознаю себя не в силах подействовать на господина де Томье. Кроме того, если б я и сохранила еще над ним прежнюю власть, то после его поступка со мною я не должна более обращаться к нему, если не хочу вконец унижить свое достоинство...

У Жаклины стеснилось дыхание, слезы брызнули из глаз, и она продолжала, стараясь их унять:

– Ах, поверьте, однако, что будь у меня надежда подействовать на него, я махнула бы рукой на всякое женское достоинство! Да, если б было нужно, я бросилась бы перед ним на колени, чтобы помешать этой дуэли, исход которой, во всяком случае, растерзал бы мне сердце. Ведь если победителем останется мой муж, то пострадает человек, которого я обожала, а если...

Она не могла продолжать, задыхаясь от волнения, и умолкла с блуждающими глазами, почти не помня себя; из груди у нее вырывались глухие стоны. Взволнованная Роза схватила ее холодные руки и пыталась их согреть, Она дала пройти этому взрыву отчаяния и сказала, когда Жаклина опомнилась настолько, чтобы ее выслушать:

– Я сделаю, что вы хотите, не сомневайтесь в том, и да-

же более, если это нужно. Я не знала, какие глубокие корни пустила ваша привязанность к господину де Томье. В легкомысленном и насмешливом свете, куда я вступила год тому назад, мне были знакомы связи без содержания и любовь без убеждения. Я привыкла видеть, как завязывались и развязывались без усилий и как бы по взаимному соглашению тесные узы между мужчиной и женщиной. Браки казались мне заключенными не прочнее незаконных союзов. Лозунгом каждого как будто было стремление избегать всего затруднительного и тягостного. Как же я могла поверить, чтоб ваша связь была не такой же, как у других, и что господин де Томье, делая мне честь просить моей руки, не был уверен, что ему будет так же легко освободиться, как и другим молодым людям его разбора?.. Я сама смотрела на представившееся мне замужество совсем не с романтической точки зрения. Если господин де Томье дал мне понять, что я ему нравлюсь, ничто не давало мне повода думать, что он питает ко мне пламенную страсть. Я находила его благовоспитанным, милым, опытным в житейских делах. Он гарантировал мне хороший тон, связи, родство, которыми, по-видимому, дорожил мой отец. Ни с моей стороны, ни с его не было никакого особого увлечения, а просто один обдуманый и взвешенный договор. При таких условиях я, кажется, могла рассудительно согласиться на предложенный мне брак. Но дело резко меняется, раз оно приняло трагический оборот. Господин де Томье, расставшийся со своей прежней привязанно-

стью, мог быть для меня подходящим женихом; но господин де Томье, грубо порывающий дорогие обязательства, да еще ценою своей крови или крови оскорбленного им человека, нет, это не в моем вкусе! Я была обманута. Меня провели. Пожалуй, я сама попала впросак. Но теперь я все вижу ясно и могу поручиться, что вы встретите с моей стороны самую надежную помощь. Я скорее согласна остаться старой девой, чем причинить вам столько горя. Я попрошу господина де Томье прийти к нам и возвращу ему его слово.

На лице Жаклины появилась унылая улыбка.

– Неужели вы думаете водворить мир этой ценой? Вы не знаете людей, с которыми имеете дело. Они, пожалуй, способны простить удар своему самолюбию, нанесенный без свидетелей, но явная обида, публичное оскорбление – этого они никогда не простят. У них только одна религия: закон чести. Ему они подчиняются безусловно. Между спокойствием других, собственной их пользой и безопасностью с одной стороны и удовлетворением своей гордости с другой, эти люди не станут колебаться. И не порицайте их за такую бессердечность: если бы они действовали иначе, то были бы обесславлены в глазах равных себе.

– В таком случае, – с твердостью сказала Роза, – я хочу произвести опыт: рискну сделать относительно господина де Томье один шаг, который для меня будет решительным. Если я не имею никакой власти над ним, то отступлюсь от своего намерения помочь вам, что чрезвычайно огорчит меня.

Но если господин де Томье решится сделать по-моему, я буду считать его лучше других и, может быть, рискну тогда на другую попытку в вашу пользу.

Молния радости блеснула в глазах бедной Жаклины. Слезы снова потекли по ее щекам, но на этот раз тихие и освежающие, а не горькие и мучительные. Непреодолимое влечение заставило ее броситься в объятия Розы. Глубоко растроганная молодая девушка расцеловала пылающие щеки своей соперницы и произнесла, устремив на нее полный доверия взгляд:

– Рассчитывайте на меня и действуйте со своей стороны на господина Леглиза, Но, что бы ни случилось, не сердитесь на Розу Превенкьер!

– Прощайте, – сказала Жаклина, – благодарю вас от всего сердца.

Она спустилась в сад в сопровождении Розы; Превенкьер проводил ее до экипажа. Госпожа де Ретиф, находчивая и развязная, чувствуя себя необходимой, вернулась в гостиную со своей приятельницей. Та некоторое время молчала в глубокой задумчивости, мысленно перебирая свой разговор с госпожой Леглиз. Из их обоюдных слов и объяснений вытекало, что ее брак с Томье становится невыносимым, но что если она намекнет ему на возможность разрыва, то это еще усилит опасность, которую надо было устранить. Каким образом, однако, заставить Жана отступить в деле чести, не подтвердив еще сильнее своих обязательств перед ним? Гос-

пожа де Ретиф как будто прочла в мыслях Розы ее нравственную борьбу, не находившую удовлетворительного исхода, потому что сказала:

– Самое трудное, видите ли, душа моя, заключается не в том, чтобы склонить Томье к: уступчивости, но в том, чтобы вознаградить его, не заходя дальше, чем хочешь.

– Да, вот именно!

– А разве эти происшествия изменили ваши намерения? – с любопытством спросила Валентина.

При таком вопросе Роза ясно почувствовала, что довериться госпоже де Ретиф значило бы погубить все, потому что эта интриганка непременно выдаст ее перед Томье, тогда как, обманув ее, можно было рассчитывать на успех своей попытки. Первый раз в жизни девушка пустилась на хитрость с людьми, хитрившими постоянно, и противопоставила ловкость притворству.

– Разумеется, нет! Господин де Томье неответственен за случившееся, – сказала она с притворной решимостью. – Ему нужно только с достоинством выйти из досадного положения. Я велю вызвать его по телефону и попрошу в доказательство искренности его чувств ко мне отказаться от всяких требований, предъявленных в смысле удовлетворения чести. Если он сделает мне это одолжение, я буду очень тронута. Если же нет...

Роза не хотела солгать вполне и закончила свою фразу неопределенным жестом. Госпожа де Ретиф улыбнулась.

Она подумала: «Томье отлично зарекомендовал себя, как дуэлист. Он дрался десять раз и потому прекрасно может уладить это дело. Необходимо только предупредить его». Превенкьер вошел в гостиную с озабоченным видом. Между тем Валентина, прогуливаясь с ним давеча вокруг маленькой полосы газона, обсаженной цветами, которые, собственно, и составляли весь сад при отеле, объяснила ему по-своему вмешательство госпожи Леглиз. Тем не менее страдальческое лицо этой женщины заставило повернуться в нем сердце.

– Я не мог равнодушно смотреть на эту несчастную, – сказал он своей дочери. – Если ты в силах помочь ей, дитя мое, не навлекая на себя слишком больших неприятностей, то постарайся выручить ее. Леглиз опасный противник, и я беспокоюсь за Томье.

– Вот чего не надо показывать, – остановила его госпожа де Ретиф. – Если бы у Томье могло мелькнуть подозрение, что его хотят защитить, он ни за что не допустил бы подобного унижения своей гордости... Да он тогда стал бы драться с самим чертом!

– Эти люди настоящие безумцы, – подхватил Превенкьер. – Они потеряли нравственное равновесие. Не лучше ли, право, держаться от них в стороне?

– Вот еще одно, о чем не должен догадываться Томье, – сказала, смеясь, Валентина.

– Но, мой друг, этот народец начинает мне порядком на-

доедать! – сердито воскликнул Превенкьер. – Не говоря уже о нравственной распущенности, в них нет ничего простого, доброго и честного. Все в них сложно, исковеркано и не внушает доверия. В конце концов я задаю себе вопрос, приятно ли будет для Меня иметь внуков этой породы. Я не буду понимать ничего в их идеях, они же станут презрительно относиться к моим. Знаете ли, кем я кажусь себе теперь, глядя со стороны на свою жизнь и на людей, среди которых я вращаюсь вот уже год? Порядочным снобом!

– Папа, – перебила его дочь, – надо попросить по телефону господина де Томье приехать к нам, так как мне надо с ним переговорить по важному делу.

– Хорошо.

– Ну, а я отправляюсь, – сказала госпожа де Ретиф, – а перед обедом загляну к вам узнать о результате переговоров. Действуйте похитрее, моя красавица, вы добьетесь своего, только незаметно обойдя Томье.

– Будьте уверены, что я приму все предосторожности.

– Я приказал заложить купе, чтобы отвезти вас, – сказал Превенкьер.

– Премного вам благодарна. До скорого свидания.

Роза поднялась к себе. Ею овладело особенное настроение. В мыслях молодой девушки произошел переворот. Как будто повязка упала у нее с глаз, и она стала понимать смысл многих вещей, ускользавший от нее раньше; она точно прозрела после долгой слепоты. Под изящной внешностью, слу-

жившей им прикрытием, нравы, вкусы, чувства людей, среди которых вращалась Роза, представились ей во всем их ужасе. Она могла подвести итог всем порокам, всем беспутствам, всем нравственным безобразиям, которые прикрывал внешний лоск. Ей показалось, будто бы все знакомые лица, которые она привыкла видеть улыбающимися и любезными, вдруг принялись строить зловещие и ужасные гримасы. Иллюзия, украшавшая людей и предметы, рассеялась, а все ничтожество, безобразие и низость выступили наружу во всей своей гнусности.

Молодая девушка отшатнулась в испуге, точно лунатик, очнувшийся на краю кровли и готовый упасть на мостовую. Страх пустоты, потемок заставил содрогнуться Розу. Все мысли, с которыми она некогда вышла от Сесили Компаньон, убедившись в нравственном падении женщины, желавшей опутать ее отца, определились теперь особенно ярко и вызвали у нее неодолимое отвращение. Она сказала себе: «Госпожа де Ретиф мечтает пристроиться к чужому богатству, зная, что оно велико. Но ей это извинительно: она не может достать денег иначе, как только торгуя собою. Она не умеет ничего делать; улыбки, искусство нравиться – вот ее единственная специальность. Но Томье, подбирающийся к моему богатству, зная его размеры, еще хуже Валентины, потому что он мужчина и мог бы работать».

На этом пункте своих рассуждений мадемуазель Превенкьер презрительно улыбнулась: «Нет, где ему трудиться! Он

неспособен на это; хоть он и мужчина, но мужчина, избалованный роскошью, воспитанный для того, чтоб жить наследственным состоянием или богатым приданым жены, не отказывая себе ни в чем. В конце концов, как с той, так и с другой стороны одинаковая продажность, одинаковая неспособность к труду – мужчина и женщина, созданные для наслаждения, годные лишь на то, чтоб их содержать. Не была ли я счастливее в Блуа, когда зарабатывала насущный хлеб, мастера шляпы местным дамам? И не завидна ли участь Сесили, которая не знает других забот, кроме угождения своим заказчицам?»

Розе невольно вспомнился Проспер Компаньон. Он стоял перед ней, как живой, плохо причесанный, с небрежно подстриженной бородой и с умным лбом, освещенным глазами мечтателя, Он совсем не напоминал собою модной картинки. Брюки у него оттопыривались на коленях, а сюртук не мог никого поразить своим изяществом. Но в сердце у него жила невинная и неизменная любовь, которой он никогда не посмеет выразить и увезет ее с собою в африканские пустыни. Роза сказала: «Он должен скоро уехать. Достаточно одного моего слова, чтоб он остался. Неужели я отпущу его? Не была ли я сумасшедшей целый год? О чем я думала? Что значат мои расчеты, к чему привели бы мои планы? Я отдаю все: мою личность, мою честность, мой ум и мое состояние. Что же мне дают взамен?»

Пресыщенное изящество, охладевший ум и сердце, неспо-

собное увлекаться. Это замужество не что иное, как торг, да еще вдобавок основанный на обмане».

Она упрекнула себя за то, что зашла слишком далеко и попала в запутанное положение, из которого не видела теперь исхода. Если б дело шло о ней одной, ничего не могло быть проще, и, если б не было нужно принимать в соображение опасность, грозившую Томье с Леглизом, достаточно было одного слова, чтобы расстроить интригу. Но Роза взяла на себя обязательства перед Жаклиной, и ее честность заодно с состраданием требовала, чтобы она сдержала данное слово. Мадемуазель Превенкьер не затруднялась предстоящим разговором с Томье. Скорее с любопытством, чем со страхом, ждала она, что скажет ей жених. Она подумала: «Кто знает, пожалуй, Валентина поспешила предупредить его и начертать ему план действий». Молодая девушка начала подозревать теперь всех.

В это время к ней вошел отец.

– Томье отвечал мне по телефону, что явится сейчас. А вот и наши лошади, отвозившие госпожу Ретиф.

– Будь так добр, сделай мне одолжение, – пристала к нему Роза, – спустись сам во двор и как-нибудь половчее выведай у кучера, прямо ли провез он госпожу Ретиф на улицу Басано.

– Но куда же ей было заезжать? – спросил встревоженный Превенкьер. – Видишь, как скоро вернулись лошади.

– Все равно, справься. Ну, что тебе стоит? У меня есть

свои причины.

– Ладно, будь по-твоему.

Минуту спустя он вернулся.

– Госпожа Ретиф проехала на улицу Бассано, но останавливалась минуты на две у телеграфного бюро.

– Отлично! Это я и хотела узнать. Она связалась по телефону с Томье.

– Очень возможно, – отвечал Превенкьер, – потому что, когда я потребовал сообщения по телефону с его квартирой, мне сказали, что его номер занят, и я должен был обождать... Значит, ты не доверяешь госпоже Ретиф?

– Да. Советую и тебе также не доверять ей.

– Что с тобой? Ты совсем переменилась. Всего неделю назад ты была так внимательна к этой восхитительной женщине.

– Я была околдована. Ты же околдован еще до сих пор.

Отец покачал головой в приливе внезапной меланхолии.

– Это весьма вероятно! Но неужели ты считаешь проницательность существенным условием счастья? Я охотно склоняюсь к противоположному. Не станем с ужасом отворачиваться от человечества! Что сделалось бы с ним, если б нам было нужно судить его, как оно заслуживает? У меня также бывают взрывы негодования, как и у тебя, когда я возмущаюсь, когда порицаю собственное потворство слабостям и порокам окружающих. Но потом я одумываюсь. Хорошо было бы жить среди людей совершенных, да вот беда: где их найти? Моя

добрая малютка, сейчас ты слышала, как я восставал против твоего брака с Томье, осуждал поведение этого молодого человека... Я был неправ. Конечно, он не изъят от недостатков и слабостей, но при всем том твой жених несравненно лучше всех прочих, которых мы могли бы выбрать в том обществе, где он живет.

– Ну, разумеется! Я и сама это знаю. А только неужели, кроме его круга, нет ничего другого?

– Почти так... Дворянство смешалось с богатой буржуазией и составляет этот свет, исключительно занятый удовольствиями, о котором мы говорим так много дурного. Ниже его помещается коммерческий мир; он трудится над накоплением богатства, чтобы попасть, благодаря всемогуществу денег, в веселящийся свет, а в самом низу населения – народ, который бьется за работой, страдает и старается доставить себе те же наслаждения, как и люди, стоящие над ним; но он хочет достичь этой цели самыми быстрыми и самыми легкими способами, то есть путем революции. Куда ни взглянешь, вверх или вниз, видишь те же аппетиты, удовлетворяемые теми же способами, которые тебя так возмущают. Человек везде одинаков, и он немногочего стоит. Моя дорогая дочь, не вдавайся в пессимизм, утешай себя кроткой философией. Примирись с необходимостью слышать правду только изредка, не знать почти никогда бескорыстия и обвыкнуть – увы! – от справедливости. Или же, если хочешь, купим себе остров на Средиземном море – иногда они поступают в

продажу – и давай жить в уединении. Поверь, это не весело и скоро наскучило бы тебе!

– Нет, отец, – возразила Роза, – я не хочу отчаиваться в жизни. Должна же она иметь для меня в запасе кое-что, кроме разочарований. Важнее всего вручить свою судьбу человеку с душой. Будь у него все недостатки и недочеты, если он способен чувствовать и великодушен, это дело поправимое. Но нужно, чтобы он был добр, потому что доброта есть лекарство от всех страданий. Вот почему я просила позвать господина де Томье для переговоров со мною. Я подвергну его последнему испытанию, Если он выдержит его, я доверю ему свою будущность. А если нет...

– Ну, что же тогда, если не выдержит? Надо договаривать.

– Тогда я предпочту остаться девушкой. Таким образом я всегда буду иметь возможность располагать собою.

– Вот так решила! Но ведь в таком случае – ни внуков, ни наследников, все пойдет прахом?

– Кто знает! – с улыбкой вымолвила Роза.

– Постой! Вон Томье! – воскликнул Превенкьер, приближаясь к окну. – Я пойду принять его.

– Не надо, прошу тебя! Я хочу, чтобы с ним никто не говорил раньше меня.

– Как? Недоверие к отцу?

– Даже к самой себе, смотря по надобности, – отвечала дочь, обнимая Превенкьера. – Оставайся тут и будь умницей, а я решу вопрос о твоём и моём спокойствии.

Томье прошаживался по обширной галерее перед гостиной, где были выставлены картины, купленные банкиром. Легкие шаги Розы, скользившие по мозаичному полу, заставили его обернуться. Несколько мрачное лицо молодого человека прояснилось. Она подходила к нему с протянутой рукой. Он нагнулся и поцеловал концы ее пальцев.

– Пойдемте со мною, – сказала молодая девушка, – нам будет удобнее разговаривать в кабинете отца.

Жан пошел за нею, не говоря ни слова. Роза усадила его, села с ним рядом и сказала с прямою, которая произвела на Томье сильное впечатление:

– Признаете ли вы за мною право ставить вам большие требования?

– Величайшие, бесспорно. Никто не может иметь такой власти надо мной, как вы.

– Хорошо. Простирается ли эта власть настолько далеко, чтобы склонить вас к решениям, которые совершенно расходятся с вашими привычками и тенденциями?

– Я сделаю все в угоду вам, кроме того, что запрещает честь.

– А! Значит, достаточно выяснить с вами вопрос о том, что вы называете честью. Заключается ли она в уважении некоторых правил, основанных на боязни пересудов и имеющих лишь весьма неопределенное отношение к настоящей честности и порядочности?

Томье придал уверенность взгляду своих чудесных глаз и

отвечал спокойным голосом:

– Будем говорить откровенно, сударыня. Честь, так, как я ее понимаю, заключается в том, чтобы не допускать ничего, что может навлечь на меня нареkanie в нравственной слабости, а в особенности не терпеть никакого оскорбления без того, чтоб не потребовать обидчика к ответу.

– Значит, честь заставляет драться во всяком случае – не прав ли человек или прав, потому что тот, кто дерется, даже если право не на его стороне, продолжает считаться порядочным человеком, тогда как, если б он не дрался, не имея повода ни в чем себя упрекнуть, он заслужил бы презрение?

– Вроде этого, действительно, – с улыбкой согласился Томье. – Но зачем вы пускаетесь в теорию, вместо того чтобы обсудить специальный случай? Тогда это вышло бы понятнее.

– Я к этому и иду. Между вами, господин де Томье, и господином Леглизом произошла ссора. Как предотвратить ее последствия?

– Сударыня, я объясню вам это сейчас, хотя подобный предмет мало удобен для обсуждения с молодыми девушками. В данном случае господин Леглиз жестоко обидел меня и обязан дать мне удовлетворение. Последнее он может исполнить, извинившись передо мною или приняв мой вызов на поединок.

– Кто же из вас прав?

– Вопрос не в том, сударыня. Он меня оскорбил.

– Но разве вы не сделали ничего, чтобы довести его до этой крайности?

– Если б я был виноват перед ним, ему следовало бы требовать от меня удовлетворения. Тогда я оказался бы в его власти, а не он в моей.

– Следовательно, насколько я понимаю, это чисто вопрос формы. Самая суть фактов мало принимается в расчет при улаживании этих столкновений, И тот, кто менее всего рассчитывает или сильнее всех горячится, оказывается виноватым по законам чести. А разве это положение обидчика не влечет за собою самых неприятных последствий, например, обязательства принять для поединка оружие, которое он едва умеет держать в руках, тогда как его противник владеет им в совершенстве?

– Не спорю, это бывает, сударыня, – спокойно отвечал Томье, – но в случае, который вы разбираете, силы противников совершенно равны. Поэтому вам нечего беспокоиться.

– Я коснулась этого пункта, только желая основательно познакомиться с кодексом чести, который руководит всеми вашими действиями. Я хотела выставить на вид всю его жестокость, всю несправедливость. Теперь, когда мы установили суетность его правил, посмотрим, как можно их преступить, В моих глазах, знайте это, в своем праве лишь тот, у кого чисты намерения. Преимуществ, какие в состоянии предоставить форма одному из противников, я не признаю совсем, если он не прав по существу дела. Что мне в том,

что господин Леглиз оскорбил вас словами, если вы оскорбили его фактически и первый, самым серьезным образом? Насколько я знаю эту историю, обвинения, возводимые на вас господином Леглизом, совершенно основательны. Он зачинщик, это верно, но виновный – вы. Вам следует многое искупить, о чем именно я вас и просила.

– Оставив этот вызов без последствий?

– Да, – с твердостью отвечала Роза. – Вот испытание, которому я хочу вас подвергнуть. Вы сказали мне, что я имею право требовать многого от вашего расположения ко мне, так вот чего я требую.

– Вы хотите, чтобы я унизил себя перед Этьеном Леглизом и дал ему возможность хвастаться, что он меня оскорбил, а я хладнокровно снес оскорбление? Одним словом, вы хотите сказать, что в угоду вам я должен поступить как трус?

– Нет, как благородный человек, который совершил проступок и хочет его искупить; как благородное сердце, которое согласится скорее страдать, чем мучить существо, отдавшее ему все, что у него было самого лучшего в жизни; как мудрый ум, желающий в будущем воспользоваться уроками прошедшего и доказывающий это первым актом сдержанности.

– Как трус! – с гневом подхватил Томье. – Вопреки вашим успокоительным формулам то, чего вы требуете от меня, есть не что иное, как подлость! Вдобавок вы не застали меня врасплох: я был предупрежден.

– Кем? – запальчиво воскликнула Роза.

– Госпожой Ретиф, – отвечал Томье. – А, вы подозреваете меня в двоедушии. Но я вам докажу, что неспособен на ложь и низость. Под предлогом подчинить меня своему капризу вы мечтаете меня унижить в моих собственных глазах. Этого вам не удастся! Попытка, на которую вы отважились, чересчур смела. Как! Меня, Томье, считаете вы совершенно лишенным нравственных принципов за то, что я жил в развратном обществе, довольно неразборчивом; за то, что я сошелся с женой своего друга, настолько жадным до денег, что я не поколебался оттолкнуть искреннюю привязанность, чтобы жениться на вас без любви, и это меня же вы просите в угодку вам пожертвовать последним остатком гордости, уцелевшим до сих пор? Нет, выбросьте это из головы, сударыня. Во всяком случае, это невозможно.

– Но если я прошу? Но если я умоляю?

– Скажите прямо: «Если я приказываю вам!» – Молодой человек встал и, выпрямившись перед Розой во весь рост, мрачный, с искривившимися губами, смотрел на нее с оттенком жалости: – Вы составили свой план чрезвычайно ловко, – продолжал он, – и наша приятельница, которая почти разделяет ваши воззрения на вопрос, объяснила мне его весьма невинно. Мне следует прикинуться влюбленным, готовым на все в угодку вам, чтобы тем вернее обеспечить свою женитьбу на вас. Мне предлагают простую и ясную сделку, причем ни вы, ни госпожа де Ретиф не усомнились, что я

на нее соглашусь. Госпожа Леглиз, только что побывавшая здесь, приезжала просить вас о том; госпожа де Ретиф поощряла вас на это, а вы, гордая своим финансовым перевесом, сказали сами себе: «Как ему устоять против таких звонких и полновесных аргументов? Этому молодому человеку прямо заплатят за послушание, ему остается лишь покориться, а если он заупрямится, ну, тогда можно сделать надбавку к приданому. Деньгами залечивается много ран самолюбия. Через месяц бедняга и не вспомнит о неприятном инциденте, а так как он еще до подписания брачного контракта дал мерку своего характера, то можно быть уверенным, что после свадьбы такой муж станет повиноваться, как хорошо выдержанный лакей». Так вот, милостивая сударыня, к величайшему моему сожалению, должен вам сказать, что вы ошиблись. Вы меня не знаете. Конечно, я не приписываю себе небывалых качеств: я стою немного. Тем не менее между весьма предосудительными проступками, совершенными из эгоизма или по слабости, и готовностью обесчестить себя в угоду вам – целая бездна, которой я никогда не перешагну.

– Кто знает! – воскликнула Роза.

– Я! И это было бы уже слишком!

– Вы весь состоите из одной гордости.

– Если хотите, так! Но в этом случае я не изменюсь.

– Неужели вы не сжалитесь над несчастной женщиной, которая отчаивается и плачет?

– Комедия! Ее муж дрался не раз, и она не принимала к

сердцу его дуэлей. Мне это хорошо известно, потому что я служил ему секундантом!

— А если она боится за вас?

Томье не нашелся что сказать. Этот неожиданный вопрос, по-видимому, смутил его. Он потупил голову. Роза, чувствуя, что перевес клонится на ее сторону, поспешила этим воспользоваться.

— Как можете вы сомневаться в искренности госпожи Леглиз? Можно ли себе представить что-нибудь ужаснее ее положения? Между мужем и вами для нее нет выбора; она может только отчаиваться! Послушайте, ну хоть проблеск великодушия, хоть порыв доброты. Пощадите бедную женщину. Вы-то ее разлюбили, но она, бесспорно, продолжает вас любить. Доставьте мне, мне самой возможность оправдаться перед нею, оказав ей услугу, возвратив ей спокойствие. Я не совсем права перед госпожой Леглиз. Между тем она не сделала мне ни малейшего упрека. Сжальтесь над ней, умоляю вас! Сжальтесь надо мною! Тут уж не до требований, не до приказаний, не до покушений на вашу волю; здесь только одни мольбы, обращенные к благородству вашего сердца. Будьте великодушны, умиласердитесь над нами, избавив ее от отчаяния, а меня от упреков совести. Если б случилось несчастье, я думала бы, что вина за него падает косвенно и на меня, и была бы неутешна.

Роза Превенкьер схватила руки Томье и пожимала их с пламенной мольбой. Молодая девушка, холодная и рассу-

дительная, которая так ожесточала его, исчезла. Он видел ее подавленной, испуганной и чувствовал себя победителем. Посмотрев на Розу без гнева, он тихонько сказал:

– Вы хотите настоять на своем? Хорошо, я вам сделаю единственную уступку, возможную для меня: я ручаюсь перед вами своим словом, что завтрашний день Этьен Леглиз вернется домой здоров и невредим.

– А вы?

– Я... Со мной будет то, что угодно случает.

– Иными словами: вы пощадите противника, рискуя собственной жизнью?

– Это все, что я могу сделать в уважение вашей просьбы.

– Но я не этого хочу! – горестно воскликнула Роза. – Через это ваша дуэль будет еще ужаснее.

– Не пугайтесь так, – спокойно ответил Томье, – я очень уверен в себе и рискую гораздо меньше, чем вы думаете.

– Вы сами говорили мне, что между вами и господином Леглизом шансы равны. Какое же громадное преимущество окажется на его стороне, если вы ограничитесь одной защитой!

– Сударыня, мы были должны роковым образом прийти к этому решению проблемы, когда вы обратились к моей жалости. Между пятном, которое легло бы на мою честь, если бы я отступил перед дуэлью, и риском, которому я подвергаюсь, сдержав свое обязательство перед вами, я не думаю колебаться. Приятели Леглиза и мои получили уже извещение

и должны уговориться не дальше как сегодня. Объяснения, которые потребовались бы от меня для прекращения переговоров, могут показаться более чем странными, тогда как все найдут весьма естественным, что я пощадил человека, который был моим другом. Значит, все к лучшему, если так выйдет. А вы не ставьте мне в особую заслугу моей уступки вашему желанию: еще до разговора с вами у меня это было решено.

– Вы нисколько не щадите меня, – с серьезным видом сказала Роза. – Вы даже лишаете меня права думать, что я оказала на вас влияние.

– Сударыня, я обещал вам быть искренним. В начале нашего разговора вы строго раскритиковали то, что презрительно называете кодексом чести. Поэтому не мешает вам понять, что если, как вы говорите, подобные мне и я сам заодно с ними в эпоху гибели всех верований не имеем другой религии, кроме культа закона чести, то мы, по крайней мере, остаемся ему верны до пренебрежения к своим интересам, до презрения к смертельной опасности. Это наш последний способ быть благородными людьми. И в тот день, когда этот непримиримый предрассудок закона чести, утонченный до жестокости и узкий до несправедливости, исчез бы из наших обычаев, наш нравственный упадок, будьте уверены, сделал бы свой последний шаг.

Роза подняла голову и сказала голосом, полным печали:

– Я совсем не создана для общества, где чувства до такой

степени утонченны, а понятия так узки, господин Томье. И я думаю, что отсюда вышла бы странная путаница. Я стою перед вами, точно дикарка, одаренная одними природными инстинктами, которую неприятно поражают и оскорбляют все рассуждения чересчур цивилизованного ума. Между мной и вами, я чувствую это ясно, не могло бы существовать полного согласия. Мы не имеем ни одинаковых вкусов, ни одинаковых достоинств, ни одинаковых недостатков. Мы люди разной породы. Я буржуазка, со всей простотой низшего сословия, которую так легко растрогать. Я питала бы к вам безграничную благодарность, если бы вы приблизились ко мне, к ущербу вашей гордости, в порыве чувствительности, и если б у вас хватило мужества подвергнуть себя нареканию за то, что вы поступили вульгарно, как добрый человек. Вы не сумели этого или не захотели. Вместо откровенного решения, указанного мною, вы предлагаете мне плачевный компромисс, который оставляет неприкосновенным ваше тщеславие, но не успокаивает моих тревог. И вы воображаете себя необыкновенно великим, потому что рискуете своей жизнью в этом случае. Но вы рискуете не ею одною, знайте это. Рана, которую вы получите, может оказаться не смертельной; но госпожа Леглиз способна умереть с отчаяния, которому вы подвергаете ее так жестоко. Ваш гнев и ваше презрение гораздо более надежное оружие, чем шпага или пистолет. Если б вы согласились быть человеческим, вы могли бы заслужить прощение. Вы не хотите этого, — как угодно. Что бы

ни случилось, вы прольете меньше крови, чем вы заставили пролиться слез.

Томье поклонился крайне просто, и, хотя молодая девушка жестоко порицала его, она не могла не залюбоваться его гордой миной и величавой осанкой.

– Не знаю, сударыня, буду ли я иметь честь увидеть вас еще, – сказал он, – но вопреки всему, что вы можете думать обо мне, верьте, что чувства, привязывающие меня к вам, очень искренни и что я сделал все от меня зависящее, чтобы вам угодить. Мне это не удалось, весьма жаль. Но я не могу сделать ничего больше. По крайней мере, я уверен, что если вы меня порицаете, то не будете презирать, а для меня это все.

У Розы мелькнула последняя надежда вернуть Томье, когда она заметила, что его голос дрожит от едва сдерживаемого волнения. Она протянула к нему руки:

– Послушайте, не уходите таким образом! Я чувствую, что вы готовы уступить. Не рассуждайте. Допустите увлечь вас вашему сердцу, которое согласно со мною в данную минуту, я вижу это. Согласитесь побыть обыкновенным смертным в течение пяти минут. Вот здесь под рукою все, что нужно для письма в пять строчек вашим друзьям, чтобы сообщить им о вашем отказе от продолжения дела... Ах, я буду вам так благодарна!..

Она торопила его, толкала. Он нахмурил брови с искренним огорчением. В первый раз воля в нем колебалась. Он

был готов уступить. Колебание отняло пристальность у его взгляда. Томье вздохнул, однако гордость взяла перевес. Он выпрямился, топнул ногой, как будто желая стряхнуть с себя оцепенение, овладевшее им, и ответил со всею твердостью, которую успел вернуть:

– Вы были бы благодарны мне за это сегодня, а завтра стали бы меня презирать, Прощайте, сударыня. Условия ваши слишком суровы, или характер мой недостаточно гибок, только согласие между нами невозможно этой ценой!

Он восхитительно улыбнулся, поклонился и вышел. Роза не сделала ни одного движения, чтобы его остановить.

Глава 12

Весь день тянулся для Жаклины в смертельной тоске. Около двух часов она получила от госпожи де Ретиф коротенькую записочку с известием, что попытка мадемуазель Превенкьер образумить Томье не удалась. Валентина, неизменно добрая, даже тогда, когда ее интересы не требовали этого, прибавила внизу утешительный постскрипtum: «Свадьба, наверно, разойдется». Но эти несколько слов, которые могли привести в восторг Жаклину неделю назад, не произвели на нее теперь никакого действия. Что за дело до будущего, когда настоящее так грозно! Женится ли или не женится Жан на мадемуазель Превенкьер, этим можно заняться после. Теперь же требовалось поскорее узнать, будет ли драться он с Этьеном и не заплатит ли один из них своей жизнью за все недавно возникшие надежды и нарушенные старые клятвы.

Госпожа Леглиз слышала, как приехали секунданты Томье. Она считала томительные минуты, пока они переговаривались с секундантами ее мужа. Потом двери снова растворились, поднялся гул голосов, и свидание кончилось. Этьен, затворившийся со своими приятелями, не сообщал никаких сведений Жаклине. Только письмо госпожи де Ретиф принесло ей весть о ходе рокового дела. И молодая женщина убедилась теперь, что ни с той, ни с другой стороны

нельзя ожидать снисхождения.

Она провела несколько часов, лежа на диване в своей уборной в каком-то оцепенении и совершенно без сил. Мысли у ней путались, и она отдавалась потоку событий, как утопающий волнам. Не имея возможности подействовать на других, видя неудачу своих усилий, несчастная, измученная женщина покорялась беде, грозившей ей со всех сторон. Она не думала звать Этьена. К чему? Ей было известно, что он находится в пассивном положении и должен ждать условий человека, которого оскорбил, как должен согласиться и с его претензиями и исполнить его требования. Муж не мог больше сделать ничего для Жаклины, приняв на себя ее защиту. А так как Томье не соглашался на мировую, то не оставалось больше никакой надежды: дуэль предстояла по всей строгости устава между двумя противниками, тем более ожесточенными друг против друга, чем виновнее чувствовали они себя в долгой терпимости.

Между тем около четырех часов Этьен пожелал переговорить с женою. Она приняла его в той же комнате. Он вошел чрезвычайно спокойный и почти улыбающийся, без всякой видимой тревоги. Она знала, что его отвага доходила до полной беспечности, и потому не удивлялась, что Этьен был так же хладнокровен, как если бы пришел сообщить ей о какой-нибудь увеселительной поездке. Однако он объяснился с полной откровенностью и, угадывая нетерпеливое желание жены узнать подробности дела, даже самые ужасные, сооб-

шил ей, что дуэль состоится на следующий день поутру и будет происходить на пистолетах.

– Я предпочел бы шпагу, – равнодушно заявил Этьен, – но, пожалуй, пистолет лучше: из него можно промахнуться.

Жаклина опровергла его слова жестом безнадежности. Ее лицо было страшно. Она знала ловкость мужа и Томье.

– Прошу вас немного образумиться, – сказал Леглиз, – ваш вид тревожит меня. Вы страдаете, бедная Жаклина, и это, клянусь, терзает меня хуже всего... Но не отчаивайтесь заранее... Мало ли что может еще случиться до завтрашнего дня... Томье, пожалуй, одумается, успокоится...

Она поняла, что он хочет только ободрить ее несбыточной надеждой, но не верит сам в благополучный исход. Молодая женщина печально покачала головой.

– Наконец, если он не даст доказательства, что раскаивается в своем поступке... Ведь поймите меня хорошенько, дитя мое... с виду я был обидчиком... но обида исходит от него, и мне нет надобности напоминать вам, насколько она была несправедлива и жестока. Если б в данном случае на мне лежала хоть тень вины, клянусь, я не поколебался бы ни минуты устроить то, чего вы так пламенно желаете: приличное примирение, к которому было бы можно прийти... Теперь же один Томье имеет право предложить его... Вы знаете, что я не отказался бы.

Она осушила глаза, полные слез.

– Я очень благодарна вам за вашу доброту. Ваше снисхож-

дение и ласка служат мне удивительной отрадой в моем жалком положении. . . У вас также свое горе, я знаю, но вы забываете о нем, чтоб думать только о моих страданиях.

– Да, Жаклина, это правда. У меня были крупные неприятности одновременно с вами. Но моя печаль не осложняется, как ваша, жестокими тревогами. . . Мое дело улажено; оно одно из тех, над которыми Можно только смеяться. Глупец мужчина, бросающий безумные деньги на женщину и обманутый ею ради более богатого, – разве это не самый обыденный анекдот? Право, не стоит об этом много печалиться. Женщина была красива, соблазнительна, она отдала свой ум и свою красоту взамен больших средств. Значит, мы поквитались! Между друзьями не бывает убийств из-за такого банального приключения. Я не стал упрекать. Даже Превенкьера. Со вчерашнего дня в голове у меня перебивало многое, и я убедился, что вел себя в продолжение десяти лет как совершенный дурак. Я пренебрег счастьем, которое было у меня дома. Я расточил богатство, оставленное мне отцом. Я поступал, как существо без сердца и разума. Вот итог моей молодости. Все происшедшее зло падает на мою ответственность, и я нахожу справедливым, что принужден искупить его. Так, например, если завтра я останусь жив и невредим, то клянусь вам бросить все прежнее. Этьен Леглиз, которого вы увидите завтра вечером, будет совсем не похож на того, которого вы знали до сих пор.

– Разве вы намерены переменить свою жизнь? – с горест-

ным удивлением спросила Жаклина.

– Вполне!

– Ах, Этьен, зачем же вы не сделали этого раньше! Мы не были бы такими несчастными!

– Вот уверенность в этом и приводит меня в отчаяние. Я не больше как глупец, мое милое дитя, а натворил бедствий, точно я чудовище. Я заплакал бы, если бы это не было так смешно. Не понимаю, каким образом Томье, которого я знавал честным и добрым, не разделяет моих чувств. Не могу надивиться сварливому упрямству этого малого, который был обыкновенно так кроток. Он ничего не хочет знать, кроме самолюбия, а это такое чувство, с которым труднее всего сладить.

Жаклина как будто не слыхала его. Она подумала: «Между этими двумя мужчинами стою только я одна. Этьен прав: Томье уперся на одном. Его самолюбие страдает потому, что я была свидетельницей оскорбления. Наедине они обменялись бы еще более резкими словами, не думая за них мстить. Гордость Томье страдает из-за того, что Этьен выказал себя гораздо благороднее и великодушнее передо мною. Этого он никогда не простит, как унижения. Не будь меня в живых, умри я от горя, разорвись мое сердце от тоски, их взаимное озлобление растаяло бы моментально в слезах и улеглось, как бурный ветер после нескольких капель дождя».

– Я ухожу, – сказал Этьен, видя задумчивость жены. – Вы не дадите мне никакого поручения?

Она протянула ему руку, которую он ласково пожал, после чего Леглиз расстался с нею такой же спокойный, как и пришел. Оставшись одна, Жаклина взглянула на часы: они показывали четыре. Ей пришло в голову, что обыкновенно в этот час Томье отправлялся в клуб или к знакомым, если не ожидал ее. Что-то он делает в этот печальный день? Без сомнения, Жан, как и Этьен, оставался у себя, чтобы сговориться с секундантами и приготовиться к опасному поединку. Госпожа Леглиз представила его себе в обширной мастерской, где она обыкновенно находила его или за чтением при ярком свете, падавшем из широкого окна, обращенного к северу, или лежащим на диване, между тем как его глаза следили за голубоватыми струйками дыма от папиросы, клубившимися в пространстве. И вдруг Жаклиной овладела мысль бежать к нему, повидаться с ним, поговорить в последний раз; это желание было так сильно, что она не могла ему противиться. Напрасно говорила она себе, что после отвратительной жестокости Жана накануне с ее стороны было гадко выказывать ему предупредительность. Страсть возражала на это: «Как знать, может быть, последнее усилие восторжествует над его упорством? Может быть, он ждет только случая выказать себя человеком? Как я стала бы раскаиваться, если б не предоставила его Жану. В сущности, чем же я рискую? Неудачей? Стыд немного прибавил печали. А вдруг я добыюсь своего!»

Она поднялась с дивана, точно к ней вернулась вся ее прежняя живость, кокетливо причесала волосы, освежила

водой заплаканное лицо, желая быть красивой и нравиться. Потом молодая женщина надела черное платье, вышитое стальными блестками, которое нравилось Томье, как сделанное с большим вкусом, и прикрыла свои прекрасные волосы маленькой кружевной шляпкой. Не говоря никому о своем уходе, не требуя экипажа, госпожа Леглиз спустилась во двор и вышла на улицу. Она шла быстро. Движение освежало ее. На воздухе воспаленные от слез глаза перестали гореть, а на щеках выступил румянец. Она почувствовала, что кровь живее обращается у нее в жилах; вместе с физической бодростью к Жаклине вернулась и ясность мысли. Через полчаса она дошла до дома, порог которого так часто переступала, и поднялась наверх. На звонок появился лакей, который не был нисколько удивлен ее приходом. Этот человек совершенно не знал, какие важные перемены произошли в жизни его господина.

– Барина нет, – просто сказал он, давая дорогу Жаклине.

– Хорошо, я подожду.

Она миновала гостиную, вошла в мастерскую и села, не снимая шляпы и накидки. Ее волновала смутная радость среди этой знакомой обстановки. Что бы ни случилось, она была теперь уверена, что еще раз увидит Жана, поговорит с ним, попросит его. Пускай он объявит ей наедине, позабыв все ласки, презрев все клятвы, что разлюбил ее и любит другую! До сих пор он не осмеливался это сделать, и каждый раз старался пощадить ее, успокоить, даже обмануть, только

бы не огорчать. Но теперь ложь была уже невозможна, надо было высказаться напрямик. И госпоже Леглиз хотелось убедиться, хватит ли у него мужества выказать себя таким же суровым к ней, каким он был вчера в присутствии Этьена. Она не допускала мысли, чтобы он устоял перед нею с глазу на глаз под обаянием ее присутствия. Он, пожалуй, скажет ей, что хочет взять назад свою свободу, но не скажет, что намерен обрызгать ее кровью. В противном случае он перестанет быть Жаном Томье, которого она знала и который любил ее настолько, чтобы уметь искусно лгать. Молодая женщина нетерпеливо встала и прошла по мастерской.

Она приблизилась к маленькому столику, на котором Жан обыкновенно писал все свои письма. Тут стояла приготовленная чернильница и лежал развернутый бювар. Жаклина наклонилась над ним, точно в надежде, что на бумаге сохранился отпечаток того, что Томье написал на снятом с бювара листке, и глаза ее приняли пристальное выражение на бледном лице. На печати, валявшейся тут же, виднелись следы черного сургуча. Значит, последний запечатанный Жаном конверт носил на себе знак траура. Жаклина под села к столу, потупив голову перед этим доказательством того, что он готовился к смерти. Она просидела таким образом неопределенное время совершенно неподвижно, переворачивая в своем страждущем мозгу зловещие мысли. Появление лакея около шести часов потревожило ее. Слуга приблизился со смущенным видом:

– Сударыня, я должен сказать вам, что барин, должно быть, не придут до обеда... Из клуба приходили за чемоданом, и я пойду их одевать.

– Ах, – произнесла дрожащая Жаклина, – так он не придет до ночи... Да, это так!..

Судорожная улыбка мелькнула у ней по губам. Она не могла громко досказать свою мысль перед этим человеком, который не должен ни о чем догадываться. Молодая женщина подошла к столу, села и набросала на листке следующие слова:

«Я у вас, Жан, и жду вашего прихода. Мне надо с вами поговорить хоть одну минуту, а еще нужнее вас видеть. Не согласитесь ли вы прийти? Я не хочу упрекать вас, но обращусь к вам только с просьбой, первой и, вероятно, последней, потому что до сих пор вы один просили меня всегда о чем-нибудь. Сжальтесь надо мною, Жан, потому что, как бы то ни было, я не сделала вам ничего дурного!»

Слеза, скатившаяся из ее глаз на бумагу, послужила вместо подписи этой записки. Жаклина положила ее в конверт, который запечатала и подала слуге.

– Передайте, пожалуйста, это господину де Томье и скажите ему, что я буду ждать ответа сколько угодно времени.

Лакей с озабоченным видом поклонился госпоже Леглиз, потому что любил эту женщину за кротость ее улыбки и речи. Когда он вышел, она опять села и стала терпеливо дожидаться, изнемогая в смертельной тоске – жестокое искупле-

ние часов блаженства! День клонился к вечеру, на часах пробило семь. Госпожа Леглиз подумала: «Этьен будет ломать голову над тем, куда я девалась. Все равно, я не уйду отсюда, пока не сделаю последней попытки». Наконец, немного спустя, в соседней комнате послышались шаги. Молодая Женщина вздрогнула и выпрямилась. Дверь отворилась, лакей вошел один. Робко, точно с сожалением, приблизился он и сказал:

– Барин велел мне передать вам, сударыня, что он не знает, когда вернется, и покорнейше просит извинения.

Водворилось тягостное молчание. Склонив голову, Жаклина спросила:

– Ваш барин приказал вам не оставлять меня здесь?

– На этот счет мне ничего не было сказано, – отвечал лакей, понизив голос. – Разве вам угодно оставаться, сударыня?

– Еще минут десять. Не беспокойтесь обо мне, я напишу несколько слов и уйду...

Он посмотрел на нее с недоумением, однако послушно удалился. Оставшись одна, Жаклина перестала сдерживаться и дала волю слезам. Так вот до чего дошло: Томье отказался прийти на ее смиренный, жалобный призыв! Первый раз сознание непоправимого горя овладело Жаклиной. До этого грубого подтверждения печальной действительности она все еще сохраняла надежду. Она верила в человека, которого любила; она не могла ошибиться в нем так страшно. Тот, ко-

го она считала добрым, бескорыстным и честным, не должен был оказаться злым, продажным и подлым. В одну минуту все перевернулось. Но если ее разум должен был подчиниться ужасной очевидности, то сердце не мирилось с нею. Жестокое негодование поднималось в нем против несправедливости бросившего ее любовника. И в этой внезапной экзальтации, охватившей Жаклину, ей показалось невозможным покориться несчастью, которое для нее было крушением всего. Она вспомнила, что сказала однажды Томье на этом самом месте: «Конец твоей любви будет концом моей жизни».

Она не была лгуницей и то, что обещала, имела привычку строго исполнять. Вдобавок стоит ли жить с этой необъятной скорбью, которая терзала ее? Неужели ей подвергаться всем испытаниям явного разрыва? Она не была способна утешиться, как другие, в потере одного любовника любовью нового. Она объявила Жану: «После тебя – никого». Она решила исполнить обещанное, чтобы показать этому человеку, что значит слово женщины.

Жаклина поднялась со стула, прошла в спальню и здесь, холодная, спокойная, ясно понимавшая все, выдвинула ящик стола у изголовья постели. Она вынула оттуда маленький револьвер, который не раз внимательно рассматривала раньше, любясь его стволами вороненой стали. С этой минуты, решив свою участь, Жаклина вернулась в кабинет и села опять в большое кресло, на мягкой спинке которого сохранился еще отпечаток плеч любимого человека. Тут она

погрузилась в задумчивость в полутьме сгущавшихся сумерек, все еще рассчитывая на порыв раскаяния, слабости, который заставил бы Томье вернуться. Но ее ожидания не сбылись. И вот, когда пробило восемь часов, когда ночной мрак окутал комнату, последняя надежда угасла... Молодая женщина приставила дуло револьвера к виску. В потемках блеснул свет, грянул сухой треск выстрела, за которыми снова водворились еще более глубокая темнота и тишина: тело госпожи Леглиз осталось неподвижным, но ее нежная душа отлетела.

Около девяти часов, после довольно веселого обеда с друзьями, которые думали только о своем удовольствии, Томье очутился в игорном зале клуба, предоставленный самому себе, и на него вдруг напала странная тоска. Пока он мог говорить, забываясь, ему было легко обманывать свою совесть. Но, оставшись один, он не мог отделаться от осадивших его мыслей, и тут им овладело смятение, беспокойство, от которых невольно становилось жутко. Ему представилась Жаклина, ожидавшая напрасно его возвращения. В ушах у него отдавалась фраза лакея:

– Я должен заметить вам, сударь, что госпожа Леглиз кажется ужасно расстроенной...

Жан не отвечал на эти слова, подсказанные жалостью старому слуге, преданность которого не подлежала сомнению. Теперь ему стало стыдно, что он вынудил у старика это увещание. Ему пришло в голову; «Что-то сделала Жаклина, ко-

гда ей принесли мой ответ? Вероятно, она ушла, убитая горем». Но вдруг у Томье мелькнула мысль: «Ну, а что, если она осталась?» Он знал твердость характера Жаклины; в припадке отчаяния и беспокойства она, пожалуй, решилась упорствовать в своем ожидании. Одну минуту ему стало досадно, но эта досада скоро рассеялась; какой-то неотвязный страх или, скорее, предчувствие беды, которого он не мог определить, но и не мог с себя стряхнуть, мучительно давило его. Он был не в состоянии оставаться дольше в этом зале, где за игорными столами его равнодушные товарищи мирно проводили время после сытного обеда. Один их вид внушал ему отвращение. Молодой человек взял свое верхнее платье и вышел. Сначала он шел пешком, но вскоре лихорадочное волнение усилилось в нем до такой степени, что Томье был готов пуститься бежать. Все нервы в нем напряглись, а внутренний голос твердил: «Да торопись же, несчастный! Беги к ней, может быть, еще не поздно». Жана удивляла эта смертельная тоска; он отыскивал ее причину, спрашивая себя, куда ему торопиться, но, прежде чем успел найти ответ, невыносимая тревога заставила его вскочить в наемный экипаж. Он дал свой адрес кучеру и крикнул ему:

– Поезжайте как можно скорее!

Звук собственного голоса испугал его. Он почувствовал себя исполнителем воли рока. Он постиг в одну минуту всю тяготевшую над ним ответственность и то, как он был жесток и несправедлив. Экипаж остановился. Забыв расплатиться,

Томье соскочил на тротуар, вбежал на лестницу, шагая через несколько ступеней, и дернул звонок у своей квартиры. Ему отворили не сейчас, и он принялся барабанить в дверь своей тростью, а его первый вопрос лакею был:

– Госпожа Леглиз еще здесь?

– Да, сударь... Я не смел их беспокоить... Вы, сударь, ничего не сказали...

– Вы хорошо сделали!

Томье вздохнул свободно в приливе восхитительной отрады. Нервная торопливость покинула его. Жаклина тут, он ее увидит. Все его смутные опасения рассеялись. Он придумывал теперь, чем извинить свою суровость и какими средствами обмануть молодую женщину. Он заранее знал, что она его простит, но предвидел ее слезы. О, больше всего Жан боялся слез Жаклины!

Он миновал гостиную, отворил дверь мастерской и остановился на пороге, удивленный темнотой. Молодой человек сделал несколько шагов. Его глаза, привыкнув к потемкам, различили на светлом фоне громадного окна большое кресло, выступавшее своей темной массой. Жану показалось, что в нем кто-то сидит, прислонившись к спинке. Он подумал: «Это Жаклина. Но она не двигается. Неужели заснула?» Томье окликнул тихонько:

– Жаклина...

Ни малейшего движения, ни слова в ответ. Теперь он ясно различал ее перед собою. Жан сделал еще несколько шагов

к креслу и повторил немного громче:

– Жаклина!

Молчание и неподвижность. Трепет пробежал по телу Томье, оледенив его с головы до ног. В мозгу у него мелькнула догадка об ужасной действительности. Если Жаклина не отзывается на его голос, значит, она его не слышит. Он бросился к коммутатору электричества, и в одну минуту комната ярко осветилась. Перепуганный Жан бросил взгляд на Жаклину. Вытянувшаяся, бледная и серьезная лежала она перед ним бездыханным трупом, и тонкая струйка крови сбегала с ее щеки на плечо. Без крика, без жеста, охваченный ужасом, Томье приблизился к ней, взял ее похолодевшую уже руку и увидел, что пальцы этой руки сжимают листок бумаги. Он схватил его, дрожа, развернул с благоговейной скорбью и прочитал эти простые слова:

«Так как вы не любите меня больше, то я ухожу, В память счастливых дней я прошу вас только об одном: не драться с Этьеном. Прощайте. Жаклина».

Хриплый вопль вырвался из груди несчастного, который усомнился во всем, даже в самом себе. Страшная боль, пронзившая ему сердце, доказала этому человеку, что он не вполне еще утратил всякую чувствительность. С громкими рыданиями опустившись на пол перед трупом, он приник головою к коленям своей жертвы, которая, может быть, улыбнулась после смерти, утешенная этой последней победой.

– О, прости меня, Жаклина, прости! – вне себя восклик-

нул Томье.

Долго плакал и раскаивался он таким образом. Наконец легкий шум заставил его поднять голову, и он увидел на пороге мастерской Этьена Леглиза, бледного и безмолвного. Жан указал ему жестом на Жаклину, не давая себе труда осушить свои слезы.

– Ты ее искал? – произнес он. – Вот она! Я подлец! Она умерла от моей жестокости. Но, даже умирая, она не изменила себе и отошла в вечность со словами кротости и жалости... Она думала только о тебе и обо мне самом... О, как я подл, как низок! Окажи мне услугу, убей меня! Я не заслуживаю милости! И как мне жить теперь после совершенного преступления!

Этьен поднял с паркета завещание любви Жаклины, прочитал его, потупив голову, и произнес дрожащим голосом:

– Нам следует уважить ее волю... Протяни мне руку, Томье...

Они обнялись, оба виновные, оба доведенные до отчаяния, и, опустившись на колени перед трупом в общем порыве раскаяния, вместе зарыдали.

* * *

Осень румянила зеленые чащи Булонского леса, холодный опаловый свет заливал поле Лоншанских скачек, где происходили состязания на последние призы сезона. Шумная тол-

па любопытных теснилась на поляне, подобие черного муравейника кишело вокруг деревянных барачков тотализатора, а земля, взрытая от беспрестанной ходьбы игроков, была усыпана разорванными билетиками. Тройной ряд экипажей теснился вдоль деревянных барьеров, окружавших арену, и под все еще теплыми лучами солнца переполненные трибуны ярко пестрели последними светлыми платьями, в которые вырядились парижские модницы. Спортсмены озабоченно сновали в отделении весов, осматривая лошадей. Завязывались разговоры, происходил обмен рукопожатий, отрывисто высказывались предсказания. Двое внезапно встретившихся молодых людей остановились на минуту.

– Кого я вижу? Буасси!.. Ну, как поживаете? Ведь мы не виделись с вами целый век...

– А вы-то сами что подельваете, милейший Лермилье? Уж не с художественной ли целью попали вы на скачки? Соскучившись писать красавиц, не взяли ли вы за лошадей?

– Ну, вот еще что выдумали! Я здесь с американцами, поклонниками моей кисти.

– А я украшаю своим присутствием экипаж молодого Фурнериля, который притащил сюда всю кутящую ватагу.

– А, ватагу! Значит, вы еще хороводитесь с нею? Неужели вы не успели до сих пор изучить всех этих картонных плясунов до самой души, если таковая у них имеется?

– Друг мой, эти бесшабашные кутилы представляют неистощимый рудник психологических наблюдений. Бывая с ни-

ми, можно собрать материалу на десять романов и на двадцать театральных пьес. Трагическое превосходство чередуется в их среде с комическим.

– Они как раз попали в трагедию при нашем последнем свидании.

– Действительно, так, когда умерла эта бедная малютка госпожа Леглиз. У ней было сердце, и это убило бедняжку.

– Ее приятельницы не рискуют тем же, не так ли?

– Нет, у них только один бюст!

– Значит, маленькая госпожа де Рево по-прежнему имеет нескольких поклонников?

– Нет, она пылает жестокой страстью к молодому Фурнерилю, и он у ней единственный.

– Его средства позволяют ей ограничиться одним!

– Что же касается госпожи Тонелэ, то она придерживается Тузара и Кретъена. Судья от нее отстал, находя, что ему предоставляли мало случаев пользоваться своими правами, требуя в то же время слишком много услуг.

– Как требовательны эти люди закона!.. Он не довольствовался моментальными снимками мужа, а добивался позирования жены?

– Зато у нас есть новое приобретение: англичанка, от которой мы все без ума; она побивает госпожу Варгас в теннис и своими прекрасными руками составляет нам неведомые напитки, от которых огонь разливается по телу... Ее зовут миссис Лудвель. Это блондинка с ослепительно белым

телом... Вот была бы отличная модель для вас! А кстати, как ваши дела с Розою Превенкьер?

– Ну, с нею я недалеко ушел. Мне даже не удалось приступить к ее портрету, как произошли события, повлекшие за собой катастрофу с госпожою Леглиз. Так у нас все и осталось в проекте. Но это дело еще не ушло. Госпожа де Ретиф возьмется за него.

– А куда девалась эта восхитительная женщина? Она совсем пропала. Вот уж полгода, как я не имею никаких слухов о ней.

– Она проводила лето в Территэ... А Превенкьер жил с дочерью в Эвиане.

– Значит, между красавицей блондинкой и золотопромышленником по-прежнему продолжается любовь?

– О, мой друг, банкиру не вырваться! Если он когда-нибудь сорвется с крючка, то не иначе как по игре случая. Госпожа де Ретиф повела с ним серьезную игру, и он раб этой женщины навек. В его годы нельзя устоять против такого изобилия привлекательности. Эта вдовушка, с ее умом, грацией и умением жить, способна заменить собою двадцать красавиц; она – целый сераль.

– Женится ли он на ней?

– Если она захочет. Когда Роза будет замужем.

– Да разве она выходит замуж? За кого?

– Ее жених – славный малый, по имени Проспер Компаньон, нечто вроде друга детства... Человек достойный,

дельный, с удивительным лицом изобретателя, поглощенно-го своей мечтой.

– Ну, в области мечтаний ему, кажется, повезло, потому что самая смелая его мечта осуществилась.

– Превенкьер полагает, что его будущий зять, которого он сделал пайщиком у Леглиза, удесятерит барыши завода... Банкир того мнения, что его дочь сама делает превосходную партию, выходя за Компаньона.

– Великолепно! Значит, бедняга Леглиз может опять приняться за прежнее?

– Он страшно изменился, постарел и образумился... Смерть жены нанесла ему удар, от которого он не может оправиться.

– А Томье?

– Исчез. Думают, что он путешествует по Востоку... Латурнель рассказывает, что встретил его на Синайской дороге где-то в Аравии и будто бы он намерен постричься в монахи. Но все это чепуха. Томье захотел рассеяться, позабыть свое горе, вот он и скитается до поры до времени в дальних краях. Но, пожалуй, не сегодня-завтра мы увидим его опять, блестящим более прежнего, и он снова займет место во главе парижского движения... Такой человек, как Томье, не создан для продолжительного уединения: ему нужен блеск, шум, великолепие наших праздников.

– Да. А тем временем под могильным камнем будет спать маленькая госпожа Леглиз, не виновная ни в чем, Кроме то-

го, что она любила всей душой.

– Что делать, милейший, жизнь не остановишь ничем!

– Верно. И не следует мешкать, увлекаясь философскими рассуждениями. Минуты бегут, не станем останавливаться! Идемте, парижские кутилы!

В отделении весов зазвонил сигнальный колокол, возвещая о выходе лошадей. Над толпой вдали мелькнула жокейская куртка.

– До свидания, Буасси. Очень рад, что повидался с вами.

В один из этих вечеров вы увидите меня с кутящей ватагой.

– Лыщу себя этой надеждой!

– Пойдите, любезнейший, оглянитесь вон туда, направо; видите, все наши дамы на дилижансе!

И действительно, взмопившись на верх высокого экипажа, молодые женщины красовались во весь рост в прозрачном воздухе, кокетливые, грациозные в своих свежих туалетах, возвышаясь над несметными толпами остальной публики в виде лучезарного апофеоза беспечности и наслаждения.